

НА ВОЛЖСКИХ БЕРЕГАХ

Удалека долго течёт река Волга... Издавна стоят на её берегах старинные русские города Тверь, Ярославль, Кострома, Нижний Новгород... Жили и живут в них люди разные – святые праведники и культурные подвижники, купцы-предприниматели и мастера-умельцы, учителя и врачи, художники и писатели...

Основателем первого русского театра в Ярославле считается костромич Фёдор Григорьевич Волков. Этот факт уже говорит о том, как много общих имён в культурных пространствах верхневолжских городов. Великий драматург Александр Ни-

колаевич Островский жил в Костромской губернии, но с интересом посещал Тверскую и Нижегородскую, о чем сообщал в своих дневниках и очерках. Самый оригинальный писатель начала XX века Василий Васильевич Розанов детские годы провёл в Костроме, а гимназические – в Нижнем Новгороде. Жизнью и творчеством своим соединил Ярославль и Кострому поэт Николай Алексеевич Некрасов, уроженец Ярославля Виктор Сергеевич Розов великую свою пьесу «Вечно живые» писал в Костроме...

Однако это всё известные литераторы, но были и политики, администраторы.

Например, генерал-губернатор Алексей Петрович Мельгунов, живший и в Ярославле, и в Костроме, или Сергей Иванович Бирюков, занявший после должности Нижегородского вице-губернатора должность предводителя Костромского дворянства. А уж о волжских купцах и говорить не стоит: один костромич-нижегородец Гордей Иванович Чернов, ставший прототипом горьковского Фомы Гордеева, чего стоит.

Об исторических, торгово-промышленных и культурно-духовных связях верхневолжских городов, о людях-волжанах да их делах и повествуется в этом номере журнала.

Кострома. Вид на Волгу. Нач. XX века.

Верхневолжские города в исторической памяти

В историко-культурной летописи верхневолжских городов Твери, Ярославля, Костромы и Нижнего Новгорода есть немало общих страниц – как драматических, так и радостных. В XIII веке, во время ордынского нашествия, эти города были разорены ханом Батыем, а затем они участвовали в изгнании с Русской земли хана Мамаю. В начале XVII века народное ополчение, родившееся в Нижнем Новгороде, шло на освобождение Москвы от польских захватчиков через Кострому и Ярославль, укрепляясь в этих городах новыми силами. А в начале XVIII века плотники, каменщики и другие мастера-отходники с верхневолжских берегов по велению царя Петра строили на берегах Невы новую столицу русского государства.

Случались беды и в мирное время. Так, почти в одно время в Твери (1763 г.) и Костроме (1773 г.) произошли большие пожары, после которых оба города были фактически застроены заново по известным указам Екатерины Второй. При этой императрице во время проведения административно-территориальной реформы Костромское наместничество объединялось сначала с Ярославским, а затем с Нижегородским. Этот исторический опыт был повторен уже в XX веке, когда после ликвидации Костромской губернии часть её отошла к Ярославской области, а часть – к Нижегородскому краю.

В 1722 году в Ярославле была построена первая в России полотняная фабрика, затем они открылись в других волжских городах, после чего территорию

Верхней Волги стали именовать «текстильной стороной». Многие льняные товары, а также ювелирные и другие кустарные изделия везли из этих городов на знаменитые нижегородские выставки и ярмарки, в том числе и на самую масштабную Всероссийскую промышленную и художественную выставку 1896 года.

Интересно, что словосочетание «первое в России» во многом применимо именно к этим волжским городам. Особенно следует отметить Ярославль: кроме уже упомянутой полотняной фабрики здесь было открыто первое в стране духовное училище, изданы первые «Епархиальные ведомости», вышел в свет первый русский журнал «Уединенный пошехонец», основан первый провинциальный музей был открыт в Твери, первая женская гимназия – в Костроме, первый электрический трамвай появился в Нижнем. И некоторые первые исторические источники попали в наш культурный обиход из этих городов: Лаврентьевская летопись была об-

наружена в Нижнем Новгороде, Ипатьевская летопись – в Костроме, «Слово о полку Игореве» – в Ярославле.

Ну и конечно, объединяет Тверь, Ярославль, Кострому и Нижний Новгород великая русская река Волга, на берегах которой стоят они столетия. Именно эти города, их замечательную историю, высокую культуру и духовность отмечают в своих дневниках и воспоминаниях многие известные путешественники и русские писатели, а также французский, Александр Дюма, совершивший в 1858 году путешествие по Волге и написавший об этом в книге «От Парижа до Астрахани».

Общие границы Костромской, Ярославской и Нижегородской областей сказались на архивных коллекциях. Касается это как светской, так и церковной истории. Документы, рассказывающие о церквях и монастырях, в настоящее время расположенных на территории Ярославской и Нижегородской областей, хранятся в фондах Государственного архива Костромской области. И, в то же время, картина не будет полной без обращения к фондам архивных учреждений Нижегородской и Ярославской областей.

Эти земли имеют единое документное пространство, архивы же являются одним из важнейших звеньев взаимодействия Русской православной церкви и общества.

*Е. А. КАРПЕНКО,
статс-секретарь –
заместитель губернатора
Костромской области*

ПОЛЬЗА ОТ ОБЩЕНИЯ ВЗАИМНАЯ

На вопросы журнала «Губернский дом» отвечает
председатель комитета по делам архивов Костромской области В.Д. Морозов

Виктор Дмитриевич, в мае этого года в Костроме планируется проведение межрегиональной конференции и «круглого стола» на тему: «Обмен опытом по важнейшим направлениям взаимодействия архивов, Русской православной церкви и общества». Чем это вызвано?

С коллегами архивистами из Нижегородской и Ярославской областей у нас установились давние добрососедские, дружеские и деловые связи – ежегодно в одной из областей мы встречаемся и обмениваемся опытом работы. В государственных и муниципальных архивах Нижегородской и Ярославской областей работают большие профессионалы своего дела (в первую очередь таковыми нужно назвать моих коллег – руководителей архивных служб регионов – Бориса Моисеевича Пудалова и Евгения Леонидовича Гузанова, которых ценят и уважают во всём архивном сообществе нашей страны и даже за её пределами, достаточно сказать, что через несколько дней после нашей встречи на

нижегородской земле пройдёт встреча российских, белорусских и украинских архивистов), и польза от нашего общения взаимная. В этом году встреча проходит у нас в Костроме. Коллеги из Твери решили также принять участие в ней. Тематика встреч по обмену опытом самая разнообразная. Интересный положительный опыт взаимодействия архивов и Русской православной церкви есть в каждой из наших областей и поэтому участникам, надеюсь, будет, чем поделиться. Это актуальная тема.

Не случайно Патриарх Кирилл в начале текущего года, открывая Рождественские парламентские встречи в Совете Федерации, говорил о необходимости тонкого системного взаимодействия между религиозными, государственными и общественными организациями на региональном уровне. И впервые во встрече, предполагается, примут участие заместители губернаторов Костромской, Нижегородской, Тверской и Ярославской областей, курирующие, в том числе, и архивные службы в своих регионах.

Какие направления считаются сегодня «важнейшими»? Поделитесь, пожалуйста, опытом работы костромских архивов в этом отношении, взаимодействия их с архивами Нижегородской, Тверской и Ярославской областей?

Государственный архив Костромской области в своих хранилищах бережно хранит фонды по истории Русской православной церкви. У нас хранятся фонды Костромской духовной консистории, канцелярии Костромского епископа, коллекции документов монастырей и церквей Костромской губернии и многое другое, в том числе уникальные рукописные книги богослужебного содержания. Многие эти документы действительно бесценны, достаточно сказать, что одна из наиболее древних рукописей – Минея праздничная – датируется концом XIV – началом XV века.

Все эти ценнейшие документы не только бережно хранятся, но и используются, в том числе и в выставочных проектах последних лет.

Так, на IX общественно-церковной выставке-форуме «Православная Русь» ко Дню народного единства, состоявшейся в центральном выставочном зале «Манеж» в Москве, нами была организована выставочная экспозиция «Костромичи – участники великих побед».

На выставке был показан вклад костромичей в дело защиты Костромского края и государства от врагов. Были представлены копии фрагмента рукописного жития святого чудотворца Макария Унженского и Желтоводского, который, по преданию, помог русским войнам своим явлением отстоять костромские земли во время нашествия иноземцев в XVII веке.

На конференции «Путь святости земли Костромской» в Костромском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике была показана выставка «Страницы истории Костромского Богоявленско-Анастасиина монастыря». Эта же выставка экспонировалась в Костромской духовной семинарии.

В администрации Костромской области проведена выставка о Костромском Богородице-Игрицком мужском монастыре.

В рамках мероприятий III Парламентского форума «Историко-культурное наследие России» костромскими архивистами организована выставка «Святые земли Костромской: церкви и монастыри».

Подготовлены и размещены на сайте государственного архива электронные историко-документальные выставки: «Костромское Александровское православное братство»,

В.Д. Морозов.

«Из истории церкви Рождества Богородицы в Ипатьевском монастыре», «Предтеченский Железоборовский мужской монастырь».

24 октября 2012 года в конференц-зале федеральных архивов (г. Москва) состоялась презентация интернет-проекта «Преодоление Смуты (конец XVI – начало XVII вв.) и укрепление российской государственности». Проект – итог трехлетней работы Росархива, комитета по делам архивов Костромской области, ОГКУ «Государственный архив Костромской области», Российского государственного архива древних актов, Церковного историко-археологического музея Костромской епархии Русской православной церкви при участии архивов и музеев Костромской, Нижегородской, Ярославской областей. Проект размещен на отраслевом портале «Архивы России» и позволяет интернет-аудитории познакомиться с архивными документами и историческими исследованиями о сложном и противоречивом периоде отечественной истории, о прео-

долении Смутного времени и укреплении российской государственности во время царствования первого представителя династии Романовых, Михаила Федоровича.

В этот же день состоялось и открытие одноименной выставки, среди гостей находился и выступил посол Польши в Российской Федерации.

На выставке чуть позднее побывал и руководитель Государственной Думы С.Е. Нарышкин, возглавляющий Российское историческое общество, который весьма благожелательно отозвался об увиденном и её организаторах.

Отзывы учёных и с польской стороны, и с российской были самые уважительные и таким образом, думается, малую толику в улучшение российско-польских отношений внесли и костромские архивисты.

Вот лишь один из отзывов, опубликованный в «Российской газете» от 31 октября 2012 года:

«...Вместе с Федеральным архивным агентством, Институтом российской истории РАН и МГИМО мы провели научную конференцию «Смута в России и Потоп в Речи Посполитой: опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии». Разумеется, речь шла и о польской интервенции в России, и о шведской в Польше – «Потопе», как называл эту эпоху Генрик Сенкевич, но упор был сделан на последствиях, которые имели эти события для развития государственности в наших странах. Конференции предшествовали историко-документальная выставка «Преодоление Смуты в России» и презентация интернет-проекта Росархива по исто-

рии Смутного времени, который по качеству и объему информации является беспрецедентным не только для России, но и для Европы...

Стегний П.В., доктор исторических наук, директор Фонда «Российско-польский центр диалога и согласия».

В Ипатьевском монастыре 24 мая 2013 года совместно с Церковным историко-археологическим музеем Костромской епархии Русской православной церкви была подготовлена и проведена выставка «Покров Державы Небесной – Российской державе земной», на которой были использованы копии документов, представленные в Интернет-проекте «Преодоление Смуты (конец XVI – начало XVII вв.) и укрепление российской государственности», документы Российского государственного архива древних актов, Государственного архива Костромской области, Центрального архива Нижегородской области, Государственного архива Ярославской области, музейные предметы из собраний Церковного историко-археологического музея Костромской епархии Русской православной церкви.

Совместно с Церковным историко-археологическим музеем Костромской епархии Русской православной церкви, Ярославским государственным историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником, Государственным архивом Ярославской области с 17 октября по 1 декабря 2013 года в Костромском Свято-Троицком Ипатьевском монастыре проведена историко-документальная

выставка «Царь приехал...» (К 100-летию путешествия императора Николая II по городам Приволжья).

Сотрудниками ОГКУ «Государственный архив Костромской области» по истории Русской православной церкви за последние годы подготовлено немало публикаций. Наиболее заметные публикации: Ларисы Александровны Ковалевой «А которые пали в бою, за их помолиться за вечную память...» (Церковь в годы Великой Отечественной войны) // Страницы времен. – 2010, № 2; Натальи Владимировны Бадьиной «Деятельность Костромской епархии в годы Первой мировой войны // «Светоч», 2010, № 6, «Развитие старообрядчества в Нерехтском уезде в XIX начале XX в. // Нерехтская земля: история, памятники, люди. – Нерехта, 2013; Галины Владимировны Сухаревой «Настоятель Исаакиевского собора в рубрике «История в документах» // Губернский дом – 2013. – № 3 (92) и другие.

В течение ряда лет сотрудники Государственного архива Костромской области принимали участие в Паисиевских чтениях, организуемых администрацией города Галича и Галичским благочинным о. Александром (Шастиним), в межрегиональной краеведческой конференции «Нерехтская земля: история, памятники, люди», г. Нерехта.

Недавно на сайте Государственного архива Костромской области открыт новый раздел «Наши исследования», где размещены исследовательские работы сотрудников архива, в том числе, по истории церкви: Бадьина Н.В. – «Развитие старообрядчества в Нерехтском

уезде Костромской губернии в XIX – начале XX вв.», «Богородицкий женский монастырь Ветлужского уезда Костромской губернии», «Сведения о церковно-приходских школах Буйского уезда за 1883-1918 гг., Костромского уезда за 1884-1917 гг., Нерехтского уезда за 1884-1917 гг., состоявших в ведении Костромского епархиального училищного совета», «Церковные училища при женских обителях Костромской епархии», а также размещен «Примерный список священно-церковнослужителей Костромской епархии», составленный лауреатом областной премии им. А.А. Григорова 2012 года Г.В. Брезгиной.

Заполняется электронная база данных «Клировые ведомости церквей Костромской епархии», проведен круглый стол «Романовы и Кострома. Высочайшее покровительство отделению православного Палестинского общества».

И Государственный архив Костромской области, и Государственный архив новейшей истории Костромской области исполняют тематические запросы по истории Русской православной церкви, биографические запросы о священно-церковнослужителях, генеалогические запросы по истории родов священно-церковнослужителей, запросы по применению репрессий к священно-церковнослужителям.

Так, только за последние три года Государственным архивом Костромской области было исполнено 84 запроса о конфессиональной принадлежности и по истории церквей и монастырей.

Каков состав участников этих серьёзных мероприятий?

Планируется приезд руководителя комитета по делам архивов Нижегородской области Бориса Моисеевича Пудалова, начальника управления по делам архивов Правительства Ярославской области Евгения Леонидовича Гузанова, начальника архивного отдела Тверской области Дмитрия Анатольевича Ефремова, директоров и ряда сотрудников областных государственных архивов. Как уже говорил выше, в нашей нынешней встрече возможно участие и заместителей губернаторов, курирующих архивные службы. Проявили интерес к нашей встрече и наши коллеги из Главного архивного управления города Москвы, возможен и их приезд. Надеюсь на участие и представителей епархий Русской православной церкви.

Какие примерно вопросы предполагается обсудить на конференции и на «круглом столе»?

Патриарх Кирилл, выступая на уже упоминавшихся Рождественских чтениях, говорил об опасности легковесного вовлечения в самые различные конфликты – политические, экономические, профессиональные и даже семейные. Эти конфликты обрекают нас на жизнь в сотрясающемся доме, и сотрясается, в том числе, и частная жизнь человека. Такие ценности, как вера, любовь, долг, ответственность, солидарность, теряют своё значение, семья шатается, сиротство, алкоголизм, наркомания, бытовая преступность,

демографический кризис, супружеская неверность, аборт становятся привычным российским неблагополучием. В этих условиях активизируется деятельность различных сект.

А ведь в тех же архивах хранятся документы, повествующие о том, как предыдущие поколения успешно боролись с этими напастями.

Так, в Государственном архиве Костромской области хранятся документы, повествующие о жизни нашего земляка – уроженца села Воронье митрополита Киевского и Галицкого Арсения (Фёдора Павловича Москвина) (1797–1876 гг.), известного своей жёсткой и бескомпромиссной борьбой с сектантством в XIX веке.

А в конце XX века, когда произошёл распад великой страны – СССР, резко сменились мировоззренческие устои, расцвела не свойственная русским идеология индивидуализма, где великой ценностью стали проповедоваться заокеанские зелёные бумажки, люди оказались, совершенно в других исторических условиях, тогда-то высоко и резво вновь подняли головы секты иностранного разлива, расставляя свои капканы.

При всём своём многообразии все они отрицают православное христианство – нашу основную историческую веру.

Многие из них, как и во времена митрополита Арсения, пришли к нам из-за рубежа. И ясно, что не с добром к России.

Как и прежде, многие считают, что с этой дьявольской ересью должно лишь бороться православное духовенство, а законные меры администра-

тивного воздействия не применяются или применяются слишком редко. Но в любом государстве, претендующим называться правовым, деятельность, по крайней мере, тоталитарных сект противоречит той или иной букве закона. Свобода таких сект – свобода от совести. Должна быть ответственность за психологическое насилие.

А пока действующее законодательство, на мой взгляд, не позволяет эффективно противодействовать мошенникам от религии, проблема экспансии псевдорелигиозных движений в России будет сохраняться и в XXI веке.

И всё же у нас есть богатое наследство – опыт борьбы прошлых поколений с лжепрокурами, в том числе и миссионерская деятельность нашего земляка – выдающегося иерарха XIX века митрополита Арсения.

Предполагаю на предстоящей конференции рассказать об этом опыте, уверен в актуальности этой темы.

Как часто бывает в истории, сложные явления и процессы фокусируются в одной человеческой судьбе. Из биографий, судеб и наших земляков-костромичей ткалось суровое полотно истории России. Будем помнить об их судьбах.

Заместитель директора Государственного архива Костромской области Лариса Александровна Ковалёва поделится опытом сотрудничества архива с Костромской епархией Русской православной церкви и Церковным историко-археологическим музеем Костромской епархии Русской православной церкви.

Денис Иванцов,
кандидат культурологии,
руководитель Костромского музея ювелирного искусства
Торговой группы «Аметист»

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ ЮВЕЛИРНОЙ КОСТРОМЫ С ЯРОСЛАВЛЕМ И НИЖНИМ НОВГОРОДОМ

Костромская земля имеет удивительно богатую историю. Одной из наиболее известных страниц в прошлом Костромского края является история костромского ювелирного промысла, которая насчитывает несколько столетий.

Однако своеобразный расцвет костромского ювелирного промысла наблюдается со второй половины XIX века, когда в целом ряде сел и деревень Костромской губернии развивается крестьянское производство мелких серебряных и медных изделий (Сидоровское, Подольское, Здемирово и целый ряд других). Главным центром промысла становится село Красное.

Красносельские изделия: небольшие штампованные образки и кресты-тельники; дешевые ювелирные украшения – броши, медальоны, серьги, браслеты, цепи; мелкие серебряные предметы – солонки, стаканчики, подстаканники и т.п. широко распространились по всей России, как в европейской, так и в азиатской её части¹.

Костромские купцы широко торговали этой ювелирной «мелочевкой» в лавках и на ярмарках: «Недорогие украшения красносельских ювелиров <...> находили широкий сбыт на Ни-

Вид на Нижегородскую ярмарку. 1860-е годы.

жегородской ярмарке, они направлялись в Петербург, Москву, Киев, Харьков, в Сибирь, на Кавказ, в Персию Среднюю Азию и даже Индию». Кстати, самоцветные камни для своих изделий красносельские кустари закупали в Нижнем Новгороде.

Хочется отметить, что правительство стремилось поддерживать кустарные промыслы. В частности, Министерством финансов была затребована коллекция изделий, изготовляемых кустарями-серебряниками Костромской губернии, для экспонирования на Всероссийской выставке в 1896 г.

в Нижнем Новгороде. Цель экспонирования кустарных изделий на выставке весьма понятна – сблизить купца-торговца с производителем-кустарем. Министерством преследовалась и другая цель: урегулирование цен на изделия, ибо выставки не должны влиять на понижение цен. Цена предметов должна быть рыночная, а товар добросовестный, как по художественности рисунка, так и по тщательности, чистоте отделки, доброкачественности материала, только тогда к выставке будет доверие и поднимется торговля, а с нею и сбыт кустарных произведений».²

На окраине Нижегородской ярмарки. 1890-е годы.

В советское время продолжалось торговое и культурное взаимодействие в ювелирной сфере Костромы с соседним Ярославским и Нижегородским (Горьковским) регионами. Изделия костромских ювелиров пользовались традиционным спросом среди жителей этих областей. Кроме этого, в советское время было отрегулировано и значительно расширено сотрудничество костромичей с артеляхцами ростовской финифти, художники которой нашли органичное решение «облекать» свою финифть в красносельскую скань³.

Отдельная страница костромского ювелирного дела в части развития торговых и культурных связей с регионами России связана с деятельностью Красносельского училища художественной обработки металлов. За свою более чем столетнюю работу училище выпустило свыше 5000 студентов из самых различных уголков России и даже зарубежных стран. Нельзя не отметить двух

выпускников КУХОМа – О.И. Тараканову и Н.А. Нужина.

Одна из выпускниц выступила руководителем металлической артели в селе Казакове Нижегородской области (тогда Горьковской). Под ее руководством артельщицы собрали свой первый филигранный подстаканник, используя традиционные приемы костромских сканщиц. С той поры в Казакове сложился один из самых известных в России центров ювелирного искусства⁴.

Выпускник Н.А. Нужин, вернувшись в Ярославль, выступил инициатором создания выставочного зала, посвященного истории ювелирного дела России. Сам зал открылся в 1996 году, после смерти художника залу было присвоено имя выдающегося выпускника КУХОМа, с 2000 года зал стал филиалом Музея истории города Ярославля.

Кроме этого, ежегодно Кострома становится центром международного ювелирного фести-

валя «Золотое кольцо России», в котором принимали участие свыше 50 ювелирных компаний Костромы, Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля, Калининграда, Якутска, ряда стран ближнего и дальнего зарубежья⁵.

В 2012 году Всероссийская ювелирная выставка-продажа «Золотое кольцо России» прошла в Ярославле. В 2013 году Ярославль стал зимним ювелирным центром во второй раз⁶.

Среди наиболее перспективных направлений в развитии торговых и культурных связей ювелирной Костромы с соседними регионами сейчас выступает туристическая сфера.

В самой Костроме и Красносельском районе, как главных центрах современного ювелирного производства, сформировалась достаточно развитая туристическая инфраструктура, которая позволяет развивать и расширять связи Костромы с Ярославлем, Нижним Новгородом, Москвой и другими городами России. К услугам гостей имеется целый спектр коллективных средств размещения и пунктов общественного питания.

Кроме этого, развивается сеть объектов туристического показа, направленная на популяризацию ресурсов ювелирной Костромы. В частности, помимо достаточно широко уже известных Красносельского музея ювелирного и народно-прикладного искусства (сейчас – филиал Костромского музея-заповедника), небольшого выставочного зала при Костромском ювелирном заводе, муниципального интерактивного музея ювелирного

искусства в п. Красное-на-Волге, в самой Костроме в октябре 2013 года открылся частный музей ювелирного искусства⁷. Музей открыт по инициативе и поддержке Торговой группы «Аметист» на цокольном этаже дома А. Афанасьева, в памятнике архитектуры конца XVIII в. – начала XIX в⁸. Зонально (с учетом архитектурных особенностей помещений) музей делится на 5 частей: «Входная зона», «Купеческая лавка», «Мастерская кустара», «Зал ювелирной славы» и «Зал современного искусства».

«Входная зона» не только выполняет административную функцию (организация билетного хозяйства, гардероб, туалет), но и «настраивает» посетителей через знакомство с историей самого здания на нужный лад. Зона «Купеческая лавка» знакомит с историей возникновения и развития костромского ювелирного ремесла до начала XX века. Зона «Мастерская кустара» дает представление об особенностях труда и быта кустарей-ювелиров, в том числе позволяет увидеть ручной инструмент, иные ювелирные приспособления для выполнения тех или иных ювелирных операций. «Зал ювелирной славы» демонстрирует многообразие ювелирных изделий, выполненных в самых различных ювелирных техниках на протяжении всего XX века с его взлетами и падениями. Особое место в экспозициях зала занимают изделия из знаменитой красносельской скани, авторские работы известных художников-ювелиров Красносельского и Костромского юве-

лирных заводов, дипломные работы единственного в своем роде Красносельского училища художественной обработки металлов. Логичным завершением музея является посещение «Зала современного искусства», торговых площадей наиболее представительного по истории и ассортименту ювелирного магазина Костромской области – ювелирный Центр «Аметист», где гости не только могут увидеть изделия ведущих ювелирных заводов, фабрик, художников Костромы, других регионов России, зарубежных производителей, но и приобрести их.

В настоящее время новым частным музеем ювелирного искусства уже заключен целый ряд договоров с туристическими компаниями Ярославля, Нижнего Новгорода, других субъектов Российской Федерации, что позволяет прогнозировать устойчивый рост развития культурных, и, соответственно, торговых связей между данными регионами.

Таким образом, Костромской край с его богатейшими

ювелирными традициями смог наладить достаточно прочные и разносторонние торговые связи с соседними Ярославлем и Нижним Новгородом.

Примечания

¹ См. подробнее: Бузин А.И. Красносельские художники-ювелиры. – Кострома, 1997; Шапошников В. Красносельские ювелиры. – Ярославль, 1968..

² Корбицкий Н.Н. Кустарный промысел ювелирных изделий в Костромской губернии и его развитие. – Кострома, 1913. – С. 20-21.

³ По материалам официального сайта ЗАО «Фабрика «Ростовская финифть». <http://www.finift-nhp.ru/>

⁴ По материалам официального сайта ЗАО «Казаковское предприятие художественных изделий» <http://www.кпхи.рф>

⁵ См. например: Золотое кольцо России: III ювелирный фестиваль. – М., 2003; Золотое кольцо России: VIII ювелирный фестиваль. – М., 2007.; Золотое кольцо России: X ювелирный фестиваль. – Кострома, 2009.

⁶ II Всероссийская ювелирная выставка-продажа «Золотое кольцо России». Каталог выставки. – Ярославль, 2013. – 24 с.

⁷ См. Иванцов Д.С. Открытие Музея ювелирного искусства // Костромская слобода. Художественно-этнографический журнал. – 2013. – №3-4. С.37.

⁸ Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Вып. I. Часть первая. – Кострома, 1996. – С. 268–269.

Частный музей ювелирного искусства. Купеческая лавка. 2013 год.

Эдуард Клейн,
кандидат культурологии,
военный дирижер

КОНЦЕРТЫ В ТВЕРИ, КОСТРОМЕ, ЯРОСЛАВЛЕ...

Имя заслуженного работника культуры Российской Федерации, профессора Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова Юрия Ивановича Крючкова хорошо известно в музыкальных кругах Костромской области и за ее пределами. Десятки его выпускников преподают в общеобразовательных и музыкальных школах, ведут концертную и просветительскую деятельность, руководят творческими коллективами. Уже более 40 лет Ю.И. Крючков преподает и концертирует на костромской земле, поддерживая творческие и духовные связи со своими земляками из Тверской области.

Детские годы будущего профессора прошли в послевоенные годы в г. Ржеве Калининской (Тверской) области, куда в 1953 году были направлены его родители-ветеринары. Любовь к музыке в раннем детском возрасте привил ему отец, который прекрасно пел оперные арии, участвовал в художественной самодеятельности. Значительное влияние на музыкальные воззрения будущего профессора оказал и старший брат Вячеслав. После окончания музыкальной школы в Ржеве Юрий Крючков поступает в Калининское музыкальное училище, где в течение четырех лет обучается по классу фортепиано И.И. Слесаревой. В 1965 году выпускник музыкального училища получает распределение в районный

Профессор Ю.И. Крючков. 2014 год.

центр Торопец, открывает здесь музыкальную школу и начинает самостоятельную педагогическую деятельность. В тот же год он поступает на заочное отделение Московского музыкально-педагогического института имени Гнесиных в класс Б.А. Львова. Учеба в прославленном музыкальном ВУЗе позволила Юрию Крючкову вернуться в родное Калининское музыкальное училище уже в качестве педагога класса специального фортепиано. Годы жизни в Калининске Юрий Иванович вспоминает с большой теплотой. О

концертной деятельности этого периода свидетельствует рецензия, опубликованная в газете «Калининская правда»:

«...Общее впечатление от его концерта, который состоялся в зале музыкального училища, где Ю.И. Крючков сыграл... Хроматическую фантазию и фугу Баха и «Карнавал» Шумана, – это ощущение праздника, ощущение настоящего искусства: живого, яркого, полноценного»¹.

В 1972 году по приглашению заведующего кафедрой музыки Костромского педагогического института им. Н.А. Некрасова Анатолия

Документова Юрий Иванович переезжает в Кострому. Причиной переезда стало отсутствие в Калининском жилплощади. В течение трех лет совместно с двумя коллегами молодой педагог проживал в комнате сторожа при музыкальном училище.

Педагогическая деятельность в Костромском институте придала новый творческий импульс Ю.И. Крючкову. Работа в ВУЗе позволила поступить в заочную аспирантуру Горьковской государственной консерватории им. М.И. Глинки в класс кандидата искусствоведения О.С. Виноградовой. В 1977 году Юрий Иванович принял у А.Н. Документова руководство кафедрой музыки музыкально-педагогического факультета института. Кафедрой он руководил до 1987 года. За это десятилетие Ю. Крючков сыграл свыше 60 концертов в Костроме и Костромской области. В репертуаре пианиста было 10 сольных программ. Особенно полюбили слушателям концертные выступления, в которых звучали произведения Шумана, Брамса, Рахманинова, Прокофьева². В середине 1990-х годов Юрий Иванович возглавил кафедру музыкальных инструментов, которой руководил вплоть до 2009 года. Одновременно все эти годы он занимался педагогической деятельностью в стенах Костромского музыкального училища. Следует подчеркнуть, что в училище более 40 лет класс специального фортепиано ведет брат Юрия Ивановича – заслуженный работник культуры РФ Вячеслав Крючков.

Любители музыки с большой теплотой вспоминают концерты Ю.И. Крючкова в Государственной филармонии Костромской области. Здесь он выступал как солист, давал концерты совместно с заслуженными работни-

ками культуры РФ виолончелистом В.В. Деминим и скрипачом К.Н. Герцензоном, солисткой филармонии Т.С. Пьянковой.

Несколько десятилетий музыкант творчески сотрудничает со своим земляком – талантливым тверским скрипачом, заслуженным работником культуры РФ С.О. Мильтоном. Юрий Иванович выступает с концертами в Ржевской музыкальной школе, Тверском музыкальном училище. Творческая дружба связывает профессора университета и с ярославской землей. Неоднократно музыкальные произведения в его исполнении звучали в стенах Ярославского музыкального училища, концертных залах музыкальных школ Рыбинска и Тутаева, Ростовском педагогическом училище.

В одной из рецензий на концертное выступление Ю.И. Крючкова в зале Костромской филармонии начала 1980-х годов заслуженный артист РФ А.Н. Документов отмечал: «Юрий Крючков не только расширяет репертуар, но и растет как артист. Появились большая свобода владения материалом, непосредственность общения с публикой, обаятельность интонирования»³.

О высокой музыкальной культуре Юрия Ивановича и его активной концертной деятельности в стенах Костромской филармонии свидетельствует и рецензия середины 1990-х годов:

«С. Мильтоян и Ю. Крючков предложили программу, рассчитанную на самый серьезный вкус. Прозвучали два сочинения для скрипки и фортепиано – высочайшие выражения человеческого духа: Третья соната И. Брамса и Первая – С. Прокофьева. <...>

Просветительское бескорыстие многих отличных музыкантов, таких, как Мильтоян и

Крючков, находит поддержку в филармонии»⁴.

В 1995 году по инициативе ректора КГУ им. Н.А. Некрасова Н.М. Рассадина, декана музыкально-педагогического факультета В.И. Павлова и заведующего кафедрой профессора Ю.И. Крючкова в Костроме состоялся первый фестиваль преподавателей и студентов педагогических ВУЗов России. Фестиваль стал традиционным и получил признание во многих регионах Российской Федерации.

В настоящее время творческая деятельность профессора Ю.И. Крючкова активно продолжается. Он регулярно выступает с циклами концертов «Шедевры немецкой фортепианной музыки. От Баха до Брамса», проводит мастер-классы в Буге, Костроме, Ржеве, Твери, работает в составе жюри областных и всероссийских конкурсов.

1 декабря 2013 года Ю.И. Крючков вновь посетил свою малую родину и выступил с концертной программой в Ржеве. Концерт был посвящен памяти его сестры, талантливого музыканта, бывшего преподавателя Ржевского музыкального училища Надежды Крючковой. «Виртуозно, блистательно! Так, как может играть только мастер»⁵, – писала газета «Ржевские новости» об этой творческой встрече на Тверской земле.

Примечания

¹ В. Чиков. Есть такой адрес // Калининская правда. – 1972. – 30 марта.

² А. Часовникова. Равновесие двух сил // Северная правда. – 1988. – 2 июля.

³ А. Документов. На концерте энтузиаста фортепиано // Северная правда. – 1982. – 20 ноября.

⁴ Л. Ежова. Программа, рассчитанная на серьезный вкус // Северная правда. – 1996. – 12 марта.

⁵ Е. Сооляттэ. Музыка – это жизнь // Ржевские новости. – 2013. – 11-17 декабря.

Светлана Каткова,
искусствовед

«ХУДОЖНИКИ И КОЛЛЕКЦИОНЕР»

Выставка с таким названием прошла в муниципальной галерее Костромы. Это не первая выставка произведений из частных собраний костромичей, но первая по ориентации собирателя на творчество именно костромских художников. Впрочем, не всех, а избирательно отобранных. Временные рамки – 1960–2000 гг. Десять авторов, только те, кто писал по велению души, для себя, не по заказу, не торопясь успеть к очередной выставке. Приверженности к одному направлению, стилю живописи тоже нет. Художники разные по мироощущению и по способам выражения, создания образа. Этим они и были интересны для коллекционера. Его коллекция тоже собрана для души, занимает стены дома, всегда на виду; под любое настроение всегда можно найти созвучие в картинах.

Олег Александрович Лебедев стал увлекаться творчеством художников неожиданно для себя. Все началось со строительства дома. Дом большой, много окон, дверей, и родилась идея заказать цветные витражи. Идея требовала художника способного не просто создать витражи, а вписать их в уже готовые рамы. Задача не из легких, но художник В.С. Катков, известный в Костроме витражист, взялся за этот заказ. В результате все получилось. За время рабо-

ты в разговорах об искусстве художник сумел пробудить у Олега Александровича желание понять, как же рождается замысел, узнать, как автор воплощает задуманное.

Олег Александрович человек азартный и за что берется, то это дело не выпускает из рук, пока не поймет, в чем секрет. Катков познакомил его с художником В.М. Грачевым, у которого в тот момент были трудности с мастерской. Олег Александрович предложил ему помещение при своем производстве. В. Грачев вместе со своим другом А. Жуковым около 5 лет работали «под крылом» О.А. Лебедева. Общение с этими неординарными художниками заставило его по-новому взглянуть на цели художественного творчества. Возникли интерес к авангардному направлению в искусстве и желание понять язык абстракции. Серия графических работ В. Грачева «Утраченные лики храмовых фресок» произвела неизгладимое впечатление, заставила задуматься: «что же происходит с миром вообще... или человек, изменяя жизнь, разрушает окружающий мир?»

Общаясь с художниками, он захотел понять истоки художественного творчества, и В. Катков подсказал путь к познанию через общение с картинами разных мастеров. Общение не только в музее, на выстав-

ке, а дома, когда в любой момент можно подойти к картине, посидеть напротив, что-то по-новому увидеть, почувствовать. Так В.С. Катков стал консультантом О.А. Лебедева при приобретении картин. Он учил начинающего коллекционера видеть находки, мастерство художника в конкретном произведении, а не гоняться за работами знаменитостей.

Любую коллекцию собирают под себя, под свой интерес, и только со временем возникает потребность поделиться радостью, которую каждый день дарят тебе произведения живописи. Наступает такой день, когда коллекционер устраивает выставку для всех любителей и знатоков. И вот через 10 лет О.А. Лебедев познакомил костромского зрителя со своей коллекцией и, что особенно ценно, издал каталог, где все произведения репродуцированы и описаны, даны биографические справки о художниках.

Уже не редкость частные музеи. Как правило, частные собрания и коллекции в России становились основой музейных собраний. Памятником П.М. Третьякову стала его коллекция, переданная городу. Общество давно признало культурную значимость труда коллекционеров, собирателей и открывателей новых талантов и новых направлений в искусстве. В конечном счете – все остается людям.

ПАМЯТЬ О ВРЕМЕНИ

Г.А. Дареев. Ранняя весна.

Г.А. Дареев. Синие воды.

В.С. Катков. Фрагмент витража.

Н.С. Пшизов. Натюрморт с яблоками.

В.В. Окишов. У печи.

**В.М. Грачев. Святой.
Фрагмент фрески.**

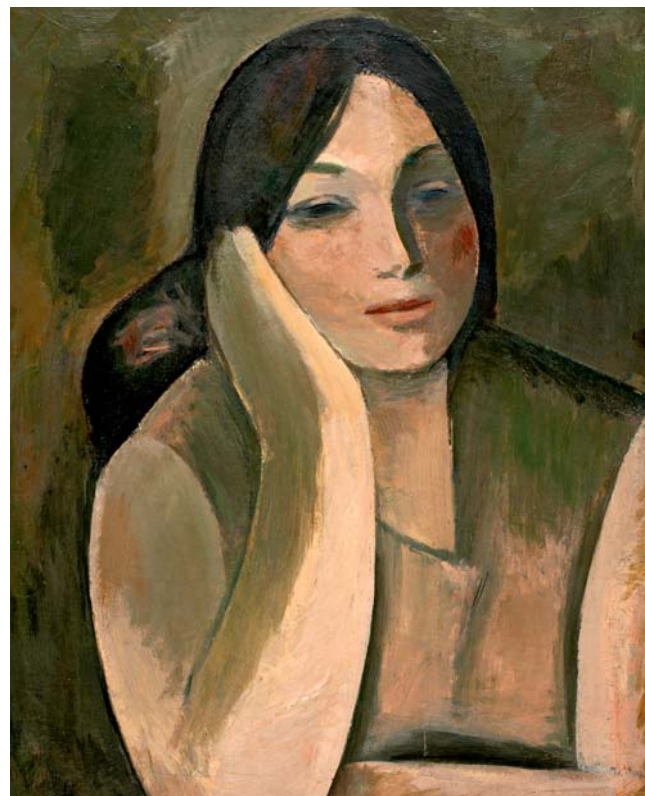
**В.М. Грачев. Фреска.
«Разрушение культурного
слоя».**

**В.М. Грачев.
Купола.**

В.В. Окишов. Натюрморт с репейниками в кринке.

В.И. Лытнев. Лада.

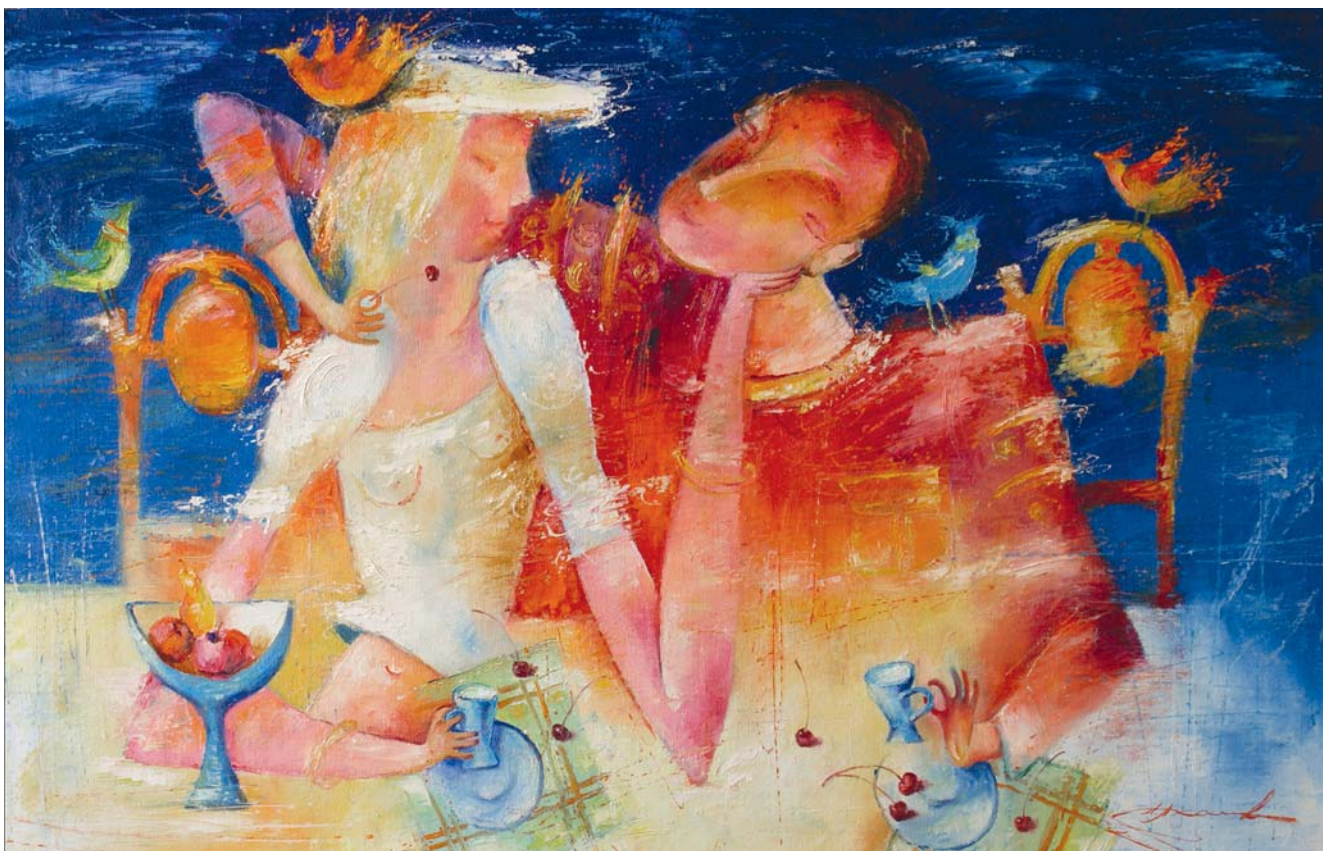
«ОКНО НА СОЛНЕЧНОЙ СТОРОНЕ»

А.В. Аханов. Перо Алконоста.

А.В. Аханов. Чай на двоих.

А.В. Аханов. Двое.

НОВЫЙ «ЛУЧИЗМ» АЛЕКСАНДРА АХАНОВА

Художественная муниципальная галерея Костромы открыла год культуры двумя уникальными проектами-выставками, вызвавшими широкий резонанс. Это представление широкому зрителю работ костромских живописцев разных лет – «Художники и коллекционер» из собрания О.А. Лебедева, а также новой живописи известного костромского художника Александра Аханова – «Окно на солнечной стороне».

А. Аханов давно и успешно сотрудничает с галереей. Художник широкого творческого диапазона, он работает во многих практиках современного искусства. Это живопись, графика, иллюстрация, арт-объект, фотография, коллаж, бук-арт, видео. Он неизменный участник проводимых галереей выставок современной графики, автор оригинальных проектов, вызвавших огромный интерес зрителей – «Тексты и не только...» (2000), «Между стульев» (2005), «Графомания» (2006), «Письма блудного сына» (2008), «Памятник в «Сад Поэта» (2013) и других.

Работы выставки «Окно на солнечной стороне» созданы за последние два года, среди них есть и холсты, написанные в 2014 году. Их объединяет тема, которая занимает автора практически на протяжении всей жизни – это музыка, и как сюжет, поскольку герои, так или иначе, поглощены музицированием, и как стихия, обретающая пласти-

ческую материальность через цвет. Язык автора метафоричен. Его персонажи – не только фантастические музыканты, прекрасные дамы, слушатели, но и музыкальные инструменты – дудки, бубны, саксофоны, которых он одушевляет подобно людям, вовлекая тех и других в волшебный процесс рождения цветомузыки, радующей взрывами и всплесками оглушительно открытых цветов.

Не чуждый иронии автор прибегает к ненавязчивому цитированию «великих». Так неожиданно в живописную канву вкрапляются и обретают новое звучание персонажи Крамского, Вермеера, Ренуара, Боттичелли. Наконец, он предлагает «услышать», каким по его воле мог быть блюз в исполнении самого А.С.Пушкина.

Сам художник так объясняет идею своей выставки: «Окно, выходящее на Солнце. Это значит, в твоём доме живёт Солнце каждый день. Солнце – это Любовь, Счастье, Свет, Тепло,

Радость, Жизнь для всего сущего на Земле. Каждое утро Оно встает, и просыпается весь мир. Посмотрите, как тянется к Нему каждый листочек, каждая травинка, пробивая даже толщу асфальта, как заливаются все птички и пташки, как восхитительный гимн они поют Солнцу! И только человек забывает это делать, забыл, кому он обязан жизнью, светом, теплом, тем, что ходит по Земле... Отсюда желание сохранить каким-то образом это восхитительное состояние – чистое солнечное сияние в своих руках, сердце, душе, и этими руками сотворить нечто, в чем отразилось бы хоть сколько-нибудь этого чистого сияния, почувствовать от этого трепет и необъяснимое волнение от чуда. Отсюда такой колорит, может быть, диковатый, не в меру открытояркий, по возможности чистый. Отсюда то восхитительное состояние возбуждения, перехлест эмоций и сильное желание поделиться радостью».

ПРЕМИЯ ИМЕНИ А.А. ГРИГОРОВА

Областная краеведческая премия имени А.А.Григорова за 2013 год была вручена в областном государственном архиве Александру Игоревичу Григорову. Сотрудник московского военно-исторического журнала «Рейтар» был удостоен премии за исследовательскую работу «Костромское ополчение в Великой войне 1914-1918 гг.», которая вышла в свет отдельным изданием. Приобрести это весьма содержательное издание можно в Костроме, в областном государственном учреждении культуры «Центр книги».

А в журнале предлагаем вниманию читателей несколько материалов других авторов, связанных с темой Первой мировой войны, 100-летие которой отмечается в этом году.

ФОТОХУДОЖНИКИ ВЕРХНЕЙ ВОЛГИ

Русский художник и фотограф XIX-начала XX вв. Андрей Осипович Карелин в Костроме занимался портретной и церковной живописью. В 1866 году он переехал в Нижний Новгород, где открыл рисовальную школу и фотомастерскую «Фотография и живопись». В 1877 году в Нижний приехал фотограф Максим Петрович Дмитриев, вначале устроившийся в заведение Карелина, а затем открывший собственную фотомастерскую. Снимки двух крупнейших русских фотографов с видами Волги и верхневолжских городов экспонировались на многих российских и международных выставках, долгое время украшали страницы различных альбомов и путеводителей, в том числе и «Губернский дом». И сегодня тоже украсят.

Городской голова Б.К. Коробов вручает знак Почётного гражданина Костромы драматургу В.С. Розову. 1993 год.

Павел Резепин,
краевед

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СЪЕЗДЫ ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ

За всю многовековую историю верхневолжского краеведения всего лишь одно неполное десятилетие оно имело не только организованные формы, но и форумы в виде четырех областных историко-археологических съездов.

Краеведам, правда, не возбранялось участвовать и в регулярных всероссийских археологических съездах (I – Москва, 1869; II – Санкт-Петербург, 1871; III – Киев, 1874; IV – Казань, 1877; V – Тифлис, 1881; VI – Одесса, 1884; VII –

Ярославль, 1887; VIII – Москва, 1890; IX – Вильна, 1893; X – Рига, 1896; XI – Киев, 1899; XII – Харьков, 1902; XIII – Екатеринбург, 1905; XIV – Чернигов, 1908; XV – Великий Новгород, 1911), готовившихся и проводившихся сначала

Группа участников IV историко-археологического съезда в Ипатьевском монастыре. 1909 год.

председателем Императорского Московского археологического общества (1864–1884) и почетным членом Императорского Археологического института в Санкт-Петербурге (1878) графом Алексеем Сергеевичем Уваровым (1828–1884), затем его вдовой, председательницей и почетным членом Императорского Московского археологического общества (1885–1910), а кроме того, почетным членом Императорского Археологического института в Санкт-Петербурге (1890), Костромской губернской ученой архивной комиссии (1893)¹ и Императорской Академии наук (1895) графиней Прасковьей Сергеевной Уваровой, урожденной княжной Щербатовой (1840–1924), однако не все краеведы были археологами.

Точно так же, как не все они были археографами и статистиками, но поскольку другой возможности пользоваться местными архивами и научными библиотеками и публиковаться в местных официальных изданиях не предоставлялось, в губернских ученых архивных комиссиях и статистических комитетах состояли едва ли не все исследователи каждой губернии.

Особенно в первых как наиболее демократичных, необходимость которых правительству доказал уроженец села Алексина Юрьевского уезда Владимирской губернии, сенатор и управляющий Московским архивом Министерства юстиции (1865–1885), участник I–VI археологических съездов (1869–1884), директор Императорского Археологи-

Н.В. Покровский.

ческого института в Санкт-Петербурге (1877–1885) и почетный член открытых им лично Тверской, Рязанской, Тамбовской, Орловской (все – 1884) и Костромской (06.07.1885)² губернских ученых архивных комиссий Николай Васильевич Калачов (1819–1885). Три десятка остальных были открыты его преемниками – уроженцем Санкт-Петербурга, доктором государственного права (1864), ректором Императорского Санкт-Петербургского университета (1883–1887) и директором Императорского Археологического института в Санкт-Петербурге (1885–1891) Иваном Ефимовичем Андреевским (1831–1891), уроженцем села Никольского Кузнецкого уезда Саратовской губернии, почетным членом (1885) и ди-

ректором (1891–1896) Императорского Археологического института в Санкт-Петербурге Аскалоном Николаевичем Труворовым (1819–1896) и уроженцем села Подольского Костромского уезда Костромской губернии, участником V–XV археологических съездов (1881–1911), доктором церковной археологии (1893), учредителем Общества охранения памятников церковной старины (1894), директором Императорского Археологического института в Санкт-Петербурге (1896–1917) и почетным членом всех губернских ученых архивных комиссий, в том числе Костромской (14.03.1893)³, Николаем Васильевичем Покровским (1848–1917).

Не менее известными людьми в скором времени сделались и председатели этих комиссий – Август Казимирович Жизневский (1820–1896) в Твери, Александр Серафимович Гациский (1838–1893) в Нижнем Новгороде, Николай Николаевич Селифонтов (1835–1900) в Костроме, Василий Никифорович Шишонко (1833–1889) в Перми, Владимир Николаевич Поливанов (1848–1915) в Симбирске, Алексей Николаевич Норцов (1859–1922) в Тамбове, Александр Дмитриевич Повалишин (1844–1899) в Рязани и Алексей Васильевич Селиванов (1851–1915) в Рязани и Владимире.

Вот и в Ярославле подобралась целая плеяда замечательных археографов во главе с Андреем Александровичем Титовым (1844–1911), археологов во главе с Васи-

лием Алексеевичем Городцовым (1860–1945), этнологов во главе с Евгением Ивановичем Якушкиным (1826–1905), искусствоведов во главе с Илларионом Александровичем Тихомировым (1861–1933), музейеведов во главе с Иваном Александровичем Шляковым (1843–1919), генеалогов и биобиблиографов Дмитрия Александровича Булатова (1837–1889), Константина Дмитриевича Головщикова (1835–1900) и Ивана Николаевича Ельчанинова (1862–1919), историков епархии Аристарха Александровича Израилева (1817–1901), Николая Николаевича Корсунского (1843–1899), Аполлинария Платоновича Крылова (1834–1912), Вадима Ивановича Лествицына (1827–1889) и Гавриила Николаевича Преображенского (1845–1903), которые в составе Ярославской губернской ученой архивной комиссии, открывшейся 14 ноября 1889 года, за десятилетие собрали архив из 8000 актов и 800 столбцов, библиотеку из 50000 тысяч томов и нумизматическую коллекцию из 1500 монет, опубликовали несколько десятков собственных исследований и подготовили к изданию три выпуска «Трудов Ярославской губернской ученой архивной комиссии».

Большинство из них, кроме того, имело опыт подготовки и проведения в Ярославле VII всероссийского археологического съезда, поэтому после XI всероссийского археологического съезда в Киеве в 1899 году и ввиду XII всероссийского археологического

съезда в Харькове в 1902 году они обратились в столичные Археологический институт и Археологическую комиссию с предложением провести в Ярославле местный съезд, учитывая, что «1) история Юго-Западной России исследована гораздо глубже; 2) Северо-Восточные земли, в пределах Ростово-Суздальского княжества, исследованы менее, хотя именно здесь сложился самодержавный политический строй, ставший основой государственного могущества России; 3) не собраны воедино данные археологии, этнографии, этнологии и исторической географии, относящиеся к данной территории; 4) собирание и выяснение следов великорусской культуры, развитие великорусского племени затрудняется отсутствием единства историко-археологических учреждений»⁴.

Заявка Ярославской губернской ученой архивной комиссии в Санкт-Петербурге была поддержана, а программа историко-археологического съезда, составленная ее председателем (1894–1900) Эдуардом Николаевича Берендтсом (1860–1930), использовалась и впоследствии, и 10 августа 1901 года из обеих столиц, а также Великого и Нижнего Новгородов, Владимира, Вологды, Казани, Костромы, Рязани, Твери и др. мест в Ярославль съехались две сотни исследователей, чтобы выслушать и обсудить три десятка докладов.

Возглавляли отделения съезда, помимо вышеназван-

ного директора Императорского Археологического института в Санкт-Петербурге Николая Васильевича Покровского, председатель Императорской Археологической комиссии (1886) и почетный член Императорского Русского археологического общества (1894) и Владимирской (1899) и Костромской (1901)⁵ губернских ученых архивных комиссий граф Алексей Александрович Бобринский (1852–1927), магистр (1882) и доктор (1884) русской словесности, действительный член Императорской Академии наук (1900) и почетный член Костромской (1901)⁶ и др. губернских ученых архивных комиссий Алексей Иванович Соболевский (1856–1929), магистр (1888) и доктор (1899) русской истории и почетный член Костромской (1901)⁷ и др. губернских ученых архивных комиссий Сергей Федорович Платонов (1860–1932) и др.

Примечательно также, что открытие съезда «исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области» проходило в Ярославле, а закрытие 14 августа – в Ростове, поэтому его участники имели возможность ознакомиться как с ярославскими, так и ростовскими древностями, что и отметили столичный краевед Николай Федорович Арепьев (1852–?)⁸ и корреспонденты столичных же «Живописной России»⁹ и «Исторического вестника»¹⁰.

«Об участии Костромской архивной комиссии на I областном съезде исследователей Ростово-Суздальской

земли» – так назвался доклад неперменного члена Костромской губернской ученой архивной комиссии Николая Михайловича Бекаревича (1861–1905), сделанный им по возвращении¹¹.

Второй историко-археологический съезд состоялся 10–20 августа 1903 года в Твери и в бытовом отношении был подготовлен безусловно: «Для всех приезжих членов съезда Архивная Комиссия приготовила бесплатное помещение со столом на все время пребывания их в Твери. Большая часть иногородних членов расположилась в помещении Кавалерийского Юнкерского Военного Училища, уступленном на все время съезда благодаря содействию Почетного члена комиссии Начальника этого училища генерал-майора Н.К. Кононова, другая, меньшая часть, – в помещении мастерской Общества поощрения женского труда.

Все заботы об удобствах гостей, поместившихся в военном училище, и об их продовольствии принял на себя член комиссии ротмистр К.П. Браско; хозяйственную часть в мастерских общества заведовала О.В. Третеская. Для приезжих членов из духовенства помещение и стол были приготовлены по распоряжению Высокопреосвященного Димитрия в городском архиерейском доме. Для занятий съезда и помещения выставки старшинами Тверского дворянского собрания на все время съезда были уступлены бесплатно три больших залы»¹².

Тверская губернская ученая архивная комиссия, собравшая для проведения съезда 5202 рубля, насчитывавшая больше сотни действительных членов, рассмотревшая к тому времени около ста тысяч дел, опубликовавшая около сотни исследований, скомплектовавшая библиотеку из 8000 томов и располагавшая одним из старейших провинциальных музеев, по времени открытия (22 июня 1884) была первой среди остальных, поэтому неперменный член Костромской губернской ученой архивной комиссии Николай Михайлович Бекаревич в своем приветствии выразился так: «Младшая сестра – Костромская губернская ученая архивная комиссия низко бьет челом старшей своей Тверской сестре, шлет ей сердечный привет, искренне желает дальнейшего ее преуспевания и процветания на пользу дорой отчизны»¹³.

Заседания съезда продолжались шесть дней, а пять остальных были посвящены осмотру Тверской льняной мануфактуры, Успенского Желтиковова мужского монастыря Тверского уезда и старинных городов Старицы и Торжка и села Островков Вышневолоцкого уезда Тверской губернии, о посещении которого костромским участником Ярославского и Тверского съездов и впоследствии действительным членом Ярославской (1908) и Тверской (1909) губерньских ученых архивньих комиссий Иваном Михайловичем Студитским (1858 – не ранее 1923) в «Русском па-

ломнике» была опубликована отдельная статья под названием «Церковь-музей. К экскурсии членов Областного историко-археологического съезда в г. Твери (10–15 августа 1903 года) в с. Островки – имение князя А.А. Ширинского-Шихматова».

Председателем одного из отделений Тверского съезда являлся уроженец села Корытова Великолуцкого уезда Псковской губернии, действительный член императорских русских исторического (1884) и археологического (1894) обществ, Императорской Академии наук (1899) и почетный член Костромской (1895)¹⁴ и Владимирской (1900) губерньских ученых архивньих комиссий, редактор «Русской старины» Николай Федорович Дубровин (1837–1904), а научный итог Ярославскому и Тверскому съездам подвел их председатель Николай Васильевич Покровский, заявивший, что «изучение памятников старины в местных и областньих группах дает прочные устои для цельного построения научных археологических систем или дисциплин»¹⁵ и что «съезды эти выражают переходы к новому порядку построения исторических выводов, при котором изучение местной истории должно предшествовать широким обобщениям общего характера»¹⁶.

Навстречу Владимирскому съезду крупнейшим владимирским библиографом Александром Васильевичем Смирновым (1854–1918) были подготовлены справочный ли-

сток съезда и каталог археологической выставки¹⁷ из ризниц владимирских Успенского кафедрального собора, Богородицерождественского и Княгинина Успенского монастырей, древлехранилища Александровского православного братства и частных собраний, устроенной в открытом накануне съезда историческом музее Владимирской губернской ученой архивной комиссии, построенном в псевдорусском стиле владимирским губернским архитектором (1901–1917) Петром Густавовичем Бегеном (1863–1917) и послужившим ориентиром для костромского городского архитектора (1894–1917) Николая Ивановича Горлицына (1870–1933) при возведении костромского Романовского музея (1913).

После осмотра многочисленных памятников древнего зодчества и изобразительного искусства Владимира и Суздаля, а Владимирский съезд, как и Ярославский, проходил в двух городах, архангельский уроженец и заведующий архивом Департамента Герольдии Правительствующего Сената (1901), пожизненный член Владимирской губернской ученой архивной комиссии (1901) и участник всех областных съездов Василий Егорович Рудаков (1864–1913) Владимирский съезд охарактеризовал следующим образом: «Если в устройстве вышеозначенных съездов и было участие соседних архивных комиссий, то по отношению к Владимирскому археологическому съезду сказать

это нельзя: он подготовлен и устроен исключительно трудами одних главнейших деятелей Владимирской ученой архивной комиссии»¹⁸.

И это в первую очередь было признанием заслуг члена-учредителя и председателя Рязанской (1884) и Владимирской (1898) и действительного члена Нижегородской (1888), Саратовской (1888) и Костромской (1891) губернских ученых архивных комиссий, участника VII–XV всероссийских археологических (1887–1911) и всех четырех областных историко-археологических съездов, управляющего Владимирско-Рязанского управления государственных имуществ (1897), почетного члена Императорского Археологического института в Санкт-Петербурге (1901), археолога, коллекционера и генеалога, составителя поколенных росписей дворян Поливановых и Селивановых Алексея Васильевича Селиванова (1851–1915), поскольку Владимирская губернская ученой архивная комиссия, открытая 26 ноября 1898 года, являлась все же самой молодой среди остальных.

Автором книжки о Владимирском съезде¹⁹ также стал владимирец – сын дьячка села Варежа Муромского уезда Владимирской губернии, выпускник Владимирской духовной семинарии (1883) и Казанской духовной академии (1887), кандидат (1887) и магистр (1890) богословия и доктор церковного права (1899), экстраординарный (1897), ординарный (1902) и заслужен-

ный ординарный (1912) профессор кафедры церковной археологии и литургики Казанской духовной академии и ее делегат XII–XV всероссийских и всех областных съездов Василии Андреевич Нарбеков (1862–?).

Хотя по верхневолжской проблематике высказывались и гости съездов из других краев, как, например, тамбовско-воронежский краевед Сергей Николаевич Введенский (1867–1940), развеселивший Владимирский съезд предположением о существовании Муромской летописи²⁰, а Костромской съезд – предположением о том, что автором «Сказания о явлении и чудесах Феодоровской иконы Божией Матери» был мятежный костромской протопоп Даниил²¹.

Наоборот, сын священника Ильинской церкви погоста Ильинского-на-Шарике Галичского уезда Костромской губернии Петра Александровича Голубцова (1835–1887), выпускник Галичского духовного училища (1875), Костромской духовной семинарии (1882) и Московской духовной академии (1886), кандидат богословия (1886) и магистр (1892) и доктор (1907) церковной истории, заведующий церковно-археологическим музеем (1891–1911), экстраординарный (1896) и ординарный (1907) профессор кафедры церковной археологии и литургики, член правления (1910) и один из участников VIII–XIV Всероссийских археологических (1890–1908) и всех четырех областных историко-археологических съездов

от Московской духовной академии, двукратный лауреат Макариевской премии Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода (1894, 1910) и пожизненный член Владимирской губернской ученой архивной комиссии (1900) Александр Петрович Голубцов (1860–1911) возможным автором «Сказания о явлении и чудесах Феодоровской иконы Божией Матери» на том же Костромском съезде как-то непатриотично назвал переписчика рукописей Троице-Сергиевой лавры и составителя т. н. «милютинских» Четиих Миней Иоанна (Милютин)²².

Костромская губернская ученая архивная комиссия за четверть века своего существования рассмотрела свыше ста тысяч дел и выпустила свыше сотни изданий, в том числе шесть описаний родовых архивов и шесть номеров «Костромской старины», располагала музеем с полутысячей экспонатов и библиотекой из 10000 томов и насчитывала три сотни действительных и полсотни почетных членов, один из которых при открытии съезда сказал: «Вчерашний день я был удостоен высокой чести быть избранным почетным председателем Костромского областного историко-археологического съезда. Я счастлив видеть в этом древнем городе, имя которого золотыми буквами записано в летописях государства Российского, вновь собрались люди науки для обмена мыслей о славном прошлом своего родного края»²³.

Б.В. Штюрмер.

Это был уроженец усадьбы Байково Бежецкого уезда Тверской губернии, почетный председатель всех четырех областных съездов и бывший председатель Тверской (1892–1894) и Новгородской (1894–1896) губернских земских управ и Ярославский губернатор (1896–1902), член Государственного Совета (03.09.1904) и почетный член Нижегородской, Ярославской, Тверской, Владимирской и Костромской (1900)²⁴ губернских ученых архивных комиссий и Императорского Археологического института в Санкт-Петербурге (1901), а впоследствии председатель Совета Министров (20.01.–10.11.1916) Борис Владимирович Штюрмер (1848–1917), после шестимесячного заключения скончавшийся в столичной Петропавловской крепости.

Доктор русской истории (1880), экстраординарный (1881), ординарный (1884) и заслуженный ординарный (1897) профессор кафедры русской истории и заведующий музеем отечествоведения (1896) Императорского Казанского университета, председатель совета Казанского дворянского древлехранилища (1903), член-корреспондент Императорской Академии наук (1905), действительный член полутора десятков губернских ученых архивных комиссий, в том числе и Костромской (1902), и участник III–XV Археологических (1874–1911) и всех областных историко-археологических съездов Дмитрий Александрович Корсаков (1843–1919) о Костромском съезде вспоминал: «Второе обстоятельство заключается в том истинно-русском гостеприимстве, которое выказали костромичи к приезжим столичным и провинциальным ученым. Я упоминал уже выше о даровом помещении, отведенном в духовной семинарии, но не одна семинария приютила в своих стенах приезжих гостей. Костромской архиерейский дом, дворянский пансион-приют, Александровское костромское братство, дворянский клуб и женская Григоровская гимназия – предоставили даровые помещения приезжим, даровой чай и обед на льготных условиях (в женской гимназии нашли себе приют исключительно дамы археологического съезда)»²⁵.

После литургии в Успенском кафедральном соборе и закладки Романовского музея

участников съезда в Дворянском собрании ожидали завтрак и выставка в музее Костромской губернской ученой архивной комиссии, каталоги которых, как и на Владимирском съезде, были подготовлены заблаговременно²⁶, а впоследствии – экскурсии в Ипатьевский и Богоявленский монастыри, Успенский кафедральный собор и Воскресенскую церковь на Дебре, к Святому озеру, на Минское городище и др. Председателем одного из отделений Костромского съезда был сын пономаря Никольской церкви погоста Горок-на-Пенье Га-

личского уезда Костромской губернии, выпускник Галичского духовного училища (1860), Костромской духовной семинарии (1866) и историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета (1871), магистр (1874) и доктор (1879) всеобщей истории, ординарный профессор кафедры всеобщей истории Императорского Новороссийского университета (1879), ректор Императорского Русского археологического института в Константинополе (1894–1914), действительный (1900) и почетный (1916)

член Императорской Академии наук и почетный член Костромской губернской ученой архивной комиссии (1910)²⁷ Федор Иванович Успенский (1845–1928), председателем другого отделения – сын костромского купца, магистр (1895) и доктор (1900) теории и истории искусств, ординарный (1903), а впоследствии – заслуженный ординарный (1915) профессор кафедры теории и истории искусств и заведующий музеем (1906–1917) Императорского Санкт-Петербургского университета и член-корреспондент Императорской Академии наук

Богородицержественская церковь (справа) Ипатьевского монастыря, где была устроена выставка церковных древностей для участников IV историко-археологического съезда. 1909 год.

(1914) Дмитрий Власьевич Айналов (1862–1939). Участниками всех областных съездов среди ярославцев были член-учредитель (1889) и председатель (1900–1903) Ярославской и почетный член Костромской (1901) губернских ученых архивных комиссий Мариан Александрович Липинский (1854–1919)²⁸ и действительный член Нижегородской (1888), Ярославской (1889), Костромской (1891), Владимирской (1899) и других губернских ученых архивных комиссий Андрей Александрович Титов (1844–1911), среди владимирцев – биобиблиографы Александр Васильевич Смирнов (1854–1918) и Неофит Владимирович Малицкий (1871–1935), среди костромичей, кроме вышеназванного Ивана Михайловича Студитского, – Иван Васильевич Баженов (1854–1920), Иван Александрович Рязановский (1869–1927), Иоанн Иаковлевич Сырцов (1837 – не ранее 1916), а также Владимир Алексеевич Андроников (1874–1961), секретарь и редактор «Известий» (1909, № 1–10) Костромского съезда и единственный из опубликовавшихся в «Трудах» трех съездов²⁹.

Участником всех областных историко-археологических и всех всероссийских археологических съездов, наконец, был уроженец города Раненбурга Рязанской губернии (с 1946 года – Чаплыгин Липецкой области), магистр (1858) и доктор (1870) русской истории, председатель Общества любителей российской словесности (1875–1884), редактор-издатель газеты «Кремль» (1897–1916), почетный член Костромской

Н.М. Баранов.

губернской ученой архивной комиссии (1894)³⁰, Императорского Московского общества истории и древностей Российских (1904) и др. Дмитрий Иванович Иловайский (1832–1920).

Большие корреспонденции о Костромском съезде опубликовали вышеназванный Василий Егорович Рудаков³¹ и, надо понимать, редактор неофициальной части «Костромских епархиальных ведомостей» (1887–1917) Василий Иванович Строев (1850–1918)³², сообщившие также о том, что V Областной историко-археологический съезд состоится в Нижнем Новгороде, и, действительно, нижегородцы по возвращении из Костромы приступили к его подготовке.

Членами Нижегородской губернской ученой архивной комиссии, открытой 17 октября 1887 года, были Владимир Галактионович Короленко и Максим Горький, а соучредителем и непременным попечителем – уроженец усадьбы Лучкино Кологривского уезда Костромской губернии, генерал-лейте-

нант (1888) и Нижегородский губернатор (1882–1897) Николай Михайлович Баранов (1837–1901), участвовавший также в устройстве исторического музея в Петровском домике на Почайне (1888) и комплектовании библиотеки комиссии, которая к 1912 году в трех башнях Нижегородского кремля сосредоточила 113328 дел, а затем и подавно утратила им счет и измеряла архив длиной полков в башнях – 1 верста и 125 сажень³³.

Каждый, как видно, занимался своим делом, и только Государственная Дума – государственным: в том же 1909 году она приняла Закон о губернских ученых архивных комиссиях, которые становились отныне подразделениями губернских правлений и на все про все получали 200 рублей (для сравнения: губернским статистическим комитетам, занимавшимся сбором сведений для ежегодных всеподданнейших губернаторских докладов, выделялось 2000 рублей), а губернаторы из непременных попечителей ученых архивных комиссий делались их председателями.

Вот нижегородский губернатор и решил, что для губернии в 1912 году юбилея Нижегородского ополчения Минина и Пожарского будет предостаточно. Через три года после этого владимирский губернатор закрыл музей Владимирской губернской ученой архивной комиссии, костромской губернатор закрыл Романовский музей, а еще ранее ярославский губернатор и вовсе взял да и разогнал Ярославскую губернскую ученую архивную комиссию.

Примечания

¹ Резепин П.П. К 125-летию Костромской губернской ученой архивной комиссии (06.07.1885–13.11.1917). Почетные члены КГУАК // Энтелехия: научно-публицистический журнал.– Кострома, 2010.– № 22.– С. 62.

² Там же.– С. 59.

³ Там же.– С. 61.

⁴ Труды Ярославского областного съезда (Съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области).– М., 1902.– С. IX–X.

⁵ Резепин П.П. К 125-летию Костромской губернской ученой архивной комиссии (06.07.1885–13.11.1917). Почетные члены КГУАК // Энтелехия: научно-публицистический журнал.– Кострома, 2010.– № 22.– С. 58.

⁶ Там же.– С. 62.

⁷ Там же.– С. 61.

⁸ Арепьев Н.Ф. I Областной археологический съезд в России.– СПб., 1904.

⁹ Корсаков Н.Д. Первый русский областной съезд исследователей русской старины // Живописная Россия.– СПб., 1901.– № 34–37.

¹⁰ [б/п] Ярославский областной историко-археологический съезд // Исторический вестник.– СПб., 1901.– Октябрь.– С. 367–372.

¹¹ Бекаревич Н.М. Об участии Костромской архивной комиссии на I областном съезде исследователей Ростово-Суздальской земли.– доклад члена КГУАК Н.М. Бекаревича, читанный в заседании комиссии 25 ноября 1901 г. // Костромские губернские ведомости.– Кострома, 1902.– № 25–26.

¹² Труды II Областного Тверского археологического съезда 1903 года 10–20 августа.– Тверь, 1906.– С. V–VI.

¹³ Там же.– С. XXIV.

¹⁴ Резепин П.П. К 125-летию Костромской губернской ученой архивной комиссии (06.07.1885–13.11.1917). Почетные члены КГУАК // Энтелехия: научно-публицистический журнал.– Кострома, 2010.– № 22.– С. 59.

¹⁵ Труды Ярославского областного съезда (Съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области).– С. XXII.

¹⁶ [б/п] Тверской Областной историко-археологический съезд // Этнографическое обозрение.– М., 1903.– № 3.– С. 208–209.

¹⁷ Смирнов А.В. Каталог археологической выставки, устроенной по случаю 3-го областного историко-археологического съезда во Владимире.– Владимир, 1906; Смирнов А.В. Справочный листок 3-го областного историко-археологического съезда во Владимире.– Владимир, 1906.– № 1–8.

¹⁸ Рудаков В.Е. Третий Областной историко-археологический съезд в губ. г. Владимире. Очерк деятельности съезда // Исторический вестник.– СПб, 1906.– Август.– С. 563–564.

¹⁹ Нарбеков В.А. Третий Областной историко-археологический съезд во Владимире 1906 года, 20–26 июня.– Казань, 1907.

²⁰ Введенский С.Н. Следы существования особой Муромской летописи // Труды III Областного историко-археологического съезда, бывшего в г. Владимире 20–26 июня 1906 года.– Владимир, 1909.– С. 1–15.

²¹ Введенский С.Н. Костромской протопоп Даниил // Труды IV Областного историко-археологического съезда в г. Костроме, в июне 1909 г.– Кострома, 1914.– С. 297–304.

²² Голубцов А.П. Автор древней повести о Федоровской иконе Божией Матери. Реферат, читанный на IV Областном историко-археологическом съезде в Костроме // Богословский вестник.– Сергиев Посад, 1911.– Октябрь.– С. 364–371.

²³ Труды IV Областного историко-археологического съезда в г. Костроме, в июне 1909 г.– Кострома, 1914.– С. V.

²⁴ Резепин П.П. К 125-летию Костромской губернской ученой архивной комиссии (06.07.1885–13.11.1917). Почетные члены КГУАК // Энтелехия: научно-публицистический журнал.– Кострома, 2010.– № 22.– С. 63.

²⁵ Корсаков Д.А. Четвертый Областной историко-археологический съезд в городе Костроме: с 21 по 29 июня 1909 года // Журнал Министерства народного просвещения.– СПб., 1910.– Март.– Отд. IV.– С. 35.

²⁶ Каталог выставки IV Областного историко-археологического съезда в гор. Костроме в 1909 году.– Кост-

рома, 1909; Каталог музея Костромской губернской ученой архивной комиссии / сост. членами архивной комиссии П.А. Алмазовым, А.Н. Рождественским, И.А. Рязановским и А.И. Черницыным.– Кострома, 1909.

²⁷ Резепин П.П. К 125-летию Костромской губернской ученой архивной комиссии (06.07.1885–13.11.1917). Почетные члены КГУАК // Энтелехия: научно-публицистический журнал.– Кострома, 2010.– № 22.– С. 62–63.

²⁸ Там же.– С. 60.

²⁹ О материалах по этнографии Костромского края, собранных местной губернской ученой архивной комиссией (Живая старина в Костромской губернии) // Труды Ярославского областного съезда (Съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области).– М., 1902.– Отд. II.– С. 103–124; Отд. отд.– М., 1902; Свадебные причитания Костромского края со стороны содержания и формы // Труды II Областного Тверского археологического съезда 1903 года 10–20 августа.– Тверь, 1906.– Отд. III.– С. 33–92; Отд. отд.– Тверь, 1903; Страничка из истории народно-бытовой медицины (Лечебные средства, употребляемые простым народом в пределах Костромской губернии) // Труды III областного историко-археологического съезда, бывшего в г. Владимире 20–26 июня 1906.– Владимир, 1909.– С. 1–30; Отд. отд.– Владимир, 1909.

³⁰ Резепин П.П. К 125-летию Костромской губернской ученой архивной комиссии (06.07.1885–13.11.1917). Почетные члены КГУАК // Энтелехия: научно-публицистический журнал.– Кострома, 2010.– № 22.– С. 59.

³¹ Рудаков В.Е. Историко-археологический съезд в Костроме // Исторический вестник.– СПб, 1909.– Сентябрь.– С. 1019–1036.

³² [б/п] IV Областной историко-археологический съезд в Костроме // Костромские епархиальные ведомости.– Кострома, 1909.– № 13/14.– Часть неофициальная.– С. 441–451; № 15.– Часть неофициальная.– С. 484–494; № 16.– Часть неофициальная.– С. 509–514.

³³ Двадцатипятилетие Нижегородской губернской ученой архивной комиссии.– Нижний Новгород, 1912.– С. 22.

Лада Абросимова,
главный архивист ГКУ ЦАНО

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ КОСТРОМСКОЙ И НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТЕЙ

Седая Кострома и древний Нижний Новгород – два старинных города на Волге, чья история своими корнями уходит глубоко в прошлое. Неудивительно, что в Центральном архиве Нижегородской области (далее – ЦАНО) отложился целый пласт документальных источников, проливающих свет на историю Костромской земли.

Кострома и Нижний Новгород восходят к одному княжескому дому. Первое летописное известие о Костроме относится к 1213 году и связано с сыновьями великого владимирского князя Всеволода «Большое гнездо»: в том году ростовский князь Константин сжег принадлежавшую его брату – владимирскому князю Юрию – Кострому и отвел плененных жителей города в удельный Ростов. Владимирский же князь Юрий Всеволодович в 1221 году основал Нижний Новгород.

Как Нижегородская земля славится святыми преподобными Макарием Желтоводским и Серафимом Саровским, так Костромская земля известна святыми Варнавой Ветлужским и тем же Макарием Желтоводским. По преданию перед тем, как поселиться на реке Унжа, преподобный Макарий, приходил за

Главный дом Нижегородской ярмарки. Нач. XX века.

наставлениями к Варнаве. На месте обители, основанной им в 1417 году на берегу реки Ветлуга, позже возник уездный город Варнавин – одно из первых русских поселений в Среднем Поволжье.

В Московском государстве Кострома и Нижний Новгород являлись центрами самостоятельных уездов. В Смутное время начала XVII столетия наши земли сыграли важную роль в истории страны. Все знают о Нижегородском ополчении, возглавленном посадским человеком Кузьмой Мининым и князем Д.М. Пожарским, как и о том, что Кострома – «колыбель рода Романовых»: в Костромском Свято-Троиц-

ком Ипатьевском монастыре с осени 1612 года жил юный Михаил Романов с матерью монахиней Марфой. 13 марта 1613 года в монастырь прибыло посольство Земского собора, избравшего 16-летнего Михаила Фёдоровича царём. Его воцарение положило конец Смутному времени.

В настоящее время в ЦАНО хранятся около 150 документов XVI–XVII веков, в том числе фонды приказных изб, через которые осуществлялось управление Нижегородским и соседними уездами. В фонде Балахнинской приказной избы упоминаются Ветлужские земли – в то время южная часть Костромского уезда¹.

При царе-реформаторе Петре I в 1708 году Нижегородские земли на правах провинции вошли в состав обширной Казанской губернии, а Костромская провинция входила в Московскую губернию. Решением Московского собора 1672 года была основана Нижегородская епархия², Костромская же епархия возникла в 1744 году³.

Отношения Нижегородской и Костромской епархий отразились в документах, сохранившихся в фонде Нижегородской духовной консистории. В первую очередь они касаются расследований в отношении старообрядцев, скрывавшихся в ветлужских лесах⁴. Есть информация и о повседневной жизни Костромской епархии.

В документах архивного фонда Коллекции Нижегородской губернской ученой архивной комиссии имеются копии царских манифестов и указы костромских епархиальных властей за 1709–1861 годы⁵. В это время Юрьево-Поволжский и Пучеж отошли из Казанской губернии в Нижегородскую⁶. В документах фонда Нижегородского наместнического правления упоминаются планы на земли, переходившие из Юрьево-Поволжской в Балахнинскую округу⁷. Эти территории входили в Костромскую губернию до 1918 года.

В царствование Екатерины II, 4 декабря 1778 года, было создано Костромское наместничество, территориально близкое к современным границам Костромской области. Первоначально оно было

соединено с Ярославским, под управлением генерал-губернатора А.П. Мельгунова. Затем оно было присоединено к созданному 22 декабря 1779 года Нижегородскому наместничеству, но вскоре отошло к Владимирскому, с которым и составило генерал-губернаторство Владимирское и Костромское, под управлением наместника графа Р.И. Воронцова⁸.

К сожалению, в фондах Нижегородского наместнического правления и Канцелярии нижегородского губернатора документы, свидетельствующие об этом кратком периоде административного единства, не выявлены. Впоследствии Нижегородское и Костромское наместничества, в основном, обменивались информацией о раскольниках, которые укрывались в лесах на смежных территориях, а также о беглых крестьянах⁹.

Костромичи М.Брызгалов, М. Сорокин, К. Чистяков на Нижегородской ярмарке. 1917 год.

В 1797 году Павел I упразднил генерал-губернаторство Владимирское и Костромское, а вместо Костромского наместничества была создана Костромская губерния, просуществовавшая в неизменных границах до 1918 года. О численности и составе населения губернии можно узнать из ревизских сказок Костромской губернии, сохранившихся в архивном фонде Нижегородской казенной палаты¹⁰.

До 1918 г. Костромская губерния делилась на 12 уездов, в том числе : Варнавинский, Ветлужский, Кологривский, Макарьевский и Юрьево-Поволжский. В 1918 году к ним прибавился вновь образованный Ковернинский уезд, большую часть которого составили волости, отошедшие от Макарьевского уезда. В 1922 году в состав Нижегородской губернии были переданы Варнавинский и Ветлужский уезды. В том же году в Иваново-Вознесенскую губернию перешел Макарьевский уезд, а территория упраздненного Ковернинского уезда была поделена между Иваново-Вознесенской и Нижегородской губерниями¹¹.

Таким образом в нижегородский архив попали документы, касающиеся истории Варнавинского, Ветлужского, Кологривского, Макарьевского, и Ковернинского уездов. Они отложились в 207 фондах, из которых 161 – содержат документы дореволюционного периода истории, и 46 – послереволюционного¹².

К дореволюционным относятся 34 фонда Ветлужского,

Костромич С.И. Бирюков, Нижегородский вице-губернатор (четвёртый слева), с членами губернского правления. 1912 год.

60 Варнавинского и 5 Ковернинского уездов, которые всесторонне освещают жизнь населения этой части Костромской губернии¹³. В них содержатся документы административных, выборных, общественных, образовательных, судебных, пенитенциарных и военных учреждений и комиссий.

ЦАНО богат документами по истории отдельных церквей Костромской епархии. Это фонды 20 церквей Ветлужского уезда и 11 – Варнавинского, а также фонд Николаевской Кажировой пустыни Ветлужской волости¹⁴. Информация о церквях Ветлужского уезда имеется и в фондах Коллекции Нижегородской губернской ученой архивной комиссии и Нижегородской духовной консистории¹⁵.

Послереволюционный перелом в общественно-политическом устройстве и жизни населения региона отражен в документах архивных фондов Р-318 «Варнавинский

уездный военный комиссариат» и Р-1678 «Нижегородский губернский революционный трибунал», в котором имеется «Обзор контрреволюционных выступлений в Нижегородской губернии за период 1918–1920 гг.». В нем изложена официальная версия событий: «...В обстановке хозяйственной разрухи, голода и бешеного натиска со всех сторон интервенции нижегородское кулачество и правые эсеры оказывали упорное сопротивление установлению пролетарской диктатуры в деревне... Всего в 1918 году в Нижегородской губернии было до 40 восстаний и контрреволюционных выступлений»¹⁶.

Известно, что 19 августа 1918 года против продовольственной политики советской власти и диктатуры большевиков в селе Урень Варнавинского уезда Костромской губернии вспыхнуло вооруженное крестьянское восстание, охватившее все заветлуж-

ские волости Варнавинского и часть Ветлужского уездов с населением до 100 тысяч человек. Восстание вышло за рамки местного и поставило под угрозу возникшие к этому времени советские Восточный и Северный фронт. Военные операции при подавлении восстания в официальных сводках командования именовались «Ветлужско-Варнавинским фронтом». Они продолжались до середины сентября 1918 года, а ликвидация отдельных вооруженных групп затянулась до весны 1920 года. На подавление восстания было мобилизовано до 2,5 тысяч бойцов Красной армии, отрядов коммунистов, рабочих из Костромской и Нижегородской губерний. Против восставших использовались пулеметы, пушки и даже самолет¹⁷.

Новая послереволюционная жизнь бывших костромских уездов – административное переустройство, хозяйственное и культурное строительство, здравоохранение, образование – отражены в фондах органов государственной власти. Так, создание Кологривского, Мантуровского, Межевского, Пыщугского районов и Шарьинского округа Нижегородского края из селений Костромской области в 1929 году прослеживается по документам фонда Р-2626 – «Исполнительный комитет Горьковского краевого совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов»¹⁸. Ход культурного и школьного строительства, развитие промысловой коо-

перации и кустарных промыслов в этих районах, а также в Варнавинском и Ветлужском, отслеживали Нижегородская краевая плановая комиссия и краеведческие организации Нижегородского края, а затем Горьковской области. С 1921 по 1933 год краеведческая деятельность осуществлялась под руководством Академии наук РСФСР и Наркомпроса. В этот период было проведено изучение говоров населения Ветлужского уезда.

В 1927 году организовано научное общество по изучению местного края в городе Ветлуге и в Кологривском районе. Нижегородская краевая плановая комиссия разрабатывала пятилетние планы развития народного хозяйства для каждого района области, в том числе и для тех, что вошли из Костромской губернии. Промышленное и культурное развитие районов сопровождалось появлением новых учреждений, например, в Ветлужском районе – конторы Центрпотребсоюза, районного лесного комитета, чугунолитейного завода, канифольно-скипидарного завода «Вахтан». Росло число школ в районах¹⁹.

Однако 14 января 1929 года постановлением президиума ВЦИК Костромская губерния была ликвидирована. Ее территория вошла в состав Костромского округа Ивановской промышленной области. В фонде Нижегородской краевой плановой комиссии имеются дела о районировании Костромского округа в 1931 году²⁰.

В 1922 году в состав Нижегородской епархии вошла Ветлужская епископия. Кроме того, в 1922–1929 годах существовала единоверческая кафедра епископа Ветлужского²¹. Именно в 1922 году, когда город Варнавин перешел в Нижегородскую губернию, серебряную раку с мощами преподобного Варнавы «показательно» вскрыли. Мощи в конечном итоге были утрачены²². К 1937 году в результате массовых репрессий все епископские кафедры прекратили свое существование. В 1922–1925 годах кафедру покинули епископы Ветлужские Григорий (Козлов) и Николай (Голубев), впоследствии арестованные. В 1937 году аресту подверглись благочинный города Ветлуги И.И. Знаменский, епископ Ветлужский Неофит и почти все священство епископии²³.

В годы Великой Отечественной войны (1941–1945) начала возрождаться Церковь. В ЦАНО хранятся документы, касающиеся послевоенной судьбы храмов Варнавинского и Ветлужского районов²⁴. В 1944 году была воссоздана Костромская область. В состав ее территории не вошли города Варнавин и Ветлуга – они остались в Горьковской области²⁵. Но тем крепче связи, что соединяют Костромскую и Нижегородскую области.

Примечания

¹ ЦАНО. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 9.

² ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 1. Д. 12а.

³ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба: в 25 т.; 39 кн. – СПб.: Тип. Э. Вейме-

ра, 1859–1868. Костромская губерния. – С. 526.

⁴ Например: ЦАНО Ф. 570. Оп. 554. Д. 16, 17 и другие.

⁵ ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602а. Д. 42.

⁶ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Там же.

⁷ ЦАНО. Ф. 4. Оп. 1а. Д. 1569.

⁸ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Там же.

⁹ Например: ЦАНО. Ф. 4. Оп. 1а. Д. 3532, 3073 и другие.

¹⁰ ЦАНО. Ф. 60. Оп. 238а. Д. 4. Том 1.

¹¹ Административно-территориальное деление и органы власти Нижегородского края и Горьковской области (1929–1979). – Справочник. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1984. – С. 8, 143.

¹² Государственный архив Нижегородской области: Путеводитель / Рук. кол. сост. А.Н. Голубинова; сост. Г.И. Браво-Животовская, Б.М. Пудалов. – Нижний Новгород: Комитет по делам архивов администрации Нижегородской области, 2000.

¹³ См.: Государственный архив Нижегородской области: Путеводитель.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Например: ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602а. Д. 42.

¹⁶ Ф. Р-1678. Оп. 11. Д. 3. Л. 1–2.

¹⁷ Балдин М.А. На переломе. Администрация Варнавинского района Нижегородской области, 1994; Добротвор Н.М. Разгром белогвардейщины в Поветлужье в 1918 году. Тезисы статьи. Автограф. 1963 год (Ф. Р-907. Оп. 1. Д. 302).

¹⁸ ЦАНО. Ф. Р-2626. Оп. 1. Д. 9, 21, 48, 159, 212, 311, 319, 390, 539а, 731, 1935, 2154, 2968, 3000 и другие.

¹⁹ ЦАНО. Ф. Р-2627. Оп. 1. Д. 731.

²⁰ ЦАНО. Ф. Р-2627. Оп. 1. Д. 501, 731.

²¹ ЦАНО. Ф. Р-2626. Оп. 1. Д. 3220. Л. 94–101.

²² Скатов С.В. Земля Варнавы Ветлужского // Нижегородская правда. 8 декабря 2012 года (№ 134).

²³ ЦАНО. Ф. Р-2209. Оп. 3. Д. 12270. Л. 138.

²⁴ ЦАНО. Ф. Р-3074, Р-5899 и другие.

²⁵ Административно-территориальное деление и органы власти Нижегородского края и Горьковской области. – С.74–75.

Девушка с веером. Фото А. Карелина. 1870-е годы.

Купец. Фото А. Карелина. 1870-е годы.

Гимназистки. Фото А. Карелина. 1870-е годы.

Дровоколы. Фото М. Дмитриева. 1896 год.

Мусорщик. Фото М. Дмитриева. 1897 год.

Группа полицейских. Фото М. Дмитриева. 1896 год.

Александр Кокшаров,
кандидат архитектуры

*Обманула-провела, нагуляться не дала!
До поста довела, а сама удрала!
Вернула хвостом и сбежала в Ростов.*

НА ЯРМАРКУ В РОСТОВ

Ростов – один из древнейших торговых городов России в XIX в. входил в число крупнейших торговых центров не только городов Поволжья, но и всей Центральной России. Его значение наряду с крупными городами Ярославлем, Костромой, Тверью и Рыбинском произошло благодаря известной Ростовской ярмарке, которая не только не уступала в товарообороте, но даже превосходила соседние города. Во второй половине XIX в. Ростовская ярмарка входила в число крупнейших ярмарок Поволжья. В XIX в. ее оборот составлял около 4.0 млн. рублей, и только в начале XX в. уменьшился до 1 млн. Ростов входил в крупнейшую группу ярмарочных центров России – Волжско-Камскую¹. Выгодное расположение способствовало развитию Ростова. Он стоял на двух торговых путях российского значения, которые связывали его с Москвой и Европой на западе, Вологдой и Архангельском на севере, с Ярославлем и Нижним Новгородом на Волге, а также с С.-Петербургом через Мариинскую водную систему. В средневековый период в XVI в. Ростов также был связан с городами Суздалем, Угличем и Костромой. Торговая

Торговая связь Ростов—Кострома. XIX век.

дорога из Ростова в Кострому проходила через села Великое, Горе-грязь, Головино, Бурмакино и посад Нерехту. Эта связь просуществовала до начала XX в., она была отражена на военно-дорожной карте 1890 г. и обозначалась как транспортная, т.е. пригодная для провоза тяжестей. Выявление факторов развития торговли городов и сел между Ростовом и Костромой является интересным моментом истории взаимоотношений Ярославской и Костромской губерний. Не менее интересным в связи с этим

представляется градостроительство самих городов и сел, получивших отражение от благосостояния торговли рассматриваемого региона, стоящего на торговом пути.

Не умаляя торгово-промышленного значения Ярославля в развитии торговых отношений, следует выделить значение Ростова с его Всероссийской ярмаркой для развития местного рынка. Ростовская ярмарка привлекала не только торговцев с российским оптовым товаром, но сюда приезжали торговать также и

купцы с соседних городов, сел и деревень. Ярмарка проводилась в весеннее время после масленицы во время поста, на неё стекались тысячи людей не только из Ростовского уезда, но и из города Нерехты Костромской губернии, стоявшей на внутреннем торговом пути из Костромы в Ростов и Москву. Из документов Костромского архива известно, что нерехтские купцы в 1845 году покинули в знак протеста городские торги на аренду лавок и уехали в Ростов на весеннюю пасхальную ярмарку². Кроме того, Нерехта сама стягивала вокруг себя торговлю товарами и сырьем; из Плеса с Волги везли товарное зерно в Москву, которое могло продаваться и в Ростове (Плес входил в Нерехтский уезд с 1797 г.). Крупные торговые села Сидоровское, Яковлевское, Арменки, Писцово и Середя были напрямую связаны с Нерехтой трактами или торговыми дорогами, а Нерехта, в свою очередь, была связана с Ярославлем, Костромой и Ростовом. Выгодное географическое расположение Нерехты на перекрестке дорог трех губерний – Костромской, Ярославской и Владимирской сделало ее важным торговым центром. В этом месте образовался небольшой треугольник «Ростов-Ярославль-Нерехта», расположенный южнее Ярославля и притягивающий к себе крупные села Ярославского уезда – Бурмакино, Великое, Гаврилов Ям, Ставотино, села Ростовского уезда – Поречье, Сулость, Семибратово,

Шопшу. На основе торговых и экономических межпоселенческих связей создавался внутренний рынок для обмена сельскохозяйственными продуктами, разнообразными товарами местных ремесел и промыслов.

Рост промышленности Ярославля и Ростова, низкая обеспеченность крестьян земель способствовали развитию сельских кустарных промыслов, для которых требовались рынки сбыта на торгах: базарах и ярмарках. В первой половине XIX в. Ростовский и Ярославский уезды входили в своеобразные районы с развитием определенной промысловой деятельности. В Ярославском уезде были развиты валяльный и кузнечно-слесарный промыслы, в Ростовском уезде – гончарный, ювелирный (финифтяное производство). Во второй половине XIX в. особенно развиваются волости вокруг Ростова и Гаврилова Яма (юг и юго-восток губернии)³.

В Нерехтском уезде Костромской губернии тоже складывались свои характерные промыслы и ремесла. В середине XIX в. всего насчитывалось домашних и отхожих промыслов 39, в которых были заняты более 10 тыс. человек и свыше 6 тыс. составляли плотники, столяры, портные, сапожники, кузнецы, колесники, горшечники, меховщики, а также лоцманы и бурлаки, работавшие на Волге. Но главным промыслом оставался льноткацкий. Во второй половине XIX в. в Нерехте и уезде развивается фабричное про-

изводство по выпуску полотна и небольшие заводы: суриковые, уксусные, поташные, воскобойные, клейные, винокуренные⁴.

Промышленность уездных городов Ростова и Нерехты, сел Великого, Гаврилова Яма, Поречья тоже играла важную роль в развитии торговли местного рынка. Особенно много фабрик и заводов открывалось в последней четверти XIX – начале XX вв. В Ярославском и Ростовском уездах были открыты небольшие картофеле-паточные и картофеле-терочные, консервные, лесопильные, сапоговаляльные заводы. Продолжалось развитие прядильно-ткацкого производства на фабриках. В результате бурного развития промышленности, расширения промыслов и ремесел города и села быстро застраивались. Особенно выделялось село Великое, известное своим происхождением с XVI в. Через него проходили старые дороги из Ярославля в Ростов и Суздаль, а также, предположительно, из Ростова через Великое шла старая дорога и на Кострому через села Унимерь и Бурмакино. Будучи сначала дворцовым селом, Великое переходило из рук в руки именитым и богатым князьям и дворянам. Благодаря удачному расположению и предприимчивости хозяев село бурно развивалось и стало торговым. В первой половине XIX в. здесь образовалась сельская ярмарка, проходившая осенью каждого года с 1 по 8 сентября, а также – базарные дни. В ре-

Село Великое. Общий вид корпуса торговых рядов и церковного ансамбля. 2013 год.

зультате роста торговли в селе открывались не только частные торговые лавки, но и были построены два каменных корпуса торговых рядов. Большой корпус рядов располагался возле Черного пруда, образуя полузамкнутое каре из многочисленных лавок, соединяясь с гостиницей с восточной стороны незамкнутого своего периметра. Он был двухэтажным из кирпича с навесами-галереями, устроенными по периметру. Западным фасадом эти ряды были обращены на соборную площадь церковного комплекса. На берегу пруда также были построены большие амбары и сараи для хранения льна. Возле каменной ограды церковного комплекса (церковь Рождества Богородицы, 1712; церковь Покрова Богородицы, 1741; многоярусная колокольня с часами-курантами) с северной стороны были построены вторые каменные ряды. Широкое торговое пространство центра села позволяло разместить здесь

большое количество торговых мест для проведения базаров и ярмарок. Торговая направленность села сформировала свои типы необходимых для жизни зданий: торговые отдельно стоящие лавки; встроенные лавки в жилые дома на первом этаже; каменные палатки как отдельно стоящие, так и встроенные в жилые дома; лабазы и кладовые. Многочисленная, в основном каменная, застройка была не характерна для сельского поселения, она больше напоминала город. Планировка села сначала складывалась из отдельных слобод (5 посадов «центральных»; 4 «запрудных»; 3 слободы и улицы-посады). После пожара 1847 г. село было заново построено в основном из каменной жилой застройки. Был разработан генеральный план села с регулярной веерной планировкой. И.С. Аксаков, посетив Великое в 1850 г., писал, что село стало строиться по плану, и каменные дома построены так,

как строят в Петербурге. Кроме торговли село занималось и промыслами: льноткацкий на дому (четыре раздаточные конторы), кузнечно-слесарный, кирпичный (4 завода), сапожный и кожевенный, ватный, швейный. Местный купец и предприниматель А.Локалов владел самой большой раздаточной конторой в Великосельской волости для производства льняных полотен и пряжи. Сырье для пряжи привозилось с Нижегородской ярмарки, и там же сбывалась продукция села после переработки. Великое было самым крупным селом в Ярославской губернии (3849 жителей в 1859 г.) и составляло конкуренцию некоторым уездным городам.

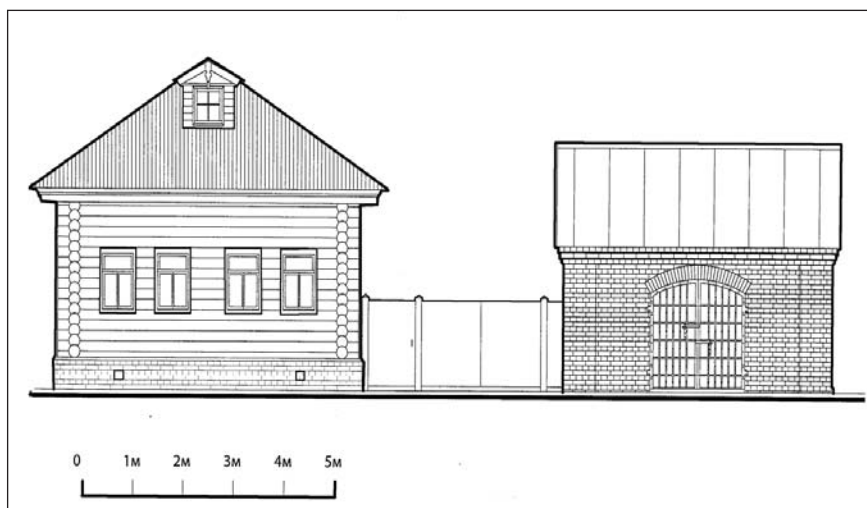
Позже, видимо в XVIII в., через Гаврилов Ям южнее с. Великого в 5 верстах была проложена новая дорога, сокращающая путь на Нерехту и Кострому. Гаврилов Ям как село образовалось благодаря ямщицкому промыслу, обслуживающему тракты на Архангельск, Суздаль и Ярославль, а также – на Кострому. Вначале оно представляло небольшую слободу до 100 дворов, но в последней четверти XIX в. в связи открытием в нем прядильно-ткацкой фабрики А.А. Локаловым получило развитие как промышленно-торговое село. По своей планировке оно формировалось сначала вдоль дороги у слияния небольшой речки и р. Которосль. Позже в него вошли соседние деревни и слободки, и план получил нерегулярную свободную планировку. В начале XX в. на главной транзитной

улице вдоль фабричного пруда сформировалось небольшое торговое пространство без торговых рядов, но с многочисленными деревянными лавками (торговые – 6; пивные – 5, винные – 1) и крупным каменным лабазом ярославского купца Н.Н. Вахромеева. В селе также имелись чайная, кондитерская, трактир. Местные купцы и предприниматели имели свои каменные дома со встроенными торговыми лавками. Центр села назывался «Ямской посад»⁵.

Далее дорога проходила через с. Ставотино, удачно расположенное на перекрестке двух трактов: Ростов – Кострома и Ярославль – Суздаль. Село с волостным правлением получило прямоугольную планировку из 3-4-х улиц с торговой площадью посередине. Площадь имеет почти правильную форму квадрата, ограниченную в основном жилой деревянной застройкой с включением отдельных каменных жилых домов. Внизу с южной стороны к площади примыкает большой пруд. Вдоль транзитной дороги, проходящей по центру села, на краю площади стоят церкви Рождества Христова XVIII в. и Николая Чудотворца XIX в. Ансамбль двух церквей формирует торговое пространство площади.

Село Унимерь стояло на старой торговой дороге в Нерехту, было транзитным небольшим селом – до 50 дворов. От него торговая дорога вела в с. Бурмакино. Бурмакино – крупное село с развитым кузнечно-слесарным промыслом, изделия которого широко распространялись на база-

**Село Бурмакино.
Усадьба с торговой лавкой.**

рах и ярмарках Верхневолжья. Село расположилось на крутом левом берегу р. Туношонки, притока Волги. В центре села напротив Воскресенской церкви (1739 г.) – вниз к реке сформировалась прямоугольной формы торговая площадь для проведения сельских базаров. Ее периметр был застроен в основном деревянной одноэтажной застройкой и несколькими общественными зданиями (волостное правление, школа, земская больница). Некоторые жилые усадьбы села имели постройки с деревянным домом на фундаменте и отдельно стоящей каменной торговой лавкой. Село Бурмакино и город Нерехта имели прямую связь с дорогой протяженностью более 19 верст. Этот торговый путь связывал на границе две губернии. Нерехта тоже славилась тремя ежегодными ярмарками, которые приносили немалый доход в казну и в карманы торговцам.

Таким образом, торговые связи между Ярославской и Костромской губерниями скла-

дывались по экономическим мотивам на выгодных условиях товарообмена между товаропроизводителями и их посредниками путем реализации товара на крупных ярмарках городов и сел. Ростовская ярмарка играла ведущую роль. Развитие торговли способствовало образованию внутреннего рынка и роста градостроительства городов и сел благодаря выгодному географическому положению и торговым связям.

Примечания

¹ Шумилкин С.М. Торговые центры европейской части России второй половины XIX – начала XX в. – Нижний Новгород: ННГАСУ, 2013. – С.15–17.

² ГАКО. Ф.219.Д.9. б/ш. ЛЛ 1-5. Реестр содержания аренды общественных лавок с 1845 по 1849 год.

³ Истомина Э.Г. Ремесла и промыслы Ростовского уезда // История и культура Ростовской земли. Сборник ст. ГМЗ Ростовский кремль, 2001. – С. 142–144.

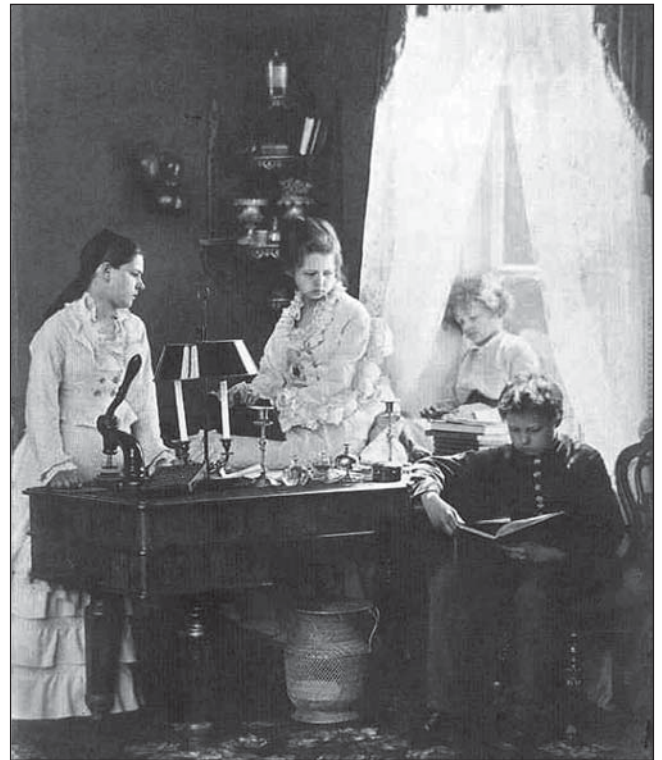
⁴ Большаков И.Г. Нерехта / Большаков И.Г., Михеев Е.Л., Бадин В.В. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1989. – С.12–14.

⁵ Крайнова Г.И. Жива поныне старина // Возвращение к истокам. Краеведческие чтения. Выпуск 5. – Гаврилов-Ям, 2006. – С. 57.

Покупка ягод. Фото А. Карелина. 1870-е годы.

Дети у стола. Фото А. Карелина. 1870-е годы.

Женщины в национальных костюмах. Нижний Новгород. Фото Ж. Рауля. 1870 год.

Подаяние. Фото А. Карелина. 1870-е годы.

На пароходе около Костромы. Нач. XX века.

Нижегородцы за столом. Фото Ж.Рауля. 1870 год.

«Всепокорнейше прошу...»

Папорт комиссионера Нижегородского соляного правления Булычева Костромскому губернатору К.И. Баумгартену.

Май 1827 г.

Состоящему в ведении моем казенному приказчику Матвеевскому, доверено мною отправление из Нижегородских в Рыбинские запасы 675.000 пудов соли, и препровождение с оною пяти конных судовых машин.

Вашему Превосходительству долгом поставляя о сем почтеннейше донести, всепокорнейше прошу, кому следует приказать, в случае надобности казенному приказчику Матвеевскому по его испрашиваниям оказывать законное пособие.

ГАКО, ф. 133, оп 2, д. 5184, л. 1.

Прошение управляющего Ярославского губернского Управления государственных имуществ заведующему Ярославским лесничеством о вырубке леса при строительстве железной дороги Ярославль–Кострома.

29 апреля 1883 г.

Правление Московско-Ярославской железной дороги от 24 апреля сего года за № 217, ввиду необходимости определения количества предстоящих работ по сооружению железной дороги от г. Ярославля до г. Костромы, покорнейше просит разрешить проводить линию чрез лес ведомства государственных имуществ, если линия направится чрез него в Ярославском уезде, просекою шириною не более 1 ½ аршин.

О чем давая знать, Управление государственных имуществ поручает Вам, на основании циркулярного предписания от 19 июля 1875 г. за № 13904, допустить в случае надобности командированных правлением общества к проведению линии при вышеозначенных работах, при чем Управление поручает Вам представить в возможно непродолжительном времени свое заключение, как Вы находите выгодным срубленный общественный лес и оставить в пользу казны или отдать обществу по таковой стоимости.

ГАКО, ф. 224, оп. 1, д. 497, л. 2-2об..

Прошение агента по отчуждению имущества правления общества Московско–Ярославско–Архангельской железной дороги о проведении работ в лесных дачах казенного ведомства.

11 мая 1896 г.

Имею честь просить Управление государственных имуществ разрешить порубку леса и вообще производство всяких работ в местных дачах казенного ведомства для устройства полотна железной дороги под линию «Ярославль–Рыбинск», о чем поставить в известность лиц, заведующих этою местностью, и о последующем распоряжении не оставить меня своим уведомлением

ГАКО, ф. 224, оп. 1, д. 2619, л. 47.

Прошение старшего агента по отчуждению земель и имуществ в Костромско-Ярославское Управление государственными имуществами о совершении нотариальной сделки на отчужденную землю под строительство железной дороги Ярославль–Рыбинск.

11 ноября 1898 г.

Письмом от 7-го июня 1897 года за № 177, я имею честь просить Костромско-Ярославское Управление государственным имуществом о командировании в город Ярославль уполномоченного от Управления для совершения нотариального документа на отходящие из казенных дач участки земли под Ярославско-Рыбинскую железнодорожную линию, а именно: 1) Подгорно-Ямской 2,21 д.; 2) Мартыново-Еворановской 3,53 д.; 3) Зиновьевской 3,84 д., а всего девять и пятьдесят восемь десятин, но не получено до сего времени никакого извещения, между тем как дела отчуждения уже заканчиваются, я вновь имею честь покорнейше просить Управление государственными имуществами благоволить меня уведомить, когда и где может быть совершен, как сказано выше, нотариальный документ на отходящую землю.

ГАКО, ф. 224, оп. 1, д. 2619, л. 138-138об.

Промшение должностных лиц Левашовской волости Костромского уезда Костромской губернии об открытии почтового отделения в с. Левашово.

28 января 1910 г.

1910 года января 28 дня мы, нижеподписавшиеся Костромской губернии и уезда Левашовской волости, состоящей из 2643 душ и 1601 домохозяина, волостные и сельские должностные лица, а также выборные крестьяне от общего количества 143 человек, согласно разрешения Его Высочородия господина земского начальника 1-го участка Костромского уезда быв сего числа на волостном сходе в числе 112 лиц, под председательством волостного старшины нашей волости Андрея Жохова, возбудили вопрос о том, что желательнее бы исходатайствовать открытие почтового отделения в селе Левашове, где находится волостное правление, начальное и двух классное министерское училище, фельдшерский и акушерский пункты, квартира полицейского урядника и значительное с окрестными поселками и деревнями население.

По обсуждении этого вопроса и принимая во внимание, что волость наша заключает в себе более чем десяти тысячное население и расположено кругом волостного правления (или села Левашова на расстоянии не более 6-7 верст).

Что мужское население волости, почти всё способное к труду, уходит с весны на все лето до глубокой осени на посторонние заработки в города: Санкт-Петербург, Гатчину, Царское село, Кронштадт и другие, откуда вынужено бывает весь свой заработок посылать домашним по почте, а последние обязаны бывают являться за посылками в почтовое отделение, находящееся на расстоянии 18-27 верст от места их жительства, или же платить мелким торговцам, будущим на комиссию получение с почты денег комиссионных по 1 копейке с каждого рубля присланного и полученного. Что таким образом при личной получке домашними из отдаленных почтовых учреждений денежных посылок, тратиться непроизводительно дорого с нынешнего времени, а при получке через комиссионеров несколько страдают денежные интересы наши, заработанные упорным и тяжелым трудом по профессиям каменщиков, кровельщиков и проч. и что открытие почтового учреждения с принятием и выдачею страховой и денежной корреспонденции в селе Левашове могло бы послужить к значительному сбережению населением рабочего нынешнего времени, а также и денежных средств, расходуемых населением при

явке за корреспонденцией в отдаленные от волости почтовые учреждения, а посему посоветов между собою единогласно ПРИГОВОРИЛИ: просить настоящим приговором Его Высочородие господина земского начальника 1-го участка Костромского уезда, не благоволено ли будет войти с представлением куда следует об открытии в центре нашей волости селе Левашове почтового отделения с принятием и выдачею законно и денежной корреспонденции. Так как в одну нашу волость пересылается почтой денежных знаков до 70-80 тысяч в год, кроме заказной корреспонденции. Затем много селений присылают к волости и других волостей: Климовской и Челпановской, коим открытие в селе Левашове почтового отделения тоже принесет значительное удобство. В чем составив сей приговор и утверждаем оный своим рукоприкладством.

ГАКО ф. 208, оп. 1, д. 194, л. 6-6об.

Промшение начальника Нижегородского почтово-телеграфного округа в Костромскую уездную земскую управу сообщить на каком расстоянии от с. Левашово находится посад Большие Соли.

29 ноября 1912 г.

В с. Левашове Костромской губернии и уезда с разрешения главного управления почт и телеграфов с 1 октября 1913 года будет открыта почтово-телеграфное отделение.

Ввиду сего, имею честь просить земскую управу о сообщении мне в каком расстоянии расположено с. Левашово от посада Большие Соли, удобна ли между этими пунктами дорога для езды с почтами в течении круглого года, а также какие реки, ручьи и овраги находятся на пути и имеются ли через них переправы и какие именно.

ГАКО, ф. 208, оп. 1, д. 194, л. 23.

оклад уездной земской управы № 72 в Костромское уездное земское собрание «О Большесольских минеральных источниках».

1915 г.

Представляя доклад доктора Н.А. Преображенского о Большесольских минеральных источниках на рассмотрение собрания, уездная земская управа имеет честь довести до сведения собрания, что по упомянутому докладу Костромское уездное сани-

тарное совещание 30 октября с.г. вынесло следующее постановление.

Санитарное совещание признает опыт бальнеологического лечения удачным и считает необходимым произвести предстоящим летом опыт в более широких размерах, одновременно продолжить всестороннее научное исследование источников. С этой целью совещание находит нужным просить уездную земскую управу внести доклад в очередное земское собрание об увеличении количества ванн до 4 и о приглашении на 3 летних месяца второго врача в Большесольскую больницу, чтобы дать возможность доктору Преображенскому заняться опытами по бальнеологическому лечению, возбудить ходатайство перед собранием об ассигновании средств на продолжение гидротехнических работ в территории источников; возбудить ходатайство перед губернским земским собранием об устройстве метеорологической станции повышенного типа в Больших Солях.

Управа, соглашаясь с мнением совещания, просит собрание ассигновать на приглашение второго врача для Большесольской больницы на 3 летних месяца 600 руб.; на приобретение и устройство 2 ванн и 2 колонок для нагревания 600 руб.

Что касается средств на продолжение гидротехнических работ, то в настоящее время не может быть точно выяснена стоимость работ, а потому управа просит собрание разрешить продолжать эти работы совместно с губернским земством, о чем и возбудить ходатайство перед губернским земским собранием, одновременно этим управа просит собрание возбудить ходатайство перед губернским земским собранием об устройстве в Больших Солях метеорологической станции повышенного типа.

ГАКО, ф. 208, оп. 1, д. 1087, л. 1-1об.

Сообщение врача Н.А. Преображенского, сделанное на Костромском уездом санитарном совещании, о Большесольских минеральных источниках.

30 октября 1915 г.

Посад Большие Соли Костромского уезда расположен почти на самой границе с Ярославской губернией на р. Солонице в 2 ½ верстах от впадения ее в р. Волгу, в тридцати пяти верстах от г. Костромы, в 25 верстах от Ярославля и Нерехты.

Основание Больших Солей относится, вероятно, к XII столетию. Впервые о Солях упоминается

в истории в духовном завещании Иоанна IV, который завещает «Плесо и Нерехту с Сольми» Феодору Иоанновичу. Тогда это был город, насчитывавший 15 церквей. Главным занятием жителей было солеварение и торговля солью. Здесь было 20 варниц, на которых работало до 200 человек. Соли добывалось, повидимому, много и одной пошрины платили в год около 50 рублей деньгами и 276 пудов соли в казну, да 100 пудов соли Толгскому монастырю. В конце XVI столетия город был разорен казанскими татарами, «морская язва» довершила опустошение; город пришел в упадок и был переименован в посад. В 1693 году Большие Соли, до сих пор бывшие царской вотчиной, Петром Великим были приписаны к Горицкому монастырю и переименованы в село. К этому времени относится самый худший период существования Солей, торговля и промышленность почти совершенно прекратились, пришел в упадок и соляной промысел и со смертью некоего Шорина в 1699 году солеварение прекратилось навсегда. В 1761 году в царствование Елизаветы Петровны Большие Соли вновь переименованы в посад.

С прекращением соляного промысла обслуживавшие его 20 срубчатых колодезев, расположенные в посаде по берегу реки Солоницы, были заброшены и засыпаны землей. Врачу Курочкину впервые пришла мысль о возможности использовать источники с лечебной целью. На средства местного уроженца купца Дернова в 1881 г. был открыт один колодезь, произведен химический анализ воды и Костромское врачебное отделение тогда же дало отзыв о возможности применения ее при целом ряде заболеваний (анализ и отзыв врачебного отделения см. в прилагаемой брошюре А. Апушкина на стр. 19 и 20). С тех пор и по настоящее время жители посада употребляют воду в виде ванн и примочек, и общая молва говорит об очень хороших, в некоторых случаях, результатах. Из расспросов местных старожилов удается установить, что большинство случаев применения воды с хорошим результатом относится к ревматическим и кожным заболеваниям. Применялась вода и врачами. Так врачи местной больницы назначали ванны из этой воды; к сожалению, не осталось никаких документальных данных о полученных ими результатах.

Доктор П.А. Илинский в своем докладе о минеральных водах Костромской губернии на первом Всероссийском съезде деятелей по климатологии, гидрологии и бальнеологии, бывшем в 1898 году, о Большесольских источниках говорит следующее: «Соленые воды в Больших Солях, находящиеся в наиболее удобных местных условиях (близость ме-

ста от Волги, удобства путей сообщения, большое количество воды) требуют наиболее точных исследований и действительно могут быть эксплуатируемы с большей пользой для больных и для местного населения: так как во всем верхнем Поволжье таких вод не находится».

В 1913 году местное городское управление произвело анализ воды в лаборатории профессора Дианина. На основании данных анализа Костромское врачебное отделение в 1914 году вновь высказалось, что минеральная вода Большесольского источника может быть полезной главным образом для наружного употребления, при различных заболеваниях, и указало показания и противопоказания к употреблению их. В 1915 г. в связи с проявлением всеобщего интереса к устройству отечественных курортов мысль о создании в посаде курорта оживилась. 12 марта собрание уполномоченных посада постановило: признать в посаде устройство курорта желательным ассигновать 300 р. на исследование источников и просить общественные организации (Костромское губернское и уездное земство) о содействии. Тогда же была образована курортная комиссия в составе: трех уполномоченных посада К.И. Сорокина, Н.А. Панова, Н.И. Баженова, местного земского врача Н.А. Преображенского, инспектора ремесленного училища М.Н. Лобанова и инспектора высшего начального училища П.А. Оглоблина.

ГАКО, ф. 208, оп. 1, д. 1095, л. 1-2об.

Акт осмотра моста через р. Которосль в г. Ярославле.

Март-апрель 1918 г.

1918 года марта 3-го дня мы, нижеподписавшиеся, начальник 4-го участка сл. (так в документе) пути Северных ж[елезных] д[орог] инженер И.С. Смирнов, врем. исполняющий обязанности инспектора судоходства Костромского участка р. Волги П.Ф. Зайковский, начальник Ярославского технического участка Казанского округа путей сообщения инженер Н.В. Казин и производитель работ по постройке моста через р. Которосль инженер Н.П. Кардашев, на основании отношения Управления внутренних водных путей от 11 октября за № 20309 произвели осмотр места постройки моста под 2-ой путь Северных ж[елезных] д[орог] через р. Которосль с целью установить такой способ производства работ по постройке вышеозначенного моста, который не отзы-

вался бы вредно на судоходстве по р. Которосли, как во время самого производства работ, так и на будущее время. Из осмотра местности в натуре, а также из рассмотрения проекта и исполнительных чертежей строящегося и существующего мостов выяснилось, что:

1. Отверстие вновь стоящего моста не менее отверстия существующего моста.

2. Возвышение низа ферм строящегося моста над наивысшим уровнем воды в р. Которосль не менее возвышения ферм существующего.

3. Отверстие существующего моста и возвышение низа ферм над наивысшим уровнем воды р. Которосль являются достаточными и на судоходстве вредно не отражаются.

4. Производство работ по постройке основания под опоры моста при помощи опускных колодцев не встречает препятствий со стороны технического и судоходного надзора Казанского округа путей сообщения, но с тем условием, чтобы грунт, вынимаемый из опускных колодцев, а также всякий другой грунт, вынимаемый из котлованов или вообще перемещаемый в пределах работ по постройке моста, не попал в р. Которосль и тем не засорял ее. С этой целью вынимаемый из опускных колодцев грунт должен сваливаться в сторону колодцев, обращенную от оси реки; а струя вынимаемого из колодцев ежектором (так в документе) разжиженного грунта должна быть отведена в устроенный не менее как в 5 сажен от уреза воды резервуар, где разжиженный грунт мог бы отстаиваться и чистая вода из него могла бы стекать в реку.

5. Все вообще работы как то: сборка ферм, установка подмостей для сборки их и проч. производились таким способом или в такое время, чтобы судоходство от сего ни коим образом не встречало стеснений.

ГАКО, ф. Р-1586, оп. 1, д. 1, л. 31-31 об.

Акт обследования баржи, принадлежащей А. Орлову, затонувшей в р. Волга.

10 ноября 1918 г.

Сего 10-го ноября мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт в следующем:

Во время белогвардейского мятежа, с 5-го по 21 июля с.г., повстанцами была затоплена на фарватере Волги национализированная баржа № 1 Орлова, под знаком М.П.С. 1129/14, размерами по длине 20 саженей, по ширине 17 ½ аршин и по высоте борта

20 четвертей, прибывшая накануне мятежа, с оболочками снарядов для Ярославского совдепа и с сортовым железом для завода «АСЕА» всего в количестве 24200 пудов...

Приступив с 10-го августа к извлечению баржи Орлова из воды, технический отдел учвода применил все имеющиеся в его распоряжении средства для того, чтобы достичь благополучных результатов в этом направлении.

Во-первых, после обследования водолазами повреждений в корпусе и заделке их была дважды произведена откачка из него воды, в течение 6-ти часов каждый раз, насосами паровых судов, с общей производительностью до 25000 ведер в час, не давшая положительных результатов вследствие оказавшегося в носовой части днища под железом пролома, а затем и перелома всей баржи от неравномерной осадки под грузом. Это вызвало необходимость разгрузки баржи кранами при участии водолазов, законченной к 3-му октября.

Во-вторых, по окончании разгрузки железа и снарядов со снятием всей палубы с будкой, снастями и такелажем для облегчения баржи, на основании установленного факта замываемой на 5 четвертей илом со стороны правого борта и с подмывом у левого, была дважды применена сила паровых узлов для того, чтобы сдернуть ее из гнезда и тем дать возможность подняться ей на поверхность.

В первый раз пароходами «Жаков» и «Верочка» в 110 общих сил, действовавших совместно и под

общим командованием, баржа будучи зачалена буксирами совершенно не подалась их усилиям, наоборот на «Жаков» была вывернута кормовая дуга и свернут кнехт.

Во второй раз 6-го ноября пароход «Рыбак» в 100 сил, работая над сдергиванием баржи подряд 6 часов, оборвал буксир, свернул на барже носовые кнехты с частью борта, но не мог сдвинуть судна.

На основании изложенного нами постановлено следующее: ввиду необходимости удаления баржи Орлова с фарватера Волги, во что бы то ни стало, дабы не испортить русла наносом песка, прибегнуть к подрыву судна через заложение взрывчатого снаряда под днище.

Для этой цели поручается комиссару военной охраны Ярославского учвода тов. Шайдарову ходатайствовать перед артиллерийским ведомством о производстве под руководством ведомства как заложения под баржу снаряда, так и ее подрыва.

Подлинный за надлежащими подписями: с подлинным верно делопроизводитель (подпись)

При сем присутствовал и получил на руки два якоря и цепи полностью владелец баржи Александр Орлов

Верно делопроизводитель (подпись).

ГАКО, ф. Р-1586, оп. 1, д. 3, л. 6-6об.

Подготовила М.С. НЕДОМАРАЦКАЯ,
методист отдела использования и публикации документов ГАКО

Американский мост через реку Которосль. Ярославль. 1929 год.

Галина Сухарева,
главный архивист ГАКО

*Приидите все вернии, священными песньми
восхвалим дивного в чудесех преподобного
Серафима, нового светильника Российския земли,
Ангелом собеседника и теплаго молитвенника
к Богу о чтущих святую память его.*

*Светилен из службы
преподобному Серафиму Саровскому.*

УРОКИ СМИРЕНИЯ И ВЕРЫ

Славу и величие Русской православной церкви издавна составляли угодники Божии, нетленные мощи которых, как драгоценные сокровища, до сих пор хранятся в обителях и храмах России. Надежда на скорое излечение от телесных недугов, душевных скорбей и неиссякаемая вера в заступничество святых пред Господом объединяли людей, придавали сил для совершения богомолья. В ожидании исцеления и утешения по молитвам горячо любимого народом блаженного старца Серафима сотни тысяч паломников прибыли в Нижегородскую губернию, в Саровский монастырь, где с 16 по 20 июля 1903 г. (по старому стилю) состоялись торжества по случаю его прославления. В эти летние дни чувство всеобщей радости и ликования охватило верующих и Костромской земли.

Согласно определению Святейшего Синода, Костромская духовная консистория в феврале 1903 г. подгото-

**Портрет-икона преподобного
Серафима Саровского.
Конец XIX – нач. XX вв.**

вила указ, предписывавший прочтение во всех церквях епархии после литургии в воскресный или праздничный день Деяний Синода о причислении к лику святых и открытию мощей преподобного отца Серафима¹. Наступили томительные месяцы ожидания. Но они были необходимы для внутреннего настроя, для осознания важности предстоящего события.

И вот, в шесть часов вечера 18 июля звон колоколов приходских церквей разлился по городам и селам губернии, призывая народ засвидетельствовать появление нового Ходатая пред Богом. Продолжением праздничных мероприятий стала архиерейская служба, состоявшаяся на следующее утро в стенах Костромского Кремля. Объявление о её проведении было размещено накануне в «Костромском листке»².

Несомненно, такой день надолго запомнился всем присутствующим. Мы же, в свою очередь, можем судить о нём только по короткой заметке, напечатанной в «Епархиальных ведомостях»: «19 июля, в субботу, в день открытия мощей святого Серафима, божественную литургию в кафедральном Успенском соборе совершил Преосвященнейший Виссарион и рукоположил в сан священника к Успенской церкви села Пеженги Кологривского

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ субботу 19 числа с. М.

по случаю открытія святыхъ **МОЩЕЙ** преподобнаго

Серафима Саровскаго

въ соборѣ имѣеть быть архіерейское служеніе. 1681—1

Костромская Соборная часовня.

Доводять до свѣдѣнія гг. покупателей, что имѣется **громадный выборъ** всевозможной парчи, церковной утвари и иконъ серебряныхъ, а также заготовлены иконы ко дню открытія мощей

Серафима Саровскаго Чудотворца.

1675—2—1

Цѣны умѣренныя.

Объявление в «Костромском листке». 1903 год.

езда дьякона Воскресенской церкви села Устьнейского Петра Муравьева. По окончании литургии, совершено было Его Преосвященством торжественное молебствие преподобному Серафиму, при участии соборного и городского духовенства. Перед началом молебствия Преосвященнейший Виссарион произнес поучение на текст: *праведницы во веки живут, о значении причтения к лику святых преподобного Серафима*»³.

Торжества, устроенные в Костроме, в отличие от саровских прошли довольно скромно. Но они были сродни тихой уединенной молитве, которая рушит пределы пространства, позволяя каждому верующему мысленно приблизиться к заветной раке новоявленного святого, а в душе в такие минуты царит умиротворение. Окунуться в атмосферу удивительного праздника,

проходившего в Саровской обители, помогала и местная пресса. В изданиях, доступных широкому кругу читателей, публиковались все новые и новые подробности чествования смиренного инока⁴.

Однако больший восторг и умиление испытывали люди, имевшие возможность побывать в эти дни там, где не так давно протекала в трудах жизнь батюшки Серафима. Теплотой и трогательностью веет от их воспоминаний, со временем ставших основой многих книг и статей. В чреде восторженных откликов особенно дорог небольшой рассказ протоиерея Петра Красовского «Шесть дней в Сарове», вышедший в свет в 1903 г. на страницах «Костромских епархиальных ведомостей». Данные об авторе работы весьма скудны и ограничиваются лишь упоминанием священного сана, имени и фамилии. Любопытно, что со-

гласно документам Костромской духовной консистории в указанное время настоятелем Спасской церкви в Подвязье г. Костромы служил его полный тезка. Сопоставление полученных сведений привело к следующему предположению: костромской священнослужитель был очевидцем канонизации великого молитвенника. Ниже представленный текст воспоминаний о. Петра приводится с сокращениями:

«15-20 июля текущего года отныне для меня незабвенны. Эти высоко-знаменательные для православного русского человека дни Господь привел меня пробыть в священных стенах Саровской пустыни и быть очевидцем необычайного торжества – открытия и прославления святых мощей новоявленного светильника веры Христовой, подвижника святой обители, преподобного отца нашего Серафима.

Уже при приближении к святой обители, расположенной на горе в чудно-живописной местности, при первом взгляде на ее ослепительно белые и величественные храмы, с высящимися к небу златоглавыми куполами, с блистающими на солнце золотыми крестами, на общем зеленом фоне окружающей со всех сторон лесной дубравы, особенно же при мысли, какое драгоценное сокровище скрывается за священными стенами ее, – при всем этом ясно ощущалось в душе, как все житейское уходит куда-то вдаль и сердце трепетно

наполняется неизъяснимым священным восторгом.

Первые четыре дня прошли в приготовлении к величайшему, давно желанному торжеству открытия святых мощей. Время это было временем всеобщей молитвы и покаяния. Все храмы святой обители, в которых совершалась божественная служба, до тесноты были переполнены богомольцами, из них было множество причастников. Участие в богослужении высокопреосвященного митрополита Антония и прочих, прибывших на торжество, архипастырей, благолепие их облачения, неподражаемое пение хора, глубоко поучительные слова и речи архипастырей и прибывших из столицы проповедников – все это так умиляло и трогало душу, что, несмотря на продолжительность церковных служб, хотелось бы еще более продлить эти священные минуты. Тут забываешь все – и усталость в пути, и скудость в пище, и недомогание. А по выходе из храма поражаешься несметной толпой вновь прибывающих в обитель паломников. Тут перемешались лица всех званий и состояний, но чаще всего видишь простолюдина. Ни дальность и трудность пути, ни лишение во всем, даже необходимом, – ничто не удержало его в страстном желании поклониться святым мощам новоявленного угодника Божьего.

Нередко в эти минуты бываешь свидетелем потрясающей души картины: здесь слышишь неистовые крики бесноватого, там видишь – несут расслабленного, или везут на тележке калеку <...> Кто открывает здесь скорбь души, обремененной грехами, кого удручает болезнь телесная, всякий уповает найти отраду и получить исцеление у святых мощей преподобного. Все храмы открыты для молящихся за исключением храма святых Зосимы и Савватия, где временно, до торжества открытия, покоятся мощи угодника Божьего. Многие коленапреклоненно и со слезами на глазах стоят перед закрытыми дверями храма, взывая к преподобному о помощи.

17-го числа с утра стал упорно держаться слух, что Его Величество, Государь Император, обе Императрицы и другие Августейшие Особы изволят прибыть в обитель к вечеру <...> Вот раздался первый удар колокола, возвещающий приближение Высочайших паломников. Народ, крестясь, обнажал головы и с благоговейным и радостным чувством ожидал прибытия горячо любимых Царя и Цариц.

Наконец, настала желанная минута, загудели все колокола. Сердца и взоры всех обратились к Высочайшим Путникам, вступившим в святую обитель <...> Всюду необычайный религиозный подъем народного духа. А

Царь, как Державный отец среди своих детей – верно-подданных, всюду являет Собою поучительный пример глубокого смирения и горячей веры <...>

Вечером 18-го июля, в обычное время и обычным уставом началось и продолжалось всенощное бдение. Народ, во множестве собравшийся вокруг храма, ожидал выхода священной процессии. И вот, при пении литийных стихир, собор священнослужителей, Царь, Царицы и прочие Августейшие Особы открыли шествие за святыми мощами к храму святых Зосимы и Савватия. Раскрылись двери храма сего, и процессия, скрылась за дверьми его. Но скоро все верующие узрели священный предмет всеобщего ожидания – гроб со святыми мощами, несомый на раменах Царем, Великими Князьями, архиереями и прочими духовными лицами. При виде святого гроба все пали на колена и молились со слезами. Слышны были рыдания. Зрелище поражало до глубины души.

Но момент открытия святых мощей еще был впереди. Он наступил, когда митрополит во время полиелея, сойдя с облачального амвона, сам отпер святой гроб. По прочтении Евангелия, все вслед за митрополитом, Царем и прочими Августейшими Особами стремились облобызать святые мощи и тем исполнить свое заветное стрем-

ление. Всю ночь храм был открыт для поклонников.

19-го июля, по окончании литургии, совершилось торжественное обнесение гроба со святыми мощами вокруг монастырских храмов <...> Питая благоговейное уважение к местам, освященным подвигами преподобного, Царь, как простой паломник, наряду с подданными, без всякой охраны, идет пешком к цельбоносному источнику, камню – месту уединенных подвигов угодника Божьего – и в дальнюю пустыньку. Народ, расположившись сплошной стеной вдоль всего пути, радостно приветствует горячо любимого Царя и умиляется душой при виде его смиренной и горячей веры.

Хотелось бы, чтобы еще и еще длились эти святые, полные душевного восторга, минуты. Но всему бывает конец. Завершились все торжества, отбыли из святой обители Высочайшие Особы; но впечатления всего виденного, пережитого и пережитого остались в душе неизгладимыми. Никогда, до последнего часа смертного, не забыть того высокого религиозного подъема великой души народной, этих чудных даров благодати, видимо излившихся на верующих по молитвам угодника Божьего, этих великих уроков смирения и веры, явленных Державным Вождем Русской земли, этого трогательного единения Царя со своими подданными, – всего

Епископ Виссарион (Нечаев).

того, что искони в подобных случаях было присуще царелюбивому и набожному русскому народу, но только проявилось здесь с такою стихийной силой под влиянием пережитых народом великих событий»⁵.

Иерей Василий Тигров отмечал, что в итоге «все притекавшие к раце честных и многоцелебных мощей не отходили отсюда тощи, получая каждый полезнее себе: кто – вразумление, кто – наставление, кто – утешение, кто – облегчение, кто – возрождение к новой жизни и совершенное исцеление»⁶. Кроме того, богомольцы увозили на родину святую воду, набранную на источнике преподобного, песочек с его могилки и др. Верующие берегли эти дары как святыню. Некоторые готовы были пожертвовать их в приходской храм для всеобщего поклонения. Так хотел поступить потомственный по-

четный гражданин Александр Александрович Павлов. В августе 1903 г. он подал прошение в канцелярию Виссариона, епископа Костромского и Галичского, желая получить благословение на передаче в Архангельскую церковь села Зеленова Нерехтского уезда Костромской губернии, нескольких вещей «строго подвижника и молитвенника земли русской». Ему они достались от покойной тещи Анны Михайловны Красильщиковой, которой почти за полвека до июльских торжеств довелось побывать в Сарове и Дивееве и получить их на молитвенную память о старце. В документе благодетель перечислил следующие предметы: «кусочек камня, особенного свойства и цвета, на котором молился старец Серафим 1000 ночей <...>, на одной стороне [его] красками изображен старец Серафим, молящийся с воздетыми руками на коленях, кусочек дерева от домика, несколько частиц от его одежды, лычко от лапотов, один шарик от четки, а главное небольшая прядь волос как бы с запекшейся кровью и еще несколько волосков <...>»⁷.

Одобрил Владыка это намерение или нет установить не удалось. Ясно только одно: задолго до официального причисления саровского чудотворца к лику святых, уверенность в его богоизбранности не только не ослабевала, но с каждым годом всё больше крепла в сердцах православ-

ных. Поэтому неслучайна та поддержка и живой отклик со стороны народа, с которыми была принята весть об открытии мощей отца Серафима, облетевшая всю страну от Северной столицы до сельской глубинки.

Своим, таким родным и близким, он был и для жителей Костромской епархии. Чистота души, кроткий нрав, самоотверженная любовь угодника Божьего ко всем приходящим к нему за советом тронули сердца людей. Уважение оказалось настолько сильным, что даже встреча иконы для храма с его изображением планировалась с особой тщательностью. Наглядным примером может служить прошение от прихожан и клира Покровской церкви, что на Пеме Галичского уезда Костромской губернии, направленное епископу Виссариону 5 октября 1903 г. По их замыслу икона с киотом, заказанная в живописной мастерской г. Санкт-Петербурга почетным гражданином Михаилом Сизовым, должна была прибыть в Галич.

Далее *«она переводится в усадьбу Быково <...> и здесь остается. Киота привозится прямо в церковь и поставляется на место. В один из воскресных или праздничных дней утрени из приходского храма совершается крестный ход до усадьбы, совершается молебен преподобному и икона крестным ходом переносится в храм и устанавливается в киоту.*

*По принесению совершается литургия обычным порядком и по литургии молебен преподобному <...>»⁸. Через месяц схожее мероприятие хотели провести члены Нагорной церкви г. Пучежа Юрьевоцкого уезда Костромской губернии⁹. Но так как оба образа не принадлежали к числу прославленных, то устройство крестных ходов не допускалось. Разрешение получили только на совершение после обедни молебна новоявленному святому. Особым образом стремилось отметить блаженную кончину преподобного и открытие его останков духовенство г. Плеска. Предполагалось проведение торжественного богослужения с освящением воды и хождение с нею по домам прихожан. В ответ последовала резолюция епископа Виссариона: *«Если Плесское духовенство действительно намерено устроить новый прописанный здесь способ чествования преподобного Серафима, то предоставляю о. благочинному предостеречь духовенство от приведения в исполнение этого намерения»¹⁰.**

Однако, несмотря на все ограничения, почитание и благоговейное отношение к этому святому человеку сохранилось у верующих Костромского края до сих пор. Стоит добавить, что в 2003 г. (через 100 лет после июльских торжеств 1903 г.), в Костромском Богоявленско-Анастасином кафедральном соборе

прошла канонизация в лике местночтимых святых ученика и духовного последователя преподобного Серафима Саровского преподобного Тимона Надеевского.

Примечания

¹ ГАКО, ф. 130, оп. 7, д. 238а (21), л. 26-27.

² Объявление // Костромской листок. – 1903. – № 82, 18 июля.

³ Епархиальная хроника // Костромские епархиальные ведомости. – 1903. – № 15, 1 августа. – Отдел II. Часть неофициальная. – С. 455 (третья паг.).

⁴ Телеграммы «Костромского листка» // Приложение к Костромскому листку. – 1903, № 82, 19 июля; Телеграммы «Костромского листка» // Костромской листок. – 1903, № 83, 20 июля. Телеграммы «Костромского листка» // Приложение к Костромскому листку. – 1903, № 83, 22 июля. Телеграммы «Костромского листка» // Костромской листок. – 1903, № 84, 23 июля. Иноепархиальные известия. Торжество открытия святых мощей преподобного Серафима Саровского Костромские епархиальные ведомости. – 1903. – № 17, 1 сентября. – Отдел I. Часть официальная. – С. 524-530 (вторая паг.).

⁵ Красовский, П. Шесть дней в Сарове // Костромские епархиальные ведомости. – 1903. – № 15, 1 августа. – Отдел II. Часть неофициальная. – С. 484-487 (третья паг.).

⁶ Саровские торжества 1903 года в фотографиях, документах, воспоминаниях: К 100-летию прославления преп. Серафима Саровского в лике святых / Составление – Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь. – Дивеево: Нижний Новгород: Яблоко, 2003. – С. 153.

⁷ ГАКО, ф. 130, оп. 1, д. 5404, л. 19, 19 об.

⁸ ГАКО, ф. 130, оп. 1, д. 5405, л. 14.

⁹ ГАКО, ф. 130, оп. 7, д. 238а (21), л. 91-92.

¹⁰ ГАКО, ф. 130, оп. 1, д. 5405, л. 108.

Геннадий Храпков,
кандидат исторических наук,
ведущий архивист Государственного архива
Ярославской области

«ЭТИ ГОДЫ СТАЛИ ТЯЖЕЛЫМ ИСПЫТАНИЕМ»

Ярославцы в годы Первой мировой войны

В августе 1914 года, после убийства сербским террористом эрцгерцога с женой, Австро-Венгрия объявляет войну Сербии, и начинается одна из самых кровопролитных войн того времени. Российская империя, связанная дипломатическими и военными договорами с Англией и Францией, вступает в войну.

Для Ярославской губернии, как и всей остальной территории Российского государства, эти годы стали тяжелым испытанием: дефицит продуктов, наплыв беженцев из фронтовых и прифронтовых областей, необходимость размещения и обеспечения раненых, военнопленных и т.д. Однако, несмотря на все это, жители губернии оказали достойную поддержку фронту и тем, кто пострадал в ходе войны.

Например, для оказания своевременной помощи раненым воинам в годы войны был создан Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам, чьи комитеты были в каждом городе. Под их ведомством находились лазареты, семьи воевавших солдат, инвалиды войны. Так, в Государственном архиве Ярославской области сохранились документы 43 лазаретов, бывших на территории Ярослав-

ской губернии¹. Лазареты организовывались как в городах, так и в сельской местности, при духовных и промышленных заведениях. В Ярославле были организованы лазареты: при Казанском женском монастыре, Монастырский лазарет №7, Епархиальный лазарет №9². Создавались лечебные заведения при заводе Товарищества Никиты Понизовкина и сыновья, при фабрике А. А. Локалова, Норской мануфактуре и Ярославской Большой мануфактуре³.

Лазареты были и при учебных заведениях, земствах и других заведениях. Существовали и частные лазареты – Вахромеевский и Пастуховский⁴. Когда больного или раненого воина с фронта привозили в лазарет, то в первую очередь на каждого из них заводилась отдельная карточка о приеме, где указывались следующие сведения: фамилия, имя, отчество, откуда родом, воинский чин, где и когда получил ранение и болезнь. В случае смерти или выздоровления воина на карточке делалась специальная отметка.

К примеру, в одной из карточек Ярославского епархиального лазарета № 9 значится: Ефрейторов Николай Алексеев, 28 лет, русский,

православный, 2 рота 502-й пехотной Костромской дружины, старший унтер-офицер-ратник, Костромская губерния, Нерехтский уезд, Борисоглебская волость, деревня Семёны, сотрудник газеты. Легкое сквозное пулевое ранение в правую пятку 17 сентября 1915 года около местечка Метропольщины⁵.

Подобные сведения с большей или меньшей подробностью отмечались в документах каждого лазарета. При этом следует отметить, что большинство раненых или больных воинов, находившихся на излечении в ярославских лазаретах, были выходцами из Ярославской, Костромской, Вологодской и Тверской губерний. В документах лазаретов, сохранившихся в ярославском архиве, уроженцы указанных губерний составили около 65%.

Многие лазареты и медицинские учреждения по уходу за ранеными и больными воинами содержались на денежные пожертвования, собранные жителями губернии. Как отмечено в докладе Ярославского комитета: за три месяца собрано на поддержание работы госпиталей и лазаретов примерно 1065 рублей 78 копеек серебром⁶.

Следовательно, жители Ярославской губернии уже с первых лет войны начали оказывать поддержку фронту, активно создавая и поддерживая в силу своих возможностей денежными средствами лазареты, госпиталя и другие лечебные учреждения по всей территории губернии. Поскольку в архиве сохранились документы лазаретов из разных мест, то следует предположить, что их количество было гораздо больше, чем представлено по материалам сейчас.

Также в обязанности комитетов Всероссийского Земского союза помощи больным и раненым воинам входило оказание поддержки и помощи воинам, получившим тяжелое ранение на фронте и не могущим нести далее военную службу. С этой целью создавались комиссии по оказанию индивидуальной помощи увечным воинам. Представители комиссии, в основном священники, работали в каждом уезде губернии, после подачи прошения солдатом в комитет они уже на месте опрашивали его, давали свое заключение комитету. После принятия комитетом решения человеку или назначалось денежное пособие, или, если он был в состоянии работать, оказывалась поддержка в устройстве на работу.

Например, вот что отмечено в опросном листе комиссии, работавшей в Ярославской губернии: Александр Петров Косяков, крестьянин Ярославской губернии, Ро-

104 сводный Ярославский эвакогоспиталь. 1917 год.

мано-Борисоглебского уезда, Малаховской волости, дер. Зады. Рядовой 119-го пехотного Коломенского полка. Увечье получил в июне 1915 года. Ранен шрапнелью в область правого коленного сочленения. Проходил лечение в госпитале Могилевской общины сестер милосердия Красного Креста и лазарете Московского дворянского клуба. Кроме починки валенной и кожаной обуви ничем другим не занимается, и заниматься уже не может. Нуждается в усиленной материальной помощи, так как не только семью, но и себя прокормить не может по причине увечья. Церкви села Малахова, Ром.-Борисоглебского уезда, священник Николай Виноградов»⁷.

Деятельность комиссии комитета не ограничивалась поддержкой только своих фронтовиков. На территории Ярославской губернии также проживали раненые воины – выходцы из других губерний,

и им тоже было необходимо оказать помощь, пока они не вернутся домой.

Сведения о раненых из других губерний заносились в опросные листы представителями комиссии по оказанию индивидуальной помощи увечным воинам. Вот что указано в таком документе, составленном в одном из лазаретов Ярославля в 1916 году: «Худокормов Алексей Яковлев, 28 лет, малограмотный, крестьянин хут. Лаптево, Лисечанской волости, Курской губернии. Состоит на излечении в Варваринском лазарете (находится против Государственного банка в городе Ярославле). Рядовой 6-го грендерского Таврического полка. Увечье получил 21 июня 1916 года. Отсутствие левого предплечья и повреждение правой руки (средний и безымянный пальцы не разгибаются). На днях выписан из него. Нуждается в исходатайствовании протеза для левой руки»⁸.

Таким образом, деятельность комитетов Всероссийского земского союза помощи увечным воинам оказывала положительное влияние на положение дел в губернии в годы войны, оказывая помощь местным властям в решении вопроса относительно помощи фронтовикам как собственной, так и других губерний Российской империи.

Многие жители Ярославской губернии, кроме пожертвованных на помощь раненым воинам, поддержке деятельности лечебных учреждений и работы на военное производство, сами находились на фронте и являлись участниками тех событий. Эта информация отражена как в документах лазаретов, так и в сведениях, что получали власти непосредственно с театра военных действий.

Некоторые из них в ходе своей службы удостоивались награждения одной из самых известных наград того времени – орденом Святого Георгия, обычно 4-й степени, (Георгиевский крест) или медалью Святого Георгия, ее называли «солдатский Егорий».

Сведения о лицах, имеющих военные ордена, собирались по указанию губернских властей: в городах – полицейскими, в уездах – исправниками. Все полученные сведения направлялись в Ярославское губернское правление.

Собранные сведения включали в себя следующую информацию: место жительства, какой орден имеет, уволен, умер или где находится сейчас. К примеру: уроженцы Даниловского уезда, Петро-

павловской волости деревень Веретева и Рылова Александр Логинов Рогозин, Николай Логинов Рогозин, Дмитрий Яковлев Зайцев и Александр Федоров Малышев имеют ордена Св. Георгия 4-й степени. Все кавалеры находятся на действительной военной службе, а потому сведений о времени пожалования и об увольнении их от службы не имеется»⁹.

Далее все собранные по губернии сведения о кавалерах, имеющих военные знаки отличия, направлялись в Капитул Орденов для составления статистики о количестве человек, имеющих награды в государстве. В годы войны особое внимание в первую очередь уделялось Георгиевским кавалерам. В рапортах исправников так и значилось: вследствие предписания от 30-го октября за № 6154 имею честь представить Губернскому Правлению сведения обо всех умерших в Ярославском уезде Георгиевских Кавалерах»¹⁰.

Такое указывалось не случайно, поскольку информация подобного рода почти всегда поступала в случае смерти награжденного, во время военных действий иным способом узнать об этом было практически невозможно.

Вследствие чего в рапортах значилась следующая информация: «Старший унтер-офицер 145-го Новочеркасского полка Яков Михайлов Сулоев, родом из мещан, проживал в деревне Первожино Васильевской вол., Любимского уезда, умер от ран в 1915 году в Войну с Германией и Австрией, награжден Георгиевской

медалью 4-й степени и Георгиевским крестом 4-й степени за № 154964.

Стрелок 15-го Финляндского стрелкового полка Василий Никанорович Улюсов, уроженец деревни Иваново, Васильевской волости, убит в бою 27 марта 1915 года в войну с Германией и Австрией, имел Георгиевский крест 4-й степени»¹¹.

Сведения такого рода не всегда являлись точными и полными, информация поступала в неполном виде, без подтверждающих награждение документов. Чтобы избежать подобного в дальнейшем, был принят указ, в соответствии с которым командиры военных частей должны были пересылать уведомление о награждении и орден или медаль убитого или умершего воина по адресу его постоянного места жительства.

В соответствии с изданным постановлением военные знаки отличия солдат и унтер-офицеров, погибших, пропавших без вести или тяжело раненых, штаб того или иного военного подразделения пересылал уведомление и награды в губернское правление с просьбой передать награды непосредственно родным и близким военнослужащих»¹².

Деятельность подобного рода способствовала увеличению информации о награжденных по губерниям, что является весьма ценным для изучения, поскольку указывались конкретные данные по каждому фронтовику: уезд, волость, часто указывались село или деревня, и, конечно, были указаны все награды, полученные им

за годы пребывания на фронте. Те источники, что сохранились, дают представление о сборе информации о числе награжденных людей. В Ярославском архиве сохранились сведения примерно о восьмидесяти жителях губернии, награжденных Георгиевскими крестами и медалями различных степеней¹³.

Каждый из этих людей достоин внимания со стороны исследователей, но следует остановиться на конкретном примере: одном из старейших жителей города Ярославля, потомственном дворянине, который прошел все тяготы и ужасы войны, был удостоен Георгиевской медали и Георгиевского креста за свою службу, Николае Владимировиче Сабанееве. Перед началом войны Николай Сабанеев служил в должности уездного начальника 3-го участка Ярославского уезда при Ярославском губернском правлении. Затем на правах вольноопределяющегося первого разряда он попал рядовым (охотником) на фронт в состав 321-го Окского пехотного полка¹⁴.

В течение службы Сабанеев показал себя отличным солдатом и смелым человеком, удостоивался похвалы, наград и повышения в чине. Вот что было отмечено в одном из приказов от 19 октября 1914 года: «Георгиевские медали 4-й степени – Сабанеев Николай Владимирович, ефрейтор из охотников на правах вольноопределяющегося первого разряда. Вызвался охотником и отправился спасать казаков с парома, севшего на

Н. В. Сабанеев, участник Первой мировой войны, кавалер ордена Святого Георгия 4-й степени.

мель под огнем противника, принял участие в спасении казаков, привезенных последним рейсом»¹⁵. За свой подвиг Сабанеев был удостоен награды медалью святого Георгия 4-й степени за № 418828 в соответствии с приказом по 81-й пехотной дивизии за № 67¹⁶.

К концу своей службы Николай Сабанеев дослужился до чина прапорщика и получил Георгиевский крест 4-й степени за № 307225 приказом № 96 от 12 июля 1915 года¹⁷.

Таким образом, на конкретном примере можно утверждать, что выходцы из Ярославской губернии, воевавшие на фронте, и те, кто удостоился чести стать Георгиевским кавалером, служат явным примером того, что и в этой войне, которую многие годы называли «империалистической», были люди и события, которые позволяют охарактеризовать данное историческое событие в совершенно новом контексте для его изучения ис-

следователями на местах.

В конечном итоге следует отметить, что ярославцы наравне с остальными жителями Российского государства, несмотря на сложившиеся в ходе войны тяжелые условия жизни в стране, принимали достаточно активное участие в событиях того времени: воевали на фронте, создавали лечебные учреждения на местах, оказывали помощь раненым и т.д. В целом подобная деятельность могла привести к тому, что Российская империя смогла бы одержать победу и в этой войне, но, сложившиеся к 1917 году политические, экономические и социальные предпосылки в стране направили русло истории государства и исход войны в совершенно ином направлении.

Примечания

¹ Государственное казенное учреждение Ярославской области «Государственный архив Ярославской области» (далее – ГКУ ЯО ГАЯО). Фонд 1128. Опись 2.

² ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. 1128. Оп. 2. Д. 37, 43, 45.

³ ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. 1128. Оп. 2. Д. 65, 66, 67.

⁴ ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. 1128. Оп. 2. Д. 44, 47.

⁵ ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. 1128. Оп. 2. Д. 45.

⁶ ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 31.

⁷ ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 28. Л. 40, 40 об.

⁸ Там же. Л. 84, 84 об.

⁹ ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. 79. Оп. 14. Д. 448. Л. 17 об., 18.

¹⁰ ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. 79. Оп. 7. Д. 4374. Л. 37.

¹¹ Там же. Л. 12.

¹² ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 2917.

¹³ ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 2917; Ф. 79. Оп. 7. Д. 4374.

¹⁴ ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 2812. Л. 2.

¹⁵ Там же. Л. 3.

¹⁶ Там же. Л. 4 об.

¹⁷ Там же. Л. 3 об.

В ОЖИДАНИИ ПРИЗЫВА И МОБИЛИЗАЦИИ

Костромская губерния 1914–1916 годов

Рапорт Чухломского уездного исправника Костромскому губернатору от 8 августа 1914 года

Имею честь донести Вашему Превосходительству, что за июль месяц никаких выступлений противуправительственного характера не происходило.

Объявление о мобилизации не было неожиданным, население вполне сознавая серьезность создавшегося положения ожидало призыва, который прошел совершенно спокойно без каких либо эксцессов. Настроение среди всех классов патриотически приподнятое, проходили манифестации не только в городе, но и в селах.

Уездный исправник (подпись неразборчива).

ГАКО. Ф. 133. Оп. 31. Д. 836. Л.- б/н

Рапорт Макарьевского уездного исправника Костромскому губернатору от (дата не читаема)

Имею честь донести Вашему Превосходительству...

1. В истекшем Июле месяце, за период мобилизации...25 июля, в городе Макарьево и уезде подверглись разгрому 16 казенных винных лавок, с расхищением в них...мобилизованными запасными нижними чинами, при чем разгром лавок запасными был произведен при участии некоторых крестьян тех селений, где находятся винные лавки.

2. 24 июля близ села Спас-Красной-Горы Марковицкой волости на проходивший обратно из города Макарьва в город Юрьевоц паузок с казенным вином вошли крестьяне Марковицкой волости: села Спаса-Красной-Горы и деревень Салова и Великуши в числе 81 человека и псаломщик села Спаса Смирнов и произнося угрозы силою потребовали продажи вина и в силу необходимости им было продано вина на 703 руб.39 коп.

3. С 23 июля партии запасных нижних чинов из города Макарьево выбывают спокойно.

4. Настроение рабочих на лесопильных заводах, с общим числом до 650, спокойное, забастовок и выступлений к беспорядкам не предполагается.

Костромичи, участники I Мировой войны. 1916 год.

5. Политических партий, прессы, просветительных организаций в уезде нет.

Исполняющий обязанности уездного исправника (подпись неразборчива).

ГАКО. Ф. 133. Оп. 31. Д. 836. Л.- б/н

Рапорт помощника начальника Костромского губернского жандармского управления от 11 августа 1914 года

Даношу, что на фабрике Наследников Павла Федоровича Севрюгова в районе Дюпихской волости, в последних числах минувшего июля по случаю взятия владельца фабрики на войну, а также и по

недостатку хлопка, работы в прядильном отделе прекратились, рабочие этого отдела около 400 человек получили расчет и перешли на работу на другие фабрики Кинешемского уезда.

Помощник начальника КГЖУ в Кинешемском уезде ротмистр Рыбальченко.

ГАКО. Ф. 749. Оп. 1. Д. 454. Л.237.

Отчет Костромского губернатора Департаменту полиции МВД за июль 1914 года

Имею честь сообщить, что в июле месяце сего года настроение населения в Костромской губернии было спокойное. Фабричное население в Кинешемском, Нерехтском и Юрьевецком уездах, склонное... к нарушениям порядка во время бывших тогда забастовок в последствии, отчасти в виду присутствия войск, вело себя спокойно, и лишь в конце забастовок я вынужден был обратиться к фабричному населению с воззванием о сохранении, в виду военных событий, полного спокойствия. После сего забастовки на некоторых фабриках прекратились без существенного изменения экономических условий фабричной жизни, о чем мною своевременно доносилось в Департамент. Мобилизация совершилась успешно, запасные вели себя сосредоточенно-серьезно, выражая только заботы об участии остающихся семейств. Такому спокойному настроению способствовало закрытие питейных заведений и казенных винных лавок; благодаря этому повсеместно наблюдается уменьшение преступности среди населения, а поступление от уездных исправников дознаний о проявлениях хулиганства среди крестьянского населения почти прекратилось.

Губернатор, Двора Его Императорского Величества в д. Егермейстера Стремоухов.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 31. Д. 836. Л.б/н.

Рапорт Кинешемского уездного исправника Костромскому губернатору от 11 ноября 1914 года

<...> Политическое настроение крестьянского, фабричного и городского населения в течение октября месяца спокойное, выдающихся происшествий не было, в деятельности всех групп населения никаких выступлений не замечалось; помощь раненым и семействам запасных нижних чинов оказывается в ...размерах, в особенности местным Комитетом Красного Креста и Земством, между каковыми организациями замечается некоторое соревнование по сбору пожертвований, лазареты для раненых оборудованы с полным комфортом и обеспечены

медицинской помощью; в настоящее время во всех лазаретах уезда находится на излечении раненых и больных воинских чинов 1224 человека. Прекращение винной торговли в уезде отражается благоприятно на уменьшении преступности и улучшении благосостояния населения, желательно в будущем полное прекращение торговли крепкими напитками и сокращение торговли виноградными винами.

Уездный исправник (подпись неразборчива).

ГАКО. Ф. 133. Оп. 31. Д. 836. Л.- б/н

Рапорт Буйского уездного исправника Костромскому губернатору от 2 января 1915 года

Имею честь донести, что настроение как крестьянского населения уезда, так и городского, а также интеллигентных слоев общества, было в минувшем декабре совершенно спокойное и нигде ни каких беспорядков и выступлений, а также волновавших население ложных и неосновательных слухов не было.

Интерес населения к продолжающимся военным действиям не ослабевает до настоящего времени, не смотря... шестой месяц со времени..., что война требует огромных... и усиления армии людьми, среди... еще не замечается ни ропота,...

Семьи запасных и ратников будучи обеспечены казенным земским пайком не ощущают ни в чем недостатка.

Уездный исправник (подпись неразборчива).

ГАКО. Ф. 133. Оп. 31. Д. 836. Л.- б/н

Рапорт Галичского уездного исправника Костромскому губернатору от 15 января 1915 года

Доношу Вашему Превосходительству, что настроение различных классов населения города и уезда за отчетный месяц продолжало оставаться благоприятным для Правительственной власти.

Правда, интерес к войне как будто несколько охладел, не так жадно ждут телеграмм и газет, слышатся нередко жалобы на вызванные войной дороговизну жизни, увеличение налогов и некоторые неудобства вроде стеснения пассажирского и грузового движения, иногда слышатся сетования на то, что война уносит много жертв, но в общем настроение довольно бодрое и преобладает уверенность в благоприятном для нас исходе войны. Если и высказывается желание скорейшего мира, то всегда почти с добавлением, что, конечно, прежде надо побить немцев так, чтобы впредь им не повадно было мутить Европу.

Уездный исправник (подпись неразборчива).

ГАКО. Ф. 133. Оп. 31. Д. 836. Л.- б/н

**Отчет Варнавинского уездного исправника в
Канцелярию Костромского губернатора
от 9 января 1915 года**

Препровождая при сём на утверждение отчет по спектаклю, устроенному 14 минувшего декабря в селе Баках в пользу больных и раненых воинов, вместе с оправдательными документами на 17 листах, сообщаю Канцелярии Губернатора, что чистый сбор по спектаклю в сумме 138 руб. 1 коп. сдан в местное Казначейство, в депозиты подведомственного мне Полицейского Управления под квитанцию от 31 декабря за № 6396.

Уездный исправник (подпись неразборчива).

ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 12526. Л. 21

**Отчет Костромского полицмейстера в Канцелярию
Костромского губернатора
от 18 января 1915 года**

Препровождаю при сём в Канцелярию Господина Губернатора на распоряжение отчет с оправдательными к нему документами по устройству вечера 30 декабря 1914г. в пользу недостаточных костромичек – слушательниц Московских Высших Женских Курсов и сообщаю, что вырученная от вечера чистая прибыль в сумме 110 руб. 7 коп. внесена в Костромское Казначейство под квитанцию от 16 сего января за № 1467 в депозит подведомственного мне Полицейского управления.

Вр. и. д. Полицмейстера (подпись неразборчива).

ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 12526. Л. 52

**Отчет Костромского губернатора
Департаменту полиции МВД
за март 1915 года**

Имею честь сообщить, что в минувшем марте месяце политическое настроение различных групп населения в Костромской губернии было спокойное.

В отчетном месяце выдающихся беспорядков, ложных и неосновательных слухов, которые бы волновали крестьян, не было, а также не замечалось агитационной деятельности, не закономерных выступлений и неудовольствий существующим порядком или действиями Правительственной власти. Известие о взятии крепости «Перемышль» вызвало всеобщую радость населения и во всех уездах губернии происходили патриотические манифестации по поводу этого события с выражением верноподданнических чувств от всех слоев населения Его Императорскому Величеству. Происшедшая по Высочайшему повелению от Комитета Ея Императорского Высочества Великой Княгини

Марии Павловны выдача на станциях «Кострома» и «Кинешма» шуб уходящим на родину больным и раненым воинам вызвала ...их искреннюю благодарность за оказанную помощь.

Губернатор Мякинин.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 6/ш. Д. 405. Л. 4.

**Рапорт помощника начальника Костромского
губернского жандармского управления
от 16 июня 1915 года**

По донесению унтер-офицера Епишкина рабочие фабрики Симонова в селе Яковлевском в количестве 1505 человек 8 сего июня прекратили работу и не выходя из фабрики стали обсуждать между собой какие именно требования предъявить хозяину и 9-го числа потребовали о прибавке с 1-го апреля сего года 15%, а с 1-го мая 20% на заработанный рубль. Требования эти хозяином были удовлетворены и рабочие 10 числа стали снова на работу. За все это время рабочие вели себя спокойно.

Помощник начальника КГЖУ в Кинешемском уезде ротмистр Рыбальченко.

ГАКО. Ф. 749. Оп. 1. Д. 479. Л. 9.

**Рапорт Нерехтского уездного исправника
Костромскому губернатору
от 9 октября 1915 года**

Доношу Вашему Превосходительству, что настроение различных классов населения уезда спокойное, особых волнений не было. Забастовки на фабриках носили чисто экономический характер и разрешаются благоприятно путем взаимных уступок. Единственно, что очень тяжело отзывается на жизни населения – это сильная дороговизна предметов первой необходимости и недостаток рабочих рук. Освобождение фабричных рабочих от воинской повинности и реквизиции для работы в тылу армии также вызывает заметную зависть в других и неудовольствие в населении. Реквизиция рабочих в уезде прошла спокойно и без нарушений порядка, но стремления уклониться от реквизиции замечались.

Уездный исправник (подпись неразборчива).

ГАКО. Ф. 133. Оп. 6/ш. Д. 405. Л. Л. 121-122

**Рапорт Ветлужского уездного исправника
Костромскому губернатору
от 14 мая 1916 года**

Доношу Вашему Превосходительству 1) в настроении населения города и уезда в политическом отношении за минувшую Январскую треть никаких тревожных симптомов не замечалось. 2) эконо-

мическое положение крестьянского населения не смотря на дороговизну продуктов первой необходимости и предметов повседневного домашнего обихода можно считать удовлетворительным в особенности в тех заречных волостях, где благодаря относительно хорошим урожаям до сего времени имеются еще запасы хлеба, которого с избытком хватит до нового урожая, и в остальных волостях, население которых занимается ... лесным промыслом, дающим хороший заработок тоже нужды не ощущается. Семьи призванных на войну справляются со своим хозяйством, благодаря получаемому казенному пособию, и даже имеют денежные сбережения, труднее – семьям призванных, живущих в городе на квартирах, особенно нуждающимся из них оказывается помощь существующими комитетами. Не легко живется семейным чиновникам, в особенности занимающим незначительные должности, а также стражникам полицейской стражи и городским полицейской команды.

Уездный исправник (подпись неразборчива).

ГАКО. Ф. 133. Оп.31. Д.870. Л.53.

**Отчет Ветлужской уездной земской управы
г. Уполномоченному Председателю
Особого Продовольственного Сопровождающего
от 19 августа 1916 года**

Уездная земская управа сообщает Вам, что карточная система распределения соли, сахара, пшеничной муки, пшена, мыла и других продуктов введена с самого начала снабжения населения этими продуктами. Продукты распределяются по карточкам через кооперативы.

Председатель управы (подпись неразборчива).

ГАКО. Ф. 535. Оп.2. Д.172. Л.6.

**Рапорт Костромского уездного исправника
Костромскому Губернскому Правлению
от 1 ноября 1916 года**

Во исполнение предписания от 7 марта с.г. имею честь донести, что во вверенном мне Костромском уезде, за истекший октябрь месяц, задержано самовольно отлучившихся из частей войск нижних чинов всего 12 человек.

Уездный исправник (подпись неразборчива).

ГАКО. Ф. 749. Оп.2. Д.90. Л.49.

**Рапорт Макарьевского уездного исправника
Костромскому губернатору от 1 марта 1917 года**

В следствие предписания от 31 января с.г. за № 230 доношу Вашему Превосходительству, что

Прапорщик царской армии Соловьев. 1916 год.

военнопленные, находящиеся на работах в Чернолуховском лесничестве, помещаются в деревянных бараках. Для довольствия каждому пленному с 15 минувшего февраля выдается в месяц: 60 фунтов ржаной муки, 10 фунтов пшена, мяса/рубец и легкое 10 фунтов, капусты рубленой соленой $\frac{1}{4}$ ведра, 1 фунт постного масла и $\frac{1}{2}$ фунта мыла. Чай и сахар пленным не выдавались, но в настоящее время чай лесничим приготовлен к выдаче. Одежду и обувь пленные получают по мере надобности.

Уездный исправник (подпись неразборчива).

ГАКО. Ф. 134. Оп.7.(2отд.1ст.) Д.522. Л.22.

Подготовил А.О. ГУЛИН,
главный архивист ГАКО

Синтаксис и пунктуация
сохранены в авторской редакции.

Знаком «...» обозначены нечитаемые слова

**М. Архипова, сестра милосердия.
1914 год.**

**Е. Трубникова, сестра милосердия.
1914 год.**

104 сводный Ярославский эвакогоспиталь. 1917 год.

В. Андроников. Кострома. 1917 год.

В госпитале. Нерехта. 1916 год.

Костромской краевед И.В. Баженов с сыном Валерианом в годы Первой мировой войны. Галиция. 1915 год.

Наталья Бадьина,
заведующая отделом ГАКО

«...По обстоятельствам Военного Времени»

В годы Первой мировой войны Русская православная церковь с ее огромным опытом благотворительной деятельности направила все свои силы на организацию помощи пострадавшим от военных действий. Уже с первых дней войны, по определению Святейшего Синода № 6502 от 20 июля 1914 г., при всех церквях Костромской епархии за богослужениями по воскресным и праздничным дням открылись кружечные сборы в пользу Российского общества Красного Креста. Кроме того, были установлены сборы:

– в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы 21 ноября 1915 г. в пользу Воинского благотворительного общества «Белого Креста»¹;

– в день памяти первоверховных апостолов Петра и Павла 29 июня 1915 г. в пользу Костромского отдела Комитета «Зеленого Креста»²;

– за литургией в Дмитриевскую родительскую субботу 1915 г., в Дмитриевскую и Мясопустную субботы 1916 г. в пользу Всероссийского общества памяти воинов Русской армии, павших в войну с Германией, Австрией и Турцией³;

– на четвертой неделе Великого поста с 12 по 19 марта 1916 г. в пользу состоявшего под Высочайшим Его

Императорского Величества покровительством Романовского комитета на призрение детей воинов, павших на поле брани⁴;

– в дни праздников Преображения Господня, Успения Пресвятой Богородицы, Рождества Пресвятой Богородицы (6 и 15 августа и 8 сентября 1916 г.) на организацию учебно-трудоустройственной помощи увечным воинам⁵;

– 25-27 ноября 1916 г. в пользу Георгиевского комитета Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Александровича для организации помощи пострадавшим на войне Георгиевским кавалерам и их семьям⁶;

– 5-6 декабря 1916 г. в пользу Состоящего под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям⁷.

Нередко инициатива о сборе пожертвований исходила со стороны церковных причтов. Один из таких сборов был организован причтом Иоанно-Златоустовской церкви с. Большие Селки Ветлужского уезда 8 июля 1915 г. Всем приходом совершено было моление с крестным ходом по приходским селениям, в результате чего на военные

нужды было собрано 146 аршин холста, 21 овчина, 30 фунтов шерсти, 9 полотенец. Причтом Михайло-Архангельской церкви с. Староустье Варнавинского уезда было принято решение об отчислении 1% из церковных доходов в пользу беженцев и проведении сбора пожертвований среди прихожан⁸.

Педагоги и воспитанники Костромской духовной семинарии проводили особый сбор на содержание лазаретов и передового перевязочного транспорта во имя преподобного Серафима Саровского, организованных комитетом Красного Креста духовно-учебных заведений Российской империи. С августа 1914 г. по октябрь 1915 г. правлением семинарии на этот счет было перечислено 1222 руб. 99 коп.⁹

Уже с первых дней войны Костромская губерния, находящаяся в глубоком тылу, начала готовиться к приему раненых. К декабрю 1914 г. только в г. Костроме было открыто 14 госпиталей и лазаретов¹⁰. Лазареты для раненых были открыты при всех городских и земских больницах, при крупных промышленных предприятиях, учебных заведениях, в домах частных лиц. К 1916 г. на территории губернии

действовало свыше 80 лазаретов и госпиталей. Наиболее крупные из них: в г. Костроме – Гродненский на 700 кроватей; 25-ый, 26-ой и 27-ой эвакуационные госпитали на 420 мест каждый; в г. Кинешеме – 28-ой эвакуационный госпиталь.

Одним из первых был открыт лазарет на 20 кроватей при Костромском Богоявленском Анастасиинском женском монастыре. Уже в сентябре 1914 г. лазарет был расширен до 35 кроватей, из которых 20 содержались на средства монастыря, 15 получали пособие от местного управления Красного Креста. В июле 1916 г., по ходатайству полномоченного Красного Креста при Костромском эвакуационном пункте, число мест в лазарете было увеличено до 50. За один только 1917 г. при монастырском лазарете была оказана помощь 225 больным и раненым¹¹.

С 25 августа 1914 г. начал действовать лазарет на 6 кроватей при Макарьевском Решемском женском монастыре Кинешемского уезда. Заведующей лазаретом была назначена врач М.А. Покрасова, в 1916 г. – Б.Д. Монзайм. Всего за период с 1914 по 1917 г. лечение в монастырском лазарете прошли 87 человек, на их содержание было затрачено 4858 руб.¹²

Помимо вышеперечисленных было организовано три лазарета для раненых и больных воинов на общие средства монастырей и духовенства Костромской епархии.

Госпиталь в с. Екимцеве во время Первой мировой войны. 1914 год.

1 сентября 1914 г. был открыт лазарет на 50 кроватей при Кинешемском Успенском женском монастыре. Лазарет содержался на общие средства монастырей епархии, отчислявших на его содержание свыше 700 руб. ежемесячно. В помощь сестрам Успенского монастыря для ухода за больными и ранеными были направлены пять сестер Троицкого Белбажского женского монастыря¹³. За первый год существования монастырского лазарета помощь была оказана 510 военнослужащим; на его содержание было перечислено 8947 руб. 90 коп. от монастырей епархии и 1261 руб. от Красного Креста¹⁴.

4 сентября 1914 г. общим собранием духовенства и старост г. Костромы было принято решение об учреждении в доме при Костромском кафедральном соборе лазарета для раненых и

больных воинов на 20 мест. На его содержание было решено отчислять ежемесячно 300 руб. из личных средств духовенства в доле, соответствующей доходу, получаемому каждым из членов причта и 300 руб. с доходов городских церквей. Для заведования лазаретом был учрежден особый комитет, в который вошли: протоиерей кафедрального собора Сергей Воскресенский, протоиерей Богоявленского женского монастыря Василий Владимиров, староста соборной церкви С.Н. Прянишников, староста Стефановской церкви В.С. Пастухов.¹⁵ Местное отделение Красного Креста приняло вновь учрежденный лазарет под свой флаг.

Торжественное открытие лазарета состоялось 3 октября 1914 г., а через две недели в него поступила первая партия раненых.

Первые месяцы существования лазарета показали, что поступающих средств достаточно для организации пяти дополнительных мест, что и было исполнено. Всего же на оборудование лазарета и содержание раненых за десять месяцев с сентября 1914 г. по июль 1915 г. было истрчено более 3,5 тыс. руб.¹⁶

На средства церковей и духовенства Костромской епархии был учрежден лазарет в помещении Арсеньевской богадельни при Ипатьевском монастыре. Решение о его открытии было принято Костромским епархиальным съездом духовенства 12 октября 1914 г.¹⁷ На оборудование и содержание лазарета был установлен особый сбор: 75 коп. со священника каждой церкви, 50 коп с диакона, 25 коп. с псаломщика и по 2 % из церковных доходов. Для решения организационных вопросов был образован особый комитет, в состав которого вошли: протоиерей Василий Спасский, священники Иоанн Орфанитский и Михаил Звездкин, эконо́м Архиерейского дома иеромонах Ипполит, столоначальник Костромской духовной консистории Иван Нагорский. Вскоре было получено высочайшее соизволение на присвоение лазарету наименования «Лазарет имени Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича». 21 ноября 1914 г. состоялось его торжественное открытие. Из Соборной церкви Ипатьевского монастыря в 12 часов дня в помещение лаза-

рета был принесен чудотворный образ Тихвинской Божией Матери, перед которым Его Преосвященством, епископом Евгением был совершен водосвятный молебен.

Первоначально лазарет был оборудован на 30 кроватей, число которых вскоре было увеличено до 35, благодаря отчислениям заведующих и преподавателей церковно-приходских школ епархии. Преподаватели церковных школ Галичского уезда на содержание кровати при епархиальном лазарете ежемесячно отчисляли 1,5% получаемого жалования, преподаватели Макарьевского уезда – от 1 до 3%. Регулярно поступали пожертвования от Юрьевецкого, Нерехтского, Кологривского, Варнавинского, Ветлужского уездных отделений епархиального училищного совета. Свою лепту на содержание лазарета внесла и педагогическая корпорация Костромского епархиального женского училища, ежемесячно отчисляя по 2% жалования.

Всего за период с октября 1914 г. по 1 января 1916 г. на содержание Алексеевского лазарета от церковей и духовенства Костромской епархии, поступило 28905 руб. 55 коп.¹⁸ Этих средств оказалось вполне достаточно для удовлетворения всех возникающих потребностей. Более того, из свободных сумм, поступивших на содержание лазарета, ко дню Рождества Христова в 1915 г. было изготовлено и направлено в 183-й пехотный Пултусский полк 1 тыс. пар бе-

лья и 1 тыс. кисетов с подарками¹⁹. В августе того же года по решению Костромского Епархиального съезда духовенства и представителей церковных старост в распоряжение императора на нужды войны было перечислено 5 тыс. руб.²⁰

Для размещения госпиталей и расквартирования войск была передана часть помещений духовных учебных заведений. Так, в августе 1914 г. значительная часть помещений епархиального общежития Костромской духовной семинарии была передана для размещения 210 раненых 25-го сводного эвакуационного госпиталя. В октябре 1915 г. классный корпус семинарии был передан для расквартирования нижних чинов 88-го запасного батальона. Занятия воспитанников были организованы в здании Костромского епархиального женского училища во вторую смену с 14 до 18 часов. Были отменены занятия по музыке и рисованию, уроки сокращены до 40 минут²¹.

Во второй половине сентября 1915 г. для размещения госпиталя на 200 мест было передано здание Кинешемского духовного училища. Занятия учащихся были организованы в здании женской гимназии. Воспитанники, пользующиеся общежитием, переведены на съемные квартиры.

В каменном здании Костромского епархиального женского училища, было размещено 170 раненых Гродненского военного госпиталя. В связи с чем занятия в 1916-

1917 учебном году были организованы для учащихся 1-3 классов – с 9 января по 15 июня, 4-6 классов – с 1 сентября по 20 декабря; 7-8 классов – полный учебный год²².

Небольшой лазарет на 6 кроватей был организован при Хреновской церковно-учительской школе Кинешемского уезда.²³ Первый этаж Воскресенской церковно-приходской школы г. Костромы был передан для размещения сестер Красного Креста²⁴.

Деятельность духовенства отнюдь не ограничивалась заботой о материальном обеспечении открытых медицинских учреждений. Особое значение имело пастырское служение среди прибывших с фронтов нижних чинов и офицеров. Приходские священники, принявшие на себя попечение о духовных нуждах больных и раненых воинов, по соглашению с администрацией госпиталей совершали богослужения, панихиды, чтение акафистов, проводили духовно-нравственные чтения и проповеди, заботились о приобщении желающих Святых Христовых тайн. Ранним из числа магометан, по ходатайству уполномоченного Красного Креста, было разрешено посещение праздничных богослужений в мечети Татарской слободы.

Пастырское руководство запасных батальонов, в которых обучались новобранцы и запасные нижние чины, также было возложено на духовенство епархии. Богослужение и церковная проповедь в гото-

вящихся к отправке на фронт частях приобретали особое звучание, воодушевляя воинов к доблестному выполнению возложенного на них долга защиты Родины. Не случайно вверялось духовное руководство запасных батальонов выдающимся по своему патриотическому и религиозному настроению и пастырскому опыту священнослужителям. Должность полкового священника 88-го запасного пехотного полка, расквартированного в г. Костроме, была возложена на священника Павла Мегалинского, 202-го запасного полка – на священника Василия Никитина²⁵. На священническом месте в 181-й запасный пехотный полк, расквартированный в г. Галич, был назначен священник Варваринской церкви Александр Борков²⁶.

Ярким примером самоотверженного пастырского служения в годы войны стала деятельность священника Крестовоздвиженской церкви г. Кинешмы Николая Лебедева, принявшего под свое попечение лазареты Кинешемского местного Комитета Общества Красного Креста. В 1916 г. на праздники Рождества Христова и Пасхи он был командирован в Кинешемско-Вичугский передовой отряд, находившийся на театре боевых действий, где организовал для совершения богослужений походную церковь, в дни страстной седмицы причащал воинов, вдохновлял их проповедями. Указом Святейшего Синода от 19 июля 1916 г. отец Николай был награжден наперсным крестом²⁷.

Известны примеры, когда пастырское служение духовенства епархии получало высокую оценку не только со стороны духовного начальства, но и власти светской. Так, в августе 1916 г. Кологривским уездным воинским начальником было подано ходатайство о награждении орденом св. Владимира 4-ой степени священника Воскресенской церкви г. Кологрива Иоанна Богоявленского, состоявшего духовником вверенной ему команды и раненых, находившихся на излечении в Кологривской земской больнице и Екимцевском временном госпитале²⁸.

На плечи приходского духовенства легла также забота о погребении по христианскому обряду воинов Русской армии и военнопленных, умерших от ран и болезней в местных госпиталях.

Первоначально захоронение умерших в костромских госпиталях производилось на Лазаревском кладбище г. Костромы. 19 сентября 1914 г. было получено Высочайшее одобрение предложений Александровского комитета об увековечении памяти жертвы войны устройством братских кладбищ, установкой в приходских церквях досок с начертанием имен павших, сооружением памятников²⁹.

На основании приказа по Костромскому гарнизону № 99 от 16 ноября 1914 г. место для воинского захоронения было отведено на Новом кладбище г. Костромы³⁰.

Уже в годы войны по инициативе причтов и прихожан во многих приходах стали утраиваться часовни в память павших воинов. В 1916 г. каменная часовня «в память о настоящей войне» была устроена в д. Кузнечиха Кинешемского уезда. В январе 1917 г. было дано разрешение на устройство деревянной часовни в память погибших в войне с Германией, Австрией и Турцией при Воскресенской церкви с. Комарово Кинешемского уезда. Согласно проекту предполагалось устроить в часовне киот с образом Архистратига Михаила и начертать ниже образа имена погибших воинов-прихожан³¹. В марте того же года разрешение на устройство деревянной часовни в память павших было дано жителям д. Ошурки Буйского уезда.

Духовенство и монашество Костромской епархии принимали самое активное участие в оказании помощи семьям нижних чинов, призванных в действующую армию. Настоятельница Костромского Богоявленского Анастасиина монастыря игуменья Сусанна (Мельникова) входила в состав местного отделения Комитета Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. Ее попечением в 1914 г. при Костромском Богоявленском Анастасиинском женском монастыре был открыт приют для 50 де-

вочек из семей нижних чинов, призванных на военную службу³². Как правило, в приют принимались дети воинов, по той или иной причине оставшиеся без попечения родственников. При Галичском Староторжском женском монастыре был организован приют для 10 девочек-сирот³³.

Указом Святейшего Синода № 6503 от 20 июля 1914 г. было объявлено об организации в приходах особых попечительных советов о семьях лиц, находившихся в войсках. Состав советов, при обязательном участии причта и церковного старосты, избирался общим собранием прихожан. В их задачи входило составление списков семей, члены которых были мобилизованы в армию, определение имущественного положения каждой такой семьи, изыскание средств для оказания помощи нуждающимся. На совет возлагалась также работа по разъяснению прав, предоставляемых семьям мобилизованных, на основании действующих законов. Церковным причтам было дано разрешение оказывать попечительным советам пособие из церковных сумм до 50 руб., без предварительного согласования с епархиальным начальством³⁴.

Летом 1915 г. в Костромскую губернию начали пребывать беженцы из западных губерний. Весной 1916 г. число беженцев, осевших на территории губернии, достигло 13 тыс. человек³⁵. 4 сентября 1915 г. был образован Епархиальный комитет по устройству быта

беженцев под председательством vicария Костромской епархии, епископа Кинешемского Севастиана. В его состав были избраны: ректор духовной семинарии протоиерей В.Г. Чекан, епархиальный наблюдатель церковных школ К.А. Казанский, смотритель Костромского духовного училища П.Т. Виноградов, председатель совета епархиального женского училища протоиерей С.А. Краковский, благочинные: протоиерей С.А. Воскресенский, священник И.В. Адельфинский, преподаватели семинарии Н.В. Малиновский и В.А. Ильинский, преподаватель епархиального училища Н.А. Тардов, староста кафедрального собора С.Н. Прянишников, староста Богословской церкви на Каткиной горе И.М. Чумаков, староста Всехсвятской церкви П.И. Сергеев, староста Покровской церкви И.А. Груздев, учитель Ипатьевской церковно-приходской школы А. Заболотский, диакон кафедрального собора П.К. Алякритский, псаломщики Ф.В. Скороходов, П.В. Соловьев, А.И. Дружинин. Епархиальный съезд духовенства отпустил в распоряжение комитета 3 тыс. руб., собрание духовенства г. Костромы – 300 руб. Вместе с тем было принято решение об учреждении уездных комитетов по устройству быта беженцев³⁶.

Одним из первых открыл свою деятельность Юрьеvecкий уездный комитет. В пользу беженцев среди уездного духовенства был установлен особый сбор: со священника – 30 коп., со штатного диакона –

20 коп., с псаломщика – 10 коп. ежемесячно и 1% с церковных доходов. Комитет оказывал адресную помощь семьям беженцев приобретением теплой одежды и обуви, назначением пособий на усиленное питание больным и пр. Из средств комитета была организована библиотека для обеспечения беженцев книгами религиозно-нравственного содержания³⁷.

На основании определения Святейшего Синода № 8245 от 9-15 октября 1915 г. по вопросу о наилучшей организации помощи беженцам и о мерах к объединению деятельности православных духовных учреждений по устройству быта беженцев, полномочия епархиального комитета были переданы Костромскому Феодоровско-Сергиевскому братству. Преосвященный Севастиан был назначен Почетным председателем Феодоровско-Сергиевского братства по делам устройства беженцев³⁸. Члены упраздненного комитета вошли в Совет братства по делам беженцев практически в полном составе. Помимо средств, поступивших в распоряжение братства из епархиального комитета, было решено передать в пользу беженцев 1 тыс. руб. из братского фонда для пособия обратившимся в Православие. Кроме того, в распоряжение братства были переданы средства от сборов в пользу беженцев, произведенных в церквях Костромской епархии 8 сентября и 25 декабря 1915 г.³⁹

Усмотрев, что многие беженцы, осевшие в г. Костроме,

нуждаются в обеспечении горячим питанием, так как выделяемые им средства в количестве 15-20 коп. в день, крайне недостаточны для удовлетворения всех потребностей, Совет братства в первую очередь занялся устройством отпуска беженцам бесплатных обедов. С декабря 1915 г. на средства братства было организовано горячее питание для женщин, детей и мужчин старше 50-ти лет при Костромском Богоявленском Анастасиинском монастыре. Ежедневно горячее питание в монастырской трапезной получали от 50 до 60 человек. С марта 1916 г. число питающихся удалось увеличить до 85 человек благодаря ассигнованиям со стороны местного отделения Комитета Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны, отпускаявшего на снабжение горячей пищей детей беженцев и нетрудоспособных взрослых 375 руб. ежемесячно. Всего же с декабря 1915 г. по май 1916 г. на оборудование кухни и столовой необходимым инвентарем, приобретение дров и пищевых припасов, на производство наградного пособия сестрам монастыря к празднику Пасхи было израсходовано 1467 руб. 67 коп.⁴⁰

Особое внимание уделялось организации помощи эвакуированным детям. В августе 1915 г. в г. Кинешму были эвакуированы учащиеся Моложаевской двухклассной, Яблочинской мужской и Вировской женской второклассных церковно-приходских школ, состоявших в ведении Виров-

ского женского монастыря Холмской епархии. Учащиеся (85 мальчиков и 68 девочек) были временно размещены в селах Адищево и Владычное. С детьми, помимо учителей, прибыли 8 монахинь Вировского монастыря. Мальчикам, окончившим к моменту эвакуации курс обучения, была подыскана работа в местных фабричных конторах, часть из них была направлена для поступления в Хреновскую церковно-учительскую школу, двое – в Кинешемское духовное училище. Остальных решено было перевести для обучения в Богоявленскую одноклассную церковно-приходскую школу с. Владычное и Хреновскую образцовую двухклассную школу. Для учащихся первого класса, при финансовой поддержке Кинешемского земства, решено было организовать школу в ус. Панькино, принадлежавшей А.М. Варфоломееву. Ученицы Вировской школы были направлены в Есиплевское министерское училище⁴¹.

В 1916 г. для организации занятий с детьми беженцев во вторую смену были предоставлены помещения Алексеевской и Спасско-Никольской церковно-приходских школ г. Костромы⁴². В Церковное училище при Богоявленском Анастасиинском монастыре были приняты для обучения 10 девочек-беженок. На их содержание из средств Костромского отделения Комитета Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны в 1916 г. было выделено 300 руб.⁴³

Разносторонняя деятельность сестер Богоявленского Анастасиина монастыря по оказанию помощи пострадавшим от военных действий привлекла внимание духовного начальства. Указом Святейшего Синода № 12532 от 29 сентября 1916 г. «за безвозмездные и полезные труды по обстоятельствам военного времени» монахини Платонида и Михаила были награждены наперсным крестом; монахини Рафаила, Людмила, Нектария, Ирина, Дорофея, Авраамия и послушницы Анфиса Соколова, Александра Полукарпова, Евпраксия Введенская, Екатерина Иванова и Александра Нарбекова получили благословение святой иконой Всемиловитвейшего Спаса⁴⁴.

Осенью 1917 г. в г. Кострому был эвакуирован Радочницкий женский монастырь Холмской епархии. На основании указа Святейшего Синода № 9609 от 10 ноября 1917 г. монахиням-беженкам и монастырскому приюту было дано разрешение временно разместиться в Ипатьевском монастыре. Для обустройства приюта в ведение монахинь было передано имущество Ипатьевской церковно-приходской школы. В мае 1918 г. по ходатайству настоятельницы игуменьи Афанасии (Громеко) сестрам монастыря и прибывшим с ними детям было разрешено вместе с братией участвовать в богослужениях, совершаемых в монастырском храме⁴⁵.

Примечания

¹ КЕВ – 1916. – № 13 – Отдел Официальный – С. 287.

² КЕВ – 1915. – № 19 – Отдел Официальный – С. 454-455.

³ ГАКО, ф. 130, оп. 7, д. 920, л. 3; КЕВ – 1916. – № 21 – Отдел Официальный – С. 474.

⁴ КЕВ – 1916. – № 5 – Отдел Официальный – С. 78.

⁵ КЕВ – 1916. – № 16. – Прибавление к Официальной части – С. 11.

⁶ КЕВ – 1916. – № 22 – Отдел Официальный – С. 513.

⁷ КЕВ – 1916. – № 21 – Отдел Официальный – С. 473.

⁸ КЕВ – 1915. – № 23 – Отдел Неофициальный – С. 376.

⁹ ГАКО, ф. 432, оп. 1, д. 4398, л. 9, 11.

¹⁰ КЕВ – 1914. – № 24. – Неофициальная часть. – С. 529

¹¹ ГАКО, ф. 130, оп. 10, д. 371, л. 16 – 16 об; ф. 707, оп. 1, д. 1454, л. 23.

¹² ГАКО, ф. 130, оп. 10, д. 371, л. 7.

Кроме того, на соединенном заседании настоятелей и настоятельниц монастырей Костромской епархии 10 сентября 1915 г. было принято решение об организации лазаретов при мужских монастырях – Макариево-Унженском на 12 кроватей и Николо-Бабаевском на 20 кроватей; приюта для выздоравливающих воинов при Железнодорожном монастыре на 12 человек. Однако, получил ли этот проект практическое воплощение установить не удалось.

¹³ ГАКО, ф. 130, оп. 10, д. 371, л. 30, 34 об.

¹⁴ КЕВ – 1915. – № 20 – Отдел Официальный – С. 462 – 465.

¹⁵ КЕВ – 1914. – № 19 – Отдел Официальный – С. 502 – 504.

¹⁶ КЕВ – 1915. – № 19 – Отдел Официальный – С. 450 – 453.

¹⁷ Журналы Костромского епархиального съезда духовенства // КЕВ – 1914 – Приложение к Официальной части. – С. 79.

¹⁸ КЕВ – 1916. – № 3 – Отдел Официальный – С. 48-53.

¹⁹ КЕВ – 1916. – № 4 – Отдел Официальный – С. 72.

²⁰ КЕВ – 1916. – № 19. – Отдел Официальный – С. 429.

²¹ ГАКО, ф. 432, оп. 1, д. 4410, л. 226, 236; д. 4441, л. б/н.

²² КЕВ – 1916 – № 15 – Отдел Официальный – С. 340.

²³ ГАКО, ф. 130, оп. 2, д. 14350.

²⁴ ГАКО, ф. 438, оп. 1. 1189, л. 68 об.

²⁵ ГАКО, ф. 130, оп. 8, д. 396, л. 7.

²⁶ ГАКО, ф. 130, оп. 10, д. 447, л. 12.

²⁷ ГАКО, ф. 130, оп. 8, д. 396, л. 6.

²⁸ ГАКО, ф. 130, оп. 8, д. 398, 3.

Ходатайство о награждении было отклонено Костромской духовной консисторией, т.к. в том же 1916 г. отец Иоанн был награжден саном протоиерея, и новое награждение было сочтено преждевременным.

²⁹ КЕВ – 1916 – № 5 – Отдел Официальный – С. 79.

³⁰ ГАКО, ф. 707, оп. 1. д. 1448, л. 80.

³¹ ГАКО, ф. 130, оп. 10, д. 446, л. б/н, д. 448, л. 11.

³² ГАКО, ф. 130, оп. 10, д. 371, л. 15 об–16.

³³ ГАКО, ф. 708, оп. 1, д. 532, л. 18.

³⁴ КЕВ – 1914 – № 16 – Отдел Официальный – С. 448.

³⁵ ГАКО, ф. 1026, оп. 1, д. 114, л. 1.

³⁶ КЕВ – 1915 – № 18 – Отдел Неофициальный – С. 322 – 324.

³⁷ КЕВ – 1916 – № 8 – Отдел Официальный – С. 131-133.

³⁸ КЕВ – 1916 – № 4 – Отдел Официальный – С. 72.

³⁹ КЕВ – 1915 – № 24 – Отдел Официальный – С. 541; 1916 – № 6 – Отдел Официальный – С. 87-88.

⁴⁰ ГАКО, ф. 707, оп. 1, д. 1424, л. 19-19 об; КЕВ – 1916 – № 12 – Отдел Официальный – С. 174.

⁴¹ ГАКО, ф. 438, оп. 1. д. 1189, 76-77 об.

⁴² ГАКО, ф. 438, оп. 1, д. 1189, л. 13-15, 49-50.

⁴³ ГАКО, ф. 707, оп. 1, д. 1453, л. 21; д. 1454, л. 10, 21; д. 1462, л. 25.

⁴⁴ ГАКО, ф. 707, оп. 1, д. 1452, л. 18.

⁴⁵ ГАКО, ф. 130, оп. 10, д. 377, л. 1-4; ф. 438, оп. 1, д. 1250, л. 12.

«Облик города изменился неузнаваемо»

Из воспоминаний Л.А. Колгушкина

Быстро прошла зима 1913–1914 годов. В костромской мужской гимназии, где я учился, появился новый преподаватель военного дела, капитан Пултусского пехотного полка Николай Петрович Репин. Это был типичный царский служака, едва после сорокалетнего возраста получивший в командование роту. Среднего роста, худощавый, с ярко-рыжей небольшой квадратной бородой, одет он был всегда строго по форме. Говорил тихо и спокойно, но команды подавал отчетливо, громко и точно. На уроки он всегда приводил одного или

двух унтер-офицеров, которые демонстрировали упражнения на гимнастических снарядах (параллельных брусьях, коне, кольцах, турнике и буме). Сам капитан показывал упражнения редко. Этому причиной был, вероятно, возраст.

Мы, гимназисты, в основном очень любили военные занятия, в особенности те из нас, которые готовили себя к военной карьере. К этой категории, конечно, принадлежал и я. Мое усердие было отмечено капитаном, и я вначале был назначен командиром отделения, а вскоре и командиром взвода,

т.е. своего класса. Весной я успешно перешел в 6-й класс.

В ночь на 1-е августа старого стиля 1914 года по всему городу был расклеен Высочайший Манифест о начале войны с Германией, вероломно напавшей на наше государство и поработившей славянские народы на Балканах. Народ призывался грудью вставать на защиту Веры, Царя и Отечества и освободить от порабощения братьев-славян.

Одновременно с Манифестом были расклеены приказы Костромского воинского начальника о призыве по моби-

Сбор вещей в пользу раненых. 1915 год.

лизации на действительную военную службу нескольких возрастов запасных офицеров и военных чиновников, а также объявлялся набор в армию лошадей и транспортных средств. С раннего утра мобилизационная машина уже заработала на полный ход. Прежде всего в ту же ночь экстренно были опечатаны все винные склады, казенные винные лавки, пивные и все предприятия, связанные с продажей спиртных напитков. Для некоторых категорий людей это мероприятие оказалось роковым. Так, распалась корпорация «зимогоров», которых объединял в один коллектив исключительно алкоголь. В первые же дни «сухого закона» было отмечено несколько случаев скоропостижных смертей привычных алкоголиков, не имевших возможности поддержать сердце «похмелькой». Было много случаев отравления спиртовыми лаками, политурами, одеколорами и прочими суррогатами спиртных напитков.

Только самая верхушка костромского общества имела какой-то доступ к запретному и, кажется, без всякого ограничения. Мне помнится, капитан Даманский, зная о нашем знакомстве с заведующим казенной винной лавкой Ладе, обратился к маме с просьбой: достать хотя бы немного водки, которую он любил выпивать перед обедом по 1-й рюмке. Но мама не смогла этого сделать, т.к. и сам хозяин не успел ничего себе взять, так быстро и под строжайшим контролем всё было опечатано.

Неузнаваемо изменился облик города всего за один день. У всех появились какая-то озабоченность, суетливость, беготня, неудержимое любопытство побольше всего узнать. По городу открылись призывные пункты, куда со всех концов уезда потянулись призывники-лапотники, для этого случая особенно бедно одетые, зная, что собственная одежда будет заменена на военную шинель. За спинами призывников висели заплечные мешки «сидоры» с сухарями и немудрёным солдатским скарбом. Призывников сопровождали родители, жены и даже дети. Из особого уважения к призывникам мешки несли родители или жены.

Монархические организации и правые партии в первый же день начали организовывать патриотические манифестации – с иконами, царскими портретами, с флагами и патриотическими лозунгами маршировали они по улицам города с пением гимна: «Боже, Царя храни!» и прочими патриотическими песнями. На площади, у здания городской Управы и около памятника Ивану Сусанину стихийно возникли митинги всё с теми же призывами, которые были указаны в манифесте. Во всех церквях города служились молебны о даровании победы «христолюбивому русскому воинству».

Туговато приходилось домовладельцам, которые не освобождались от постоя мобилизованных, т.к. они обязывались обеспечить на некоторое время помещением и

обслуживанием какую-то партию призывников. Мы от этого постоя освобождались, т.к. в нашем домовладении проживал офицер.

Бойко торговали трактиры, чайные и заезжие дворы, где проводили последние часы призывники со своими родными. Владельцы, пользуясь случаем, посбывали много залежалых селёдок, колбасы и сыру, баранок, которые не были всегда свежими, но пользовались большим спросом. Пьяных почти не было, но женских слез и истерических криков было в изобилии.

В первые дни войны мы еще не учились, а потому имели очень много свободного времени, чтобы везде побывать и всё увидеть. Меня особенно тянуло на Сенную площадь, где военные комиссии проводили мобилизацию конного состава. В те времена было из чего выбирать. Выводились из барских помещичьих усадеб и частных конных заводов породистые лошади, коней неплохого качества сдавали зажиточные крестьяне.

Армии требовалось очень большое количество лошадей, т.к. никакой автотяги в те времена не было даже в артиллерии. С первых же дней войны стали печататься официальные бюллетени и телеграммы о ходе военных действий на фронтах. В них больше указывалось о наших победах, о поражении и отступлении вражеских войск с большими потерями в людской силе и технике. В то же время в городе срочно очищались и переоборудовались помеще-

ния больниц, некоторых школ и прочих зданий под военные лазареты, как в то время называли госпитали.

Новая больница «Красный Крест», частная водолечебница, духовное училище на Козьмодемьянской улице, училище слепых и некоторые другие крупные здания переоборудовались под лазареты в первую очередь.

Пултусский полк, в течение двух суток пополнившись запасами, развернувшись по штату военного времени, выбыл на фронт, оставив для формирования маршевых рот штаб будущего 88-го пехотного запасного полка.

К нам в гимназию вместо ушедшего на фронт Репина, получившего чин подполковника, для преподавания военного дела был назначен подполковник Слободов, оставшийся в штабе запасного полка.

Общество «Красный Крест» организовало краткосрочные курсы сестер милосердия. Благодаря патриотическому подъему в первое время желающих обучиться на этих курсах было много. Форма сестры милосердия стала скоро очень модной, ее носили не только при исполнении служебных обязанностей, но и повседневно. Даже ходили в ней в гости и на вечера. Она состояла из светло-серого закрытого платья, белого фартука с красным крестом на груди, белой повязкой с крестом на левом рукаве и белой же косынки, кокетливо одеваемой под булавку.

Скоро в местной газете «Поволжский вестник», а также

в специальных объявлениях, развешиваемых в городе, стали появляться призывы вступить в действующую армию добровольцами, вольноопределяющимися, а также открылся прием на ускоренный курс в военные училища всех родов войск и вновь открываемые школы прапорщиков. Срок обучения в военных учебных заведениях был установлен 4 и 6 месяцев, в зависимости от рода войск. Желающих за столь короткий срок получить офицерское звание в первые два года войны также было много.

В первую же военную осень различные добровольные общества, а также дамы-патронессы, в основном жены и дочери высшего чиновничества, буржуазии, офицерши и даже жены купцов начали сбор средств на подарки воинам, организовывали с этой целью вечера, балы, карнавалы, гулянья и прочее. Некоторые женщины создавали артели по пошиву теплых вещей, вязки носков, перчаток, шарфов и т.п. Был брошен клич к населению о сборе теплых вещей, на что костромичи откликнулись очень охотно и продолжали помогать фронту до последних дней войны. Много поставлялось индивидуальных посылок с подарками и теплыми вещами.

Не прекращая коллекционирование еженедельных книжечек о походе различных сыщиков, с первых дней войны я аккуратно начал покупать номера еженедельного журнала «Огонек», в котором, помимо весьма наивных рассказов и повестей о героизме наших во-

инов, было отведено несколько страниц для фотокарточек отличившихся в боях, раненых и убитых офицеров и реже солдат. Для генералов была отведена специальная страница, где в виньетке, составленной из переплетенных вокруг лавровых веток георгиевских лент и украшенной регалиями и государственным гербом, размещались крупные фотографии русских полководцев того времени. Кроме «Огонька» покупал журналы «Родину», «Ниву» и «Пробуждение». Они также были иллюстрированы.

В один из первых дней войны был призван на действительную военную службу Виктор Васильевич Лбовский. По просьбе родных его отпустили на сутки домой. Каким-то путем ему удалось достать чего-то спиртного. Изрядно выпив, он, восплавав патриотическим духом, выбежал на улицу и с криком: «Бей немецкое отродье!», «Круши фрицев!», употребляя при этом отборную брань, начал бить стекла в квартире Моргенфельда. Потребовалось вмешательство многих соседних мужчин, чтобы связать и успокоить разгулявшегося призывника. В квартире Моргенфельда оказались перебиты стекла во всех окнах. Правда, на другой день они были вставлены за счет Виктора Васильевича, который выразил глубочайшее сожаление по поводу этого прискорбного факта, но эта патриархальная семья оказалась не на шутку перепуганной, а старики, Карл Христианович и Августина Карловна, даже слегли на несколько дней

в постель. Инцидент крепко врезался в нашу память, так как до этого времени на нашей тихой Ивановской улице подобных «побоищ» не бывало.

Все костромичи очень охотно готовились к встрече первых санитарных поездов с ранеными воинами. Своевременно были подготовлены лазареты с соответствующим штатом врачей, сестер милосердия, санитаров и прочего обслуживающего персонала. Встречи первых военно-санитарных поездов были организованы весьма торжественно.

Задолго до прихода поезда на вокзале, который в это время был за Волгой, собирались врачи, сестры милосердия, санитары с носилками, подъезжали конные крытые санитарные повозки. Собирались представители городской администрации, дамы-патронессы, учащиеся. Обязательно выходил военный духовой оркестр. Прибывающим раненым тут же дарили гостинцы, цветы и неизменные иконки.

Тяжелобольных на носилках переносили до подвод. «Братья милосердия» несли их до перевозного парохода «Горожанин», заменившего собой допотопного «Бычкова», и далее на городской стороне до лазарета. Некоторые легко раненые, по их просьбе, с помощью медицинских работников переходили сами.

Прием раненых в лазаретах также был обставлен с большой пышностью и заботой, но со временем, как это всегда и бывает, патриотический пыл постепенно стал ослабевать.

Большую активность в организации встреч раненых, в устройстве благотворительных вечеров, сборе различных пожертвований проявляли гимназисты, гимназистки, реалисты, семинаристы и техники Чижовского училища.

Телеграммы и бюллетени о ходе военных действий говорили о наших победах, о тысячах плененных немцев и австрийцев, о захвате нашими войсками населенных пунктов, массы пушек, пулеметов, снарядов и военного имущества. В то время в Кострому и прочие тыловые города ехали сотни семей беженцев из Польши и Прибалтийского края. За их счет население города стало быстро расти. И вскоре начали ощущаться недостатки жилой площади.

Если до войны коренные костромичи почти все знали друг друга, то уже в первые месяцы войны мы каждый день встречали все новых и новых людей. Чаще слышалась не русская речь, западный акцент. Мы, учащаяся молодежь, пока беспечно гуляли осенью на бульварах, а с наступлением зимы на Русиной улице, прохаживаясь взад и вперед от центра до Козьмодемьянской улицы и обратно.

Но вот и для нас наступила пора уступить свое первенство: на Русиной улице появились «блестящие прапорщики» в новенькой походной офицерской форме, сверкающей золотыми погонами. Начищенная новенькая шашка была гордостью каждого юнца, облаченного в офицерскую

форму. Некоторые, как пулеметчики и артиллеристы, надевали ещё и шпоры. Вот это были действительно солидные соперники учащейся молодежи, уже потому, что были будущими героями, защитниками Отечества. И, кроме того, они всегда при деньгах, которыми любили шикнуть, покупая для барышень цветы, мороженое, билеты в кино и на многочисленные благотворительные вечера с танцами и аттракционами. Конечно, не многие учащиеся смогли тягаться с военной молодежью.

За первый год войны много наших знакомых было призвано на военную службу. В Костроме по военному ведомству началось строительство военных барачных на Еленинской улице, недалеко от Мичуринских казарм, и на Мясницкой. В начале 1915 года в Кострому из Риги были эвакуированы металлообрабатывающий завод «Пло», который был обоснован за р. Волгой, около села Селища. Впоследствии он был переименован в завод «Рабочий металлист».

Каблучно-гвоздильный завод Рабе разместили в Нерехте. Из Гродно был эвакуирован крупный госпиталь, который обосновался в здании I-ой мужской гимназии. Гимназистов перевели обучаться во вторую смену в здании Григоровской женской гимназии на Пятницкой улице. А вскоре этот госпиталь из-за большого поступления раненых занял и соседнее помещение епархиального женского училища, которому пришлось потесниться в одно

крыло здания и в деревянное здание на Ивановской улице.

В первые месяцы войны в Костроме, как и в других городах, появились прапорщики, досрочно выпущенные из кадрового состава военных училищ, потом приезжали более солидные прапорщики, нередко с университетскими и институтскими значками из числа вольноопределяющихся запаса и различных льготников. После них состав выпускников менялся уже в худшую сторону – пошли возрастом моложе, а образованием меньше.

Мне, как и многим учащимся старшего возраста, очень хотелось скорее преобразить себя в облик военного, тем более я знал, что брат Володя кончает гимназию раньше меня, а следовательно и ранее вступит в армию.

Вскоре были отстроены бараки на Мещанской улице, и туда пришёл из города Карачева 202 пехотный запасной полк, созданный на базе какого-то штрафного батальона сибирских стрелков. Количество военных в Костроме все прибывало и прибывало. А наскоро сформированные маршевые роты все шли и шли в западном направлении в неведомую даль.

Как сейчас помню запасных солдат, одетых в широкие, нескладные военные шинели, или со скатками через плечо, с заплечными мешками, полевыми сумками и неизменными походными лопатками, бессрочными медными котелками. Все было выдано будущим фронтовикам за исключением оружия, которого уже в 1915

году не хватало. Да, видимо, начальство начинало и побаиваться вооружать в тылу такую ораву. Эти мужчины в солдатских шинелях шли под командой безусых мальчишек-прапорщиков, рисовавшихся своим положением перед провожающими девицами. В промежутке между игрой духового оркестра запасного полка они заставляли пожилых людей, у которых «кошки скребли на сердце», петь нескладные, глупые песни вроде: «Соловей, соловей-пташечка-канареечка..» или «Взвейтесь, соколы, орлами»... А запасники не могли ослушаться и пели, а слезы невольно текли по небритым щекам.

Сбоку строя всегда бежали бедно одетые и обутые в лапти жены, отцы, матери, дети, провожая в неизвестность, в никуда, иногда единственного кормильца. Провожающие причитали, плача навзрыд...

Подходя к Молочной горе, повернувшись к розовой часовне, одиноко стоящей в то время как раз напротив её у конца военного плаца, все солдаты, как по команде, обнажали свои гладко остриженные головы, истово крестясь. Должно быть, моля Бога о скором возвращении к родному очагу, а может быть, желая сохранить в живых детей и родных.

До ледостава маршевые роты грузились на паром и на неизменный перевозной пароход «Горожанин». Отвалив от пристани, всю дорогу оглашал он воздух короткими прерывистыми гудками, а в унисон ему печально играл духовой ор-

кестр. Все это, вместе взятое, еще более натягивало нервы, как отъезжающим, так и провожающим....

В эту войну, безусловно, были истинные герои, по-русски сражавшиеся за Родину и не щадившие своей жизни, но чаще всего они оставались в безызначности, удовлетворяясь солдатскими знаками отличия, и главным из них – орденом святого Георгия Победоносца. Даже не отличившиеся, но вышедшие невредимыми из этой «мясорубки», должны были считать себя счастливыми.

А сколько инвалидов, вовсе нетрудноспособных или ограниченных в труде, дала Первая мировая война. Как бы ни был искалечен человек, но все же он радовался тому, что остался жив. Придя же домой и став иждивенцем, он видел после войны упадок хозяйства и почти разорение. Грошовая пенсия при полной инвалидности не могла быть подмогой в хозяйстве, и он больше и больше чувствовал себя иждивенцем в семье. Это озлобляло его против власти, против всего, что помешало его нормальной жизни. Так трагический финал Первой мировой войны разрушительно повлиял на самые глубинные основы жизни русской глубинки, какой была в то время Костромская губерния...

Публикуется по рукописи книги очерков «Костромская старина. Из воспоминаний старожила», предоставленной редакции вдовой краеведа Е.И. Колгушкиной в 1993 году.

О ЖИЗНИ БЕЖЕНЦЕВ В КОСТРОМЕ

В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Рабочие-латыши

В Кострому прибыли из Риги рабочие-латыши для исполнения военных заказов. Всего приехало около 1000 человек. <...> И как же они встречены были костромичами.

Вот что они говорят об отношении костромичей.

Мы совсем не ожидали такой встречи, говорят рабочие, – на улицах над нами смеются, называя немцами, на квартиры не пускают, боясь, что мы очень мало проживем и только испортим квартиры. <...>

Поволжский вестник, 1915, 26 июля, № 2655, С. 3

Беженцы в Костроме

29 июля в 6 часов вечера в городскую управу поступило частное сообщение от начальника станции «Кострома», что через полчаса в Кострому прибывает поезд с 430 беженцами. <...>

Помощь беженцам нужна была большая, и городская управа, несмотря на вечернее время, когда были все магазины закрыты, сумела накормить на вокзале же 430 человек беженцев, из которых было 130 детей. На вокзале также присутствовали врачи А.М. Коган, Постников и г. Ивановская, которыми прибывшие беженцы были осмотрены.

Беженцы на ночлег были помещены в бараке для раненых. <...> Ввиду того, что беженцами было привезено много имущества (кстати сказать, беженцами были захвачены как раз менее нужные вещи) для перевозки его было прислано 10 лошадей городского обоза, и кроме того нанято 15 частных лошадей. Для перевозки беженцев через Волгу городской управой был отделен пароход «Горожанин» с паромом.

Прежде чем переправить беженцев в город им был предложен на вокзале чай с хлебом и колбасой, а детям – по яйцу и кружке молока.

В городе беженцы помещены в трех городских школах: Милорадовской, Денисьевской и Михайловской. Подготовкой помещения для беженцев заведовал член управы А.И. Морозов. Вчера к 11 часам все беженцы были переведены и размещены в школьных зданиях <...>

Прибывшие беженцы все крестьяне Холмской губернии Гребешевского и Томашевского уездов; прибыли они из Влодавы, где их сосредоточено было до 10000 человек. Все беженцы стремятся получить какую-нибудь работу, и в городской управе открыто бюро предложения труда. В городской управе также открыт прием пожертвований для беженцев деньгами и вещами.

Помощь необходима, т.к. дети, например, прибыли полураздетыми. Беженцы пробыли в пути около 2 месяцев.

Поволжский вестник, 1915, 1 августа, №2660, С. 3.

Привлечение беженцев в трудовые артели

В заседании комитета Костромского общества «Помощь семьям воинов» 31 июля решено привлечение в трудовые артели беженцев с приплатою от комитета 50 коп. (с земскими 1 р. в день).

Поручено А.М.Волкову войти в переговоры с уездной земской управой и совместно с агрономами нанять беженцев на сельско-хозяйственные работы на полях призванных. 1 августа, заручившись согласием председателя управы А.Н. Прохорова, А.М. Волков и земский агроном Н.Б. Свинкин при первом же посещении беженцев нашли рабочих в числе около 30 человек. Едут они в понедельник в д. Николо-Трестино, Долматова, Сандогора и, вероятно, в Захарово Семеновской волости, часть пароходом, большинство на земских лошадях. <...>

Поволжский вестник, 1915, 4 августа, №2662, С. 3.

В помощь беженцам

Городской комитет помощи беженцам устраивает 20 и 23 августа оперный и опереточный спектакли. 20 августа идет «Евгений Онегин», и 23 оперетта «Ночи любви». В спектакле принимает участие артист Императорских театров Минеев (баритон) и артисты Московской частной оперы.

Поволжский вестник, 1915, 12 августа, №2668, С. 3.

Положение беженцев

Среди беженцев, прибывших в Кострому, есть несколько таких, которые не будучи зарегистрированы не имеют ни пищи, ни места для ночлега. Некоторые из них живут милостынею. И нищих-беженцев можно нередко заметить благодаря их отличительному внешнему виду, своеобразному костюму и соломенной шляпе с большими полями даже в центре города, напр. на Русиной улице, не говоря об окраинах.

Поволжский вестник, 1915, 14 августа, №2670, С. 3.

Вчера в Кострому прибыла еще партия беженцев в 126 человек. Число беженцев, находящихся сейчас в Костроме, определить трудно, так как много беженцев уезжает из Костромы на сельскохозяйственные работы в усадьбы.

Завтра музыкально-драматическим кружком рабочих и служащих Товарищества БКЛМ на сцене Волжского сада ставится драма Салова «Степной богатырь», а в саду состоится гулянье. Чистый сбор поступит в пользу беженцев, прибывших в Кострому.

Поволжский вестник, 1915, 15 августа, №2671, С. 3.

Количество беженцев в Костроме в настоящий момент как зарегистрированных, так и незарегистрированных по приблизительному подсчету, имеющемуся в городской управе, превышает 3000 человек.

В городском комитете по беженцам. Мы уже общались, что во всех комиссиях комитета чувствуется какая-то неопределенность <...>. В распоряжении комиссии нет средств. <...> По новому закону о беженцах дело помощи им на местах переходит в ведение земств и городов. По всей вероятности, в Костроме будет создано губернское бюро, которое явится секцией местного комитета земского и городского союзов и деятельность в помощь беженцам получит планомерность.

Поволжский вестник, 1915, 8 сентября, №2689, С. 3.

Духовенство и призрение беженцев

Во вторник 8 сентября состоялось под председательством преосвященного Севастьяна собрание духовенства по вопросу о помощи беженцам. Собрание решило широко открыть двери монастырей для призрения беженцев.

Поволжский вестник, 1915, 10 сентября, №2690, С. 3.

К вопросу о беженцах

На последнем заседании губернского комитета Всероссийского земского союза было указано на необходимость выделения из состава губернского комитета особой комиссии, которая сосредоточилась бы на вопросе о беженцах.

Необходимость такой комиссии вытекала из следующих обстоятельств: во-первых – вопрос об организации помощи беженцам новый, нуждающийся в практической коллегиальной разработке применительно к условиям Костромской губернии и применительно к новому закону о беженцах; во-вторых, вопрос о беженцах – вопрос срочный, требующий иногда быстрых решений и быстрого установления связей с различными общественными организациями, что одним лицом, заведующим санитарным делом, выполняться не может.

По этим соображениям комиссию и было решено избрать. В состав ее вошли: А.А. Апушкин, А.С. Дурново, А.М. Коган, С.А. Мошков.

Поволжский вестник, 1915, 12 сентября, №2692, С. 3.

Отсутствие средств

Все комиссии городского комитета о беженцах испытывают сильный недостаток в средствах. Городу пока отпущено 8000 рублей, но исключительно на питательные функции. Поэтому в комиссиях дело до сих пор надлежащим образом не налажено – и когда оно наладится один Бог знает.

В трудовой комиссии имеется проект устроить сапожную мастерскую для беженцев. Имея ввиду большой недостаток сапожников, очень сильно ощущаемый в городе. <...> Но у комиссии нет средств, и неизвестно, суждено ли этому проекту воплотиться в жизнь.

Поволжский вестник, 1915, 12 сентября, №2692, С. 3.

Отсрочка занятий

Инспектор народных училищ Костромского уезда, согласно циркуляра министерства народного просвещения, известил уездную управу, что занятия в школах, занятых под ясли или беженцами, могут быть отсрочены до 1 октября и даже, в зависимости от обстоятельств времени, позднее. Эта же отсрочка распространяется и на школы, ученики которых работают на полях.

Поволжский вестник, 1915, 12 сентября, №2692, С. 3.

Количество беженцев

В настоящее время количество только зарегистрированных беженцев достигает в городе 5000 человек. По данным городской управы такое же количество беженцев незарегистрированных. <...> Наплыв беженцев все увеличивается и растет.

В городской управе получены сведения об отправленных в Кострому из Гомеля беженцах. Отправка их 15, 16 и 17 сентября достигает уже 11.000 человек. В последнюю цифру входят и те 400 беженцев, о которых сообщалось уже в «Поволжском Вестнике».

Поволжский вестник, 1915, 22 сентября, 2699, С.3

На Кострому из Гомеля направляется кроме 11.000 беженцев, о которых уже сообщалось, новая партия. Численность ее достигает 14.000 человек.

Поволжский вестник, 1915, 23 сентября, 2700, С.3

Объединение помощи беженцам

25 сентября в помещении губернской земской управы состоялось заседание губернского земского комитета, на которое был приглашен полностью губернский кооперативный комитет, городской комитет и представители от уездов. А.С. Дурново предложил создать объединенный комитет представителей трех организаций: земской, городской и кооперативной. В него избираются по 3 представителя <...>. В уездах организации должны быть сконструированы по такому же принципу <...>. Все средства на помощь беженцев идут в губернский комитет, а затем направляются на уезды. <...>

П.В. Калачев считает необходимым участие в губернском комитете представителей от уездов. <...>

В.В. Аристов поднимает вопрос об участии в работе представителей от рабочих <...>. В этом ощущается безусловная необходимость, так как со слов представителя Кинешемского уезда <...> фабриканты стремятся понизить заработную плату при помощи труда беженцев. <...>

По этому предложению были высказаны различные мнения.

В дальнейшей части заседания после целого часа прений принимается название новой организации: **Костромской губернский объединенный комитет по устройству беженцев.**

Поволжский вестник, 1915, 27 сентября, 2704, С.3

Сбор в пользу беженцев

1 октября городским комитетом о беженцах был устроен фургонный сбор вещей в пользу беженцев <...> приблизительно собрано около 500 рублей.

Поволжский вестник, 1915, 3 октября, 2708, С.3

Заседание городского комитета о беженцах

В пятницу 1 октября состоялось заседание городского комитета о беженцах под председательством городского головы В.А. Шевалдышева. Комитетом рассматривались сметы отдельных комиссий. <...> Принято решение все сметы проводить через объединенный комитет.

Поволжский вестник, 1915, 5 октября, 2707, С.3

Помощь детям беженцев

На днях состоялось заседание комиссии по сбору пожертвований в пользу воинов при губернском комитете Всероссийского земского союза. <...> Комиссией выделена особая подкомиссия о призрении беженцев под председательством Е.И. Дримпельман. Решено заняться снабжением детей беженцев молоком. Для изыскания средств решено произвести сбор среди членов комиссии.

Поволжский вестник, 1915, 6 октября, 2710, С.3

Беженцы и наши учебные заведения

Вследствие наплыва беженцев учебные заведения нашего города, в особенности женские, переполнены учащимися. Так, в Григоровскую гимназию принято более 60 беженцев и многим отказано вследствие переполнения классов (всех учащихся до 750). То же наблюдается и в гимназии Ю.В. Смольяниновой. Желая придти на помощь беженцам, педагогическая комиссия помощи беженцам предлагает в скором времени открыть при гимназии Смольяниновой 4-й параллельный класс для занятия во 2-ю смену, с 3 часов дня.

Поволжский вестник, 1915, 13 октября, 2716, С.3

К сведению беженцев – чиновников

Установленные временным положением пособия выдаются служащим в том лишь случае, если вывозу подвергаются все наличные ко времени эвакуации члены семьи и на месте остаются только те ее члены, которые не могут быть вывезены по независящим от них обстоятельствам <...>, каковые должны быть удостоверены начальством служащего или полицией. <...>

Установленные для семейных служащих пособия выдаются главам таких семейств в том случае, если будут вывезены все (кроме оставленных на законном основании) члены семьи.

Курьер, 1916, 12 марта, № 57, л.3

Деятельность латышского комитета

Костромской отдел латышского комитета работает энергично.

Заседания собираются не менее 2 раз в неделю. Деятельность отдела распространяется на всю Костромскую губернию. Латыше-беженцев зарегистрировано в Костроме более 2 тыс. Большинство из них живут за Волгой в слободах и ближайших поселениях. Более 1000 человек признаны нуждающимися в помощи. <...>

За Волгой в одной из церковно-приходских школ открыта школа для детей-латышей, трехклассная с курсом высших начальных училищ и с преподаванием латышского языка. <...>

Отдел организовал шитье белья и обуви для беженцев. Белье для шитья отдается женам бедных латышей, а обувь изготавливается в мастерской беженца-латыша.

Отдел предполагает весной открыть детский сад для детей беженцев-латышей с той целью, чтобы беженки, уходящие на работы, приводили в этот сад своих детей. <...>

Ежемесячный расход по Костромскому отделу помощи латышам выражается в сумме около 4.000 рублей.

<...> При помещении отдела комитета на Павловской ул. открыта читальня, в которой выписывается две латышских и 6 русских газет.

Курьер, 1916, 17 марта, № 60, С.4

Деятельность литовского комитета

<...> Помимо открытой комитетом дешевой столовой еще открыт приют для детей беженцев с сапожной и столярной мастерскими.

В комитете организовано бюро труда и бюро по оказанию бесплатной юридической помощи беженцам, пострадавшим от военных действий.

Курьер, 1916, 18 марта, № 61, л.3

Беженцы для обороны государства

В сапожной мастерской Костромского литовского комитета работает 8 мастеровых беженцев и ученики, изготавливаются сапоги для армии. Пока литовское общество вошло в обязательство с кустарным отделом поставлять ежемесячно не менее 100 пар сапог, но в дальнейшем предполагается работу эту продолжить.

Курьер, 1916, 20 марта, № 63, л.3

В еврейском комитете о помощи беженцам

<...> Беженцев-евреев находится в Костроме около 400 человек. Костромичи-евреи делают добровольные отчисления с доходов и промысла в пользу комитета. Беженцам от комитета предоставлены квартиры с отоплением. Предполагается учредить трудовое бюро. Большинство беженцев-евреев занимается в различных мастерских. Комитет организует покупку обуви и одежды для неимущих. На днях евреями был устроен любительский спектакль, сбор с которого поступил в пользу комитета.

Курьер, 1916, 22 марта, № 64, л.3

Беженцы за Волгой

Много беженцев за Волгой размещаются в местных дачах. Прожить зиму в даче, приспособленной для летней прохлады, понятно трудно. Но беженцы все таки прожили, кое как устроились.

Наступает весна. Некоторые дачевладельцы забеспокоились. Сдав летнюю пустующую дачу на зиму, они теперь думают, как бы отделаться от беженцев, так как дачи на лето выгоднее сдать дачникам. <...> Понятно – никакой суд не поставит определение о выселении беженцев из дач, и дачевладельцы должны будут покориться необходимости «лишиться нескольких десятков рублей».

Курьер, 1916, 30 марта, № 70, л.3

Собрание литовцев

3 апреля в зале городской думы состоялось общее собрание проживающих в Костроме литовцев беженцев обоого пола. На собрание явилось около 200 мужчин и почти столько же женщин.

Председатель литовского отделения <...> советовал беженцам ради своей же выгоды приняться за тот или иной посильный труд согласно своему положению и способностям. <...>

Заведующая Литовской столовой и швейной мастерской в Костроме объявила отчет по обоим этим заведениям с начала их возникновения. Оказывается, что столовая, несмотря на короткое время своего существования с ноября 1915 г., уже начала давать доход. <...> Теперь уже каждый день готовится обед приблизительно на 80–90 персон, ценою в 50 коп. за 2 блюда. Что же касается швейной, то она, по словам заведующей, ведет свое дело с дефицитом. <...>

<...> Костромское отделение Литовского комитета до настоящего времени получило на нужды беженцев правительственные ссуды 29.559 руб. 60 коп. и израсходовало 22.862 руб. 80 коп.

Значительная часть расходов падает на содержание приюта, интернатов и училища. Что же касается выданных денежных пособий, то расход этот выражается в весьма скромной цифре, не превышающей пока 2000 рублей.

Курьер, 1916, 6 апреля, № 76, С.4

Уменьшение пайка

Особое совещание по устройству беженцев циркулярно сообщает городской и земским управам о том, что в настоящее время решено уменьшить продовольственный паек беженцам на 10% в городах и на 15% для беженцев, находящихся в сельской местности.

Курьер, 1916, 11 августа, № 174, С.3

Из сапожной мастерской Литовского общества

Сапожная мастерская Литовского общества вошла с кустарным отделом в обязательство поставить ежемесячно 100 пар сапог для армии. В настоящее время деятельность мастерская расширила и при 20 беженцев-сапожников может изготовить для армии

вместо 100 пар – 400. Но, к сожалению, кустарный отдел почему-то отказывается выдавать нужное количество материалов, отговариваясь то отсутствием кожевенного материала, то неимением времени.

Курьер, 1916, 19 августа, № 179, С.3

Где же дрова?

Местное отделение Литовского комитета о беженцах еще в начале года объявляло о сделанных им закупках дров для нужд беженцев г. Костромы. Тем не менее, как мы слышали, дрова комитетом не получены до настоящего времени. Беженцы до того, говорят, заинтересованы судьбою обещанных дров, что не дают закрыться дверям комитета, осаждая его своими вопросами по этому поводу. Лаколичный ответ членов комитета, что дрова придут, очевидно их не удовлетворяет, тем более ввиду приближающегося холодного времени.

Курьер, 1916, 25 августа, № 184, С.3

Беженцы – горожане

По разъяснению городского общественного управления на попечении города находится в настоящее время 3.756 беженцев исключительно городского сословия. Из них 30% получили работу на местных фабриках. Что же касается сельскохозяйственных работ, то никто из беженцев на них не отправляется.

Странно!

Курьер, 1916, 4 сентября, № 192, С.2

Министр внутренних дел прислал циркуляр г. губернатору, в котором предлагает известить все национальные организации, ведающие делом помощи беженцам, чтобы они ни в коем случае не отправляли в Петроград, а наоборот, принимали все меры к удержанию их от переезда в столицу.

Курьер, 1916, 4 сентября, № 192, С.2

Сахар и беженцы

Состоявшееся на днях при уполномоченном по продовольственному делу совещание постановило: «дополнительного пайка сахара беженцам против жителей сельских местностей не выдавать».

Курьер, 1916, 25 октября, № 231, С.3

Ограничение передвижения беженцев

В целях прекращения передвижения беженцев из одной губернии в другую без действительной в этом необходимости и с нарушением установленных правил, управляющий министерством внутренних дел сделал циркулярное распоряжение о том, что экстренные отзывы на перевозку беженцев по льготному тарифу выдавались лишь в тех случаях, когда беженцы передвигаются в другие губернии с целью поступления на работы для обороны государства, сельскохозяйственные и иные работы или при наличии особо уважительных обстоятельств. <...> Самовольно прибывающие беженцы будут лишены продовольственного пайка.

Курьер, 1916, 9 ноября, № 244, С.3

Литовский вечер

31 декабря в читальне Островского состоялся литовский вечер. После спектакля литовский хор исполнил несколько литовских песен. Вечер окончился танцами. На вечере присутствовало много беженцев литовцев и латышей.

Курьер, 1917, 3 января, № 2, С.3

Беженцы в Костроме

По последним сведениям статистического бюро в Костроме зарегистрировано беженцев: русских мужчин – 609, женщин – 973, детей – 789; поляков мужчин 387, женщин 625, детей 410; евреев мужчин 102, женщин 121, детей 99; латышей мужчин 349, женщин 562, детей 355; других национальностей (... - газетный лист обрзан) 375, детей 236.

Курьер, 1917, 8 февраля, № 31, С.2

Комиссия о беженцах

Объединенный комитет общественной безопасности постановил избрать комиссию и поручить ей образовать делопроизводство губернского комитета о беженцах и местных отделений Татьянинского комитета.

Курьер, 1917, 24 марта, № 64, С.2

*Публикация подготовлена
Л.А. КОВАЛЁВОЙ,
заместителем директора ГАКО*

Почтовая открытка. Нач. XX века.

НЕФТЕПРОМЫШЛЕННИК И ПИСАТЕЛЬ

Братья Дмитрий, Александр и Николай Шиповы в середине XIX века имели в Костроме механический завод, с верфей которого были спущены пассажирские пароходы «Константин», «Александр», «Николай», «Императрица Мария» и другие. Шиповы были также основателями пароходного общества «Дружина», в 1860 году в нём имелось 16 пароходов и более 50 барж. С 1857 года в «Дружине» служил выпускник Московского университета Виктор Иванович Рагозин, который вслед за известными путешественниками, уроженцами Костромской губернии братьями Григорием и Никанором Чернецовыми, прошел Волгу на парусной лодке от верховий до Астрахани. В 1860-е годы Виктор Рагозин занялся предпринимательской деятельностью, стал купцом первой гильдии, был гласным городской Думы Нижнего Новгорода. Занявшись организацией нефтеналивного судоходства, Рагозин построил завод смазочных масел в городе Балахне Нижегородской губернии, продукция которого маркировалась российским государственным гербом и считалась лучшей в Европе, а также нефтеперегонный завод в селе Константинове близ Ярославля, в лаборатории которого в 1880-е годы проводил научные исследования выдающийся химик Дмитрий Менделеев. А Виктор Рагозин, кроме большого предпринимательского дела, продолжал исследовать Волжский бассейн, результатом чего стал его весьма интересный многотомный труд «Волга».

ЛЮДИ ПОЧТЕННЫЕ

Старинное костромское село Чернопенье когда-то славилось на всю Россию своими лоцманами, которых братья Чернецовы называли «на судах суть важными лицами, людьми почтенными». В XIX–начале XX века здесь сложились целые лоцманские и капитанские династии: Мясниковы, Красильниковы, Смирновы, Бушуевы... Без малого полвека плавал лоцманом от Нижнего до Твери Александр Сергеев, имел 12 детей, сыновья его тоже стали волгарями, а дочери вышли замуж за волгарей. Сын известного чернопенского лоцмана Ивана Шибеева, Николай, дослужился до адмирала, а его дети, Владимир и Николай, стали капитанами. Заметим, что одна из чернопенских лоцманских фамилий вошла в название романа Сергея Максимова «Денис Бушуев», действие которого происходит на верхневолжских берегах.

Сегодня название бывшей столицы волжских лоцманов и капитанов также на слуху – Чернопенье является единственным в Костромской области сельским поселением, имеющим свою официальную символику (герб и флаг), утверждённую геральдическим советом при Президенте РФ. В центре герба – в голубом поле два перекрещенных золотых якоря, точно такие же изображались раньше на пуговицах волжских лоцманов. Инициатором создания геральдической новинки стал бывший городской голова Борис Коробов, можно сказать, лоцман Костромы в самое сложное, на рубеже веков, время.

Евгений Степаненко,

член Союза писателей

и Союза театральных деятелей России

«ЛЮБОВЬ К ОТЕЧЕСТВУ ЕСТЬ ПЕРВАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ»

25 июля 1914 года «Костромские губернские ведомости» печатают Высочайший Манифест императора Николая II об объявлении Австрией войны России. «В грозный час испытаний, – говорилось в том Манифесте, – да будут забыты внутренние распри. Да укрепится ещё теснее единение Царя и Его народа, и да отразит Россия, поднявшаяся, как один человек, дерзкий натиск врага...»

Общая беда объединила костромичей самого разного роду-племени, звания и достатка, живших единым желанием: выстоять и победить. В городе организуется общество «Помощь семьям воинов», в августе проводятся «Дни флажков», о чём сообщали расклеенные афиши, нарисованные учениками семинарии и реального училища. Были установлены 233 кружки, в которые жители опускали деньги, получая на память флажок – небольшую

копию российского флага. При вскрытии этих эксклюзивных копилочек оказалось: костромичи пожертвовали 5374 рубля и 68 с половиной копеек, 4 золотых обручальных кольца, золотые крестики с серебряными цепочками, серьги и перстни, иностранные монеты.

Каждый раненый солдат, поправивший здесь своё здоровье, отбывал на родину в краткосрочный отпуск в меховой шубе и шапке от Кинешемского комитета Великой княгини Марии Павловны.

В это время в Кострому поступил запрос: нельзя ли здесь закупить некоторое количество кислой капусты для армии? Заказ передали шунгенским кооператорам, которые, сами бедствующие, с трудом наскребли по сусекам свыше 400 пудов и отправили на фронт.

Костромские художники Большаков, Колесов, Захаров, Коражинский, Шлеин, Музилевский, Горский и другие

организовали выставку, сбор от которой поступал в пользу Красного Креста. Губернская Учёная Архивная Комиссия издаёт капитальную, богато иллюстрированную книгу «Празднование 300-летия Царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19-20 мая 1913 года», составленную Н.Н. Виноградовым. Деньги от её продажи перечислялись в пользу раненых.

27 сентября четырнадцатого года Костромской драматический театр открыл очередной сезон. На афише значилось: «ЧАСТЬ СРЕДСТВ СБОРА ОТ СПЕКТАКЛЕЙ ПОСТУПАЕТ В ОБЩЕСТВО КРАСНОГО КРЕСТА В ПОЛЬЗУ РАНЕННЫХ. В АНТРАКТАХ ИГРАЕТ СТРУННЫЙ ОРКЕСТР ПОД УПРАВЛЕНИЕМ И.П. САХАРОВА».

На сбор труппы антрепренёр Дмитрий Семёнович Семченко явился, как всегда, деловитым, собранным. Намётанным глазом окинул собравшихся, сам себя под-

бодрил: «Славная актёрская братия подобралась». Братия, и впрямь собралась в тот сезон отменная. Из Московского Малого театра прибыла небезызвестная Анна Николаевна Медведева, наделённая благородной сценической внешностью, завидным темпераментом, голосом необыкновенно приятного тембра. На следующий сезон продлили контракты уже полюбившиеся костромской публике исполнительница гранд-дам и драматических старух госпожа Стрелкова, молодых героинь – Майская, «актриса на роли инженеру с комедийным уклоном» – Ангелина Андрэ, их менее опытные коллеги Лидия Орская, Леночка Сосновская.

Особым вниманием и почитанием городского дамского сословия пользовались «первые» и «вторые сюжеты» мужского состава труппы, как-то: господ Листов, Шамардин, Колесов, Руданов, Костромской, Травин, Орлов-Романовский, которые, как и актрисы, имели склонность к приятному пению, что позволяло Дмитрию Семёновичу разбавлять репертуар лёгкими водевилями, шутками, фарсами, до которых местный зритель был весьма охоч.

Печалила же антрепренёра Семченко иная дума. Прежде сбор труппы почитался праздником для коллектива, нынче жизнь Костромского драматического, как и всех прочих театров России, пошла «без нечаянной радости». Кажется бы, всё обстоит вполне

благополучно, но радости – такой, чтобы ощущать себя молодым, а зрителя потрясти, увлечь, озарить свежестью чувств и мыслей – такой радости у артистов не было. И это Дмитрия Семёновича беспокоило.

Попытался он отвлечь их невесёлые мысли напоминанием о достойном и славном пути русского театра, во все времена жившего пониманием того, что любовь к Отечеству есть первая добродетель. Не обошёл вниманием и Волгу, которая является урожайным местом для произрастания всяческих талантов. Тем более театральных.

Чувствовалось, Дмитрий Семёнович сел на любимого конька. Горячо и увлечённо поведал о том, что первый отечественный театр родился в Ярославле, благодаря земляку нашему Фёдору Волкову. После того волжские города Казань и Нижний Новгород обрели своих лицедеёв. А уж Ярославский с Костромским слюбились как голубь с голубкой. Театры эти часто содержало одно лицо, актёры попеременно выступали на обеих сценах. В Отечественную войну 1812 года театры эти держал ярославский помещик Александр Константинович Глебов, после того – сын петербургского купца Михаил Яковлевич Алексеев, за ним – костромич Николай Иванович Иванов. Ещё в те давние времена, вспоминал антрепренёр Семченко, «явились на сцене костромской таланты, какие были бы не последними и на

столичных театрах». А откуда являлись таланты эти? Из нашей безбрежной, щедрой даровитыми людьми провинции.

– Вот такой пасьянс вытанцовывается, – улыбнулся антрепренёр привычной добродушной улыбкой. И, будто бы, только что вспомнив, воскликнул:

– Ах, да. Намедни в театр доставили телеграмму. Подписана – «благодарный зритель». Позвольте зачитать...

Труппа позволила, и Дмитрий Семёнович прочёл: «Шлю горячий привет костромским сценическим талантам с театра военных действий. Созидания и радости вам! Пусть в наступающем новом театральном сезоне с ещё большей силой звучит лозунг «БОРЬБА И ТВОРЧЕСТВО!» Да здравствует творчество в борьбе и борьба за творчество! Верный поклонник наших талантов».

Слова эти, как и пылкая речь антрепренёра Семченко, для каждого присутствующего являлись близкими и понятными. С началом войны сцену заполнили «американцы» Витольд и Глара Сименс, виртуозы-исполнители чудес «Египетских и Тибетских тайн», так много «нашумевших во всех городах Европы».

Французско-русская каскадная певица Ольга Юрьевна Эс Дэк пела «по теории прибавочной стоимости»:

*Карлу Марксу я читаю,
Батюшки!
Ничего не понимаю,
Матушки!..*

В Пале-театре показывали весёлый фарс «Бой баба» из серии американской жизни «В стране золотого проклятья», а сверх того – наступление пехоты под прикрытием артиллерии, снег, белой пеленой покрывавший трупы германцев, «отдых наших славных сынов Руси Великой после ожесточённого боя».

Гремели пушки, а драматургическая муза молчала. В этих непростых репертуарных условиях театр старался, говоря словами поэта, «превратить драматическую воду в театральное вино». Получалось не всегда, но старался. Около 70 названий пьес появилось на афише в тот первый сезон Первой мировой. Из современных авторов ставились А. Косоротов, В. Крылов, В. Рышков, И. Шпажинский, А. Чириков, С. Сабуров, В. Трахенберг, многие иные, о которых нынче мало кто и слышал. Среди этой комедийно-мелодраматической жанровой разноголосицы особым уважением театра и зрителей пользовались произведения отечественных драматургов. За один сезон здесь поставлено 8 пьес Островского, «Ревизор» и «Женитьба» Гоголя, «Дворянское гнездо» и «Месяц в деревне» Тургенева, «Мещане» Горького, «Три сестры» Чехова, «Горе от ума» Грибоедова, а также произведения А.К.Толстого, Лермонтова, Сухова-Кобылина, Фонвизина. Не забывал театр и юных зрителей, приглашая их на детские утренники «Золотая рыбка» (по сказке Пуш-

Костромской драмтеатр. Нач. XX века.

кина), «Мороз – Красный нос» Некрасова, «Конёк-Горбунок» Ершова.

Поскольку современных пьес на патриотическую тему написано ещё не было, коллектив обращается к исторической хронике Островского «Козьма Захарыч Минин-Сухорук», инсценирует роман М. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году». С началом театрального сезона все актёры и актрисы выходили на сцену в скромных костюмах и туалетах, отказывались от показа драгоценностей, чтобы не вызывать в зрительном зале нежелательных ассоциаций.

Помимо отчисления части средств в пользу раненых, как о том сообщала афиша накануне открытия сезона, многие спектакли игрались в пользу Императорского Человеколюбивого общества, разорённых вражеским вторжением героической Сербии и Бельгии, семейств запасных воинов.

С появлением «военных новинок» «На поле брани», «За кулисами войны», «Лейтенант фон Пляшке», «Под прусским ярмом» и других, многие нашли место на сцене Костромского театра. Но «превратить драматургическую воду в театральное вино» коллективу не удавалось. То были постановки, отмеченные приметами военного времени, но лишённые художественных достоинств, ощущения трагичности мировой бойни. По свидетельству «Поволжского вестника» спектакль «Василий Рябов» воспринимался незатейливым рассказом о подвиге рядового Рябова, расстрелянного немцами за то, что он не желал открыть место и план расположения его отряда. Расстреляв Василия, враги сами сообщают русскому командованию о его подвиге. В финальной картине появляется чиновник из Петрограда, специально откомандированный к родителям героя в деревню, чтобы

сообщить им о подвиге сына и щедрых царских милостях по этому случаю. Завершался «солдатский спектакль» Российским гимном.

В это время в Костроме с успехом проходят гастроли артиста Императорского театра Константина Варламова – дяди Кости, совершавшего гастрольное турне по волжским городам. Примечательно, что явленный им сценический образ Русакова в комедии Островского «Не в свои сани не садись», воспринимался костромским зрителем через призму мужественности, стойкости, духовной, крепости русского человека. Как свидетельствует «Поволжский вестник»: «Появление на сцене Варламова воскресило дивные образы героев Островского, всколыхнуло красивую и крепкую русскую самобытность, русскую мощь, и то, чем жива и могуча русская психика, чем силен ещё дух русского человека».

Не забывал театр и об ушедших писателях и драматургах, принесших русскому сценическому искусству заслуженную славу. В январе пятнадцатого года здесь проводятся «Тургеневские дни», а летом отмечали одиннадцать лет со дня смерти А.П. Чехова, поставив к этой дате «Три сестры». В адрес Московского Художественного театра коллеги-костромичи направили письмо, в котором говорилось: «Сегодня, в День Памяти Антона Павловича, мысль невольно обращается к людям, ближе других стоящих к нему, глубже

проникшим в его психологию, и хочется послать из далёкой Костромы труженикам Чеховского театра слова приветия и благодарности за любовное отношение к светлой памяти любимого писателя».

Очередной театральный сезон с труппой Д.С. Семченко открылся 26 сентября 1915 года пьесой Б. Владимирова «Безправная». Чтобы привлечь зрителей в театр, наряду с пьесами Островского, Л.Н. Толстого, М. Горького, А. Потехина, других известных отечественных и зарубежных драматургов, видное место в репертуаре занимали спектакли музыкальные, с песнями и танцами; «Поташ и Перламутр» Глясса, «Шпанская мушка» Сабурова, былина Урванцева «У белого камня», оперетка Куликовского «Русские песни в лицах», боевой фарс «Ах, какой нахал!» и им подобные.

Состоялись бенефисы актёра и режиссёра Л.А. Орлова-Романовского (спектакль «Человек без квартиры» Сабурова с представлением на сцене живой лошади), актрисы А.П. Андрэ (в комедиях «Девушка с куклой» и «Горничная с французским языком»), артиста Н.А. Листова (комедия А.В. Амфитеатрова «Дон Жуан в Неаполе»). Это позволило антрепренёру Д.С. Семченко привлечь публику в театр и получить небольшую прибыль. Валовой сбор сезона выразился в сумме 28000 рублей.

Предреволюционный сезон открылся 28 сентября 1916 года спектаклем «Без вины ви-

новатые» Островского. В это время работала труппа русских драматических артистов под управлением И.В. Погуляева. За сезон поставлено более 40 спектаклей. Как и в прежние годы отечественная и зарубежная классика соседствовала с фарсами и мелодрамами не очень высокого художественного достоинства. Рядом с «Тремя сёстрами» Чехова – фарс «Две на одного», с «Ветераном и новобранцем» Писемского – «Бес в ребро», с «Живым трупом» Толстого – «999 рогоносцев»...

Надо признать, актёры пользовались у зрителей доброй популярностью, а потому сезон отмечен очень многими бенефисами: М.Н. Рустана (игралась «Ревность» Арцыбашева), И.Н. Иванова-Вронского («Бешеные деньги» Островского), М.С. Колобовой («Последняя воля» Немировича-Данченко), Т.Е. Дмитриевой («Бракоразные сюрпризы»), М.И. Поповского («Братья Карамазовы» по Достоевскому)...

В январе семнадцатого года состоялось заседание городской театральной комиссии, рассмотревшей вопрос о будущем театральном сезоне. Переговоры вели со «старым любимцем костромичей» Н.Ф. Костромским. Николай Феодосиевич откликнулся на такое предложение. Приезжал в Кострому, чтобы принять окончательное решение стать художественным руководителем театра. Сыграл в благотворительном спектакле «Правда хорошо, а счастье лучше» в

пользу приюта Императорского Человеколюбивого общества. Но февральские события помешали ему возглавить Костромской театр,

Вместо Н.Ф. Костромского антрепренёром театра стала М.А. Светланова, выступавшая и в роли актрисы. Сезон открыли 26 сентября 1917 года. Уже первые постановки показали, что театр находится в растерянности, репертуар случаен, актёры на сцене равнодушные. Премьеры, состоявшиеся в начале сезона

«Ресторан I-го разряда» С. Константинова, «Анфиса» Л. Андреева, «Псиша» Ю. Беляева вызвали активное неприятие публики. Её мнение: «Общего, связующего эти пьесы во что-нибудь целое нет, как вообще нет никакой – ни логической, ни психологической, ни художественной, ни исторической связи между ними... и понятие «сезона» складывается их механической совокупности ничем не объединённых «спектаклей». Виной тому, по мнению зрителя, являлась М.А. Светланова. Мне очень хочется думать, – писал он, – что стремление ярко выявить лейтмотив пьесы «Анфиса»: «царство пошлости» побудило «директоршу» труппы М.А. Светланову взять на себя роль Анфисы... Если г-жа Светланова задавалась такой целью, то эту цель она выполнила блестяще... Жаль, что по замыслу Л. Андреева Анфиса – олицетворение скользкой змеи и паутины, – г-жа Светланова дать не могла: какая уж тут «паутина», и кто примет за

Н.Ф. Костромской.

змею, хотя бы и «гремучую» – тихоходный паровоз».

В эти предреволюционные дни в газетах впервые появляются сообщения о безобразном поведении зрителей, которые до открытия занавеса свистят, а во время спектаклей шумят и «порядка в театре нет никакого».

1 ноября семнадцатого года Совет Костромского Художественного общества обращается к костромичам с «Воззванием»: «В вихре борьбы народ готов разрушить и разнести всё, что связано с пленением его свободы, не разбираясь и не задумываясь над тем, что в действительности уничтожается... Накопленные многими поколениями предметы искусства бессмысленно гибнут в этой дикой свалке и нет, кажется, предела бедствию... Мы обращаемся ко всему населению Костромской губернии, богатой творчеством ушедших годов, с призывом сохранить

все памятники отжившей эпохи русской культуры...»

Слово костромских интеллигентов не было услышано. Насилия и погромы распространялись вокруг. Перспективы Костромского драматического театра, по признанию зрителей, были «скучные».

С началом Первой мировой войны коллектив его жил верой и надеждой в победу России. Вера эта не оставляла и тех, кто был призван защищать Отечество на полях сражений. Молодой артист-новобранец Николай Кистенёв часто присылал с «театра военных действий» свои стихи, адресованные молодой актрисе Лизаньке Майской. Малость пафосные, по-юношески задиристые, мечтательно-романтические, но освящённые искренним чувством единения со своим народом:

Шире дорогу! Проснулся

великий

Славный народ-богатырь,

Скромный в страданье,

герой светлоликий

Встал за родимую ширь.

Он победит, столкновения

бурного

Горе-несчастье пройдёт,

Лебедь-царевна из моря

лазурного

Витязя встретить

придёт.

Не случилось. История распорядилась иначе.

Антонина Щеглова,
Ученый секретарь
Ветлужского краеведческого музея
Нижегородской области

ВЕТЛУЖСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ГЕОРГИЙ ЯБЛОЧКОВ

Несколько лет назад, когда только пришла работать в музей, от известного ветлужского краеведа Рыжова Леонида Васильевича услышала о писателе Г.А. Яблочкове. Наш старейший краевед любил повторять, что держал в руках двухтомный сборник рассказов, автором которых являлся сын Ветлужского предводителя дворянства Алексея Ивановича Яблочкова. Имени писателя краевед не помнил, но утверждал, что героями многих его рассказов были жители Ветлужского края. Поиски книги в библиотеке никаких результатов не принесли. Но данная тема так меня занимала, что я продолжала искать какие-либо сведения о писателе.

И к этому вопросу вернулась спустя несколько лет, но уже не одна, а вместе с Дмитрием Стоговым, кандидатом исторических наук. Он каждое лето приезжает в Ветлугу, в город своего детства, из Санкт-Петербурга. Я располагала некоторыми сведениями о родителях писателя, а Дмитрий разыскал в электронной библиотеке его произведения. В 2006

году в краеведческом сборнике «История Ветлужского края», выпущенном музеем, была опубликована работа Д.И. Стогова «Образ ветлужского края в литературных произведениях Г.А. Яблочкова». Таким образом, довольно широкой публике стало известно имя писателя.

Г.А. Яблочков родился около 1869 года. Его отец, землевладелец и дворянин, действительный статский советник, Ветлужский уездный предводитель дворянства, умер в Ветлуге 3 августа 1914 года в возрасте 80 лет¹ (по другой версии – 75)², похоронен на городском кладбище (могила не сохранилась). Нам известно, что образование он получил в бывшем Лесном институте³. Алексей Иванович в течение многих лет был активным земским деятелем, состоял гласным уездного земства, председателем уездной управы, мировым судьей. Мать Эмма Егоровна (Георгиевна) – дочь Ветлужского купца Шица Егора Ивановича, умерла 4 июня 1913 года в возрасте 65 лет, перед смертью перешла из лютеранского вероисповедания в православие⁴.

Сведения о жизни Георгия Алексеевича отрывочны и скудны. Мы предполагаем, что у него были, по меньшей мере, два брата и сестра. Сестра Георгия Алексеевича Вера Алексеевна вышла замуж за гражданского инженера Шевякова Николая Львовича (автор проекта торговых рядов и земской больницы г. Ветлуги). Их потомки живут в Москве, но сведениями о писателе они не располагают.

Новое направление в поиске дали воспоминания Корнея Чуковского о восстании на броненосце «Потемкин» в 1905 году. Чуковский вспоминал о поездке группы людей на восставший броненосец. Среди прочих был и Яблочков. Характеристика не велика, но очень содержательна: «Доктор Георгий Алексеевич Яблочков, тоже приезжий, в пенсне, с острой конечной бородкой, прекраснейший, скромнейший человек, бывший политический ссыльный, приятель Куприна, Бунина и других литераторов, автор нескольких рассказов и очерков»⁵. Значит искать нужно в Одессе. Однако до Государственно-

го архива Одесской области путь не близкий, особенно у сотрудника провинциального музея, коим я и являюсь. Оставалось только окунуться в пучину Интернета, и попытка не была напрасной. Привлекла внимание работа одесского краеведа Натальи Панасенко «Одесское окружение Корнея Чуковского. Яблочков и Богомолец»⁶, в которой огромное количество ссылок на материалы архива. Позволю себе низко поклониться автору и привести цитату из этой работы: «О противоправительственном прошлом Георгия Алексеевича известно не много. Он был арестован 23 декабря 1890 года в Москве по, так называемому, сабунаевскому делу, которое было «разрешено Высочайшим Повелением от 22 января 1892 года» и попал в число получивших от 1 до 10 месяцев тюремного заключения. С 1902 года его имя появилось в одесских источниках. В этом и следующем годах Г. Яблочков состоит членом Литературно аристократического общества.

Очевидно, что членство продолжалось бы, но в конце 1904 г. общество закрыли. После потемкинских событий в городе ввели военное положение, и 19 июля 1905 года 36 летний дворянин Г.А.Яблочков, как и многие другие неблагонадежные, был выслан из градоначальства (в Кишинев).

12 ноября 1905 года «Одесские новости» опубликовали письмо группы лиц, присоединяющихся к просьбе предать гласному суду градоначальника Нейдгарта и его сподручных за организацию в Одессе еврейского погрома. Среди подписавшихся был и Г.А. Яблочков. В 1906 г. с мая и, как минимум, до сентября он содержался в одесской тюрьме по «политической» статье.

Но неблагонадежность и даже арест не означали принадлежности к политической партии. Для порядочного интеллигентного человека все это было тогда в порядке вещей. Активное участие Яблочков принимал в деятельности издательского «Товарищества писателей» в Петербурге. Его создали в период реакции, когда сложилась трудная ситуация с выплатой гонораров в существующих издательствах. Стремление к материальной независимости объединило группу литераторов, но при этом они захотели определиться с общей идейной платформой, а ее-то и не оказалось. «Чего вы, собственно, хотите от нас? – спрашивали Олигер, Ценский, Яблочков и другие; – мы не большевики, не меньшевики, не политики... мы писатели, а вы нас хотите в какие-то оглобли загнать»⁷.

Как сложилась дальнейшая судьба Георгия Алексеевича, нам пока не известно.

Значит, есть над чем работать, поиск продолжается. Многого стоит оценка его как человека и писателя И. Буниным: «Очаровательный, интересный человек Георгием Алексеевичем.... Вот настоящий, чуткий, глубокий, наблюдательный и умный писатель. Как настоящий талант, он тихий, ушедший в себя...»⁸ Тема взаимоотношений Яблочкова с Буниным и Куприным тоже ждет своих исследователей.

В начале прошлого века М. Горький писал редактору В. Поссе: «Много обещает Яблочков, – помнишь «Смерть Мюллера»? Он сухо, но талантливо и светло – вернее, резко – пишет маленькие рассказчики и, думаю, скоро напишет большой»⁹.

Нужно отметить, что произведения Г. А. Яблочкова не переиздавались с 1925 года. Отрадно, что через столетие возвращается из забвения имя писателя и интерес к его творчеству.

Примечания

¹ Метрическая книга Ветлужского Воскресенского собора за 1914 г

² Сборник постановлений Ветлужского уездного земского собрания очередной сессии 1902 г. г. Ветлуга тип. Ханькина А. 1903г. стр.186

³ Там же.

⁴ Метрическая книга Ветлужского Воскресенского собора за 1913 г.

⁵ Чуковский К. собр. соч. т.4 с.529

⁶ http://www.chukfamily.ru/Korneil/Biblio/panasenko_okr2.htm

⁷ Там же

⁸ Бунин И. Новые материалы вып.1 М. 2004 с. 537.

⁹ Горький М. Собр. соч. в.30тт. т. 28 М.1954 г. с.138

ИНВАЛИД

Рассказ

– Занято! – свирепо заревел кто-то, приподнявшись, когда проводник раскрыл дверь купе. – К черту! Раненые.

Везде было набито битком. Сидело по пять, по шесть человек. Безнадежно разведя руками, проводник исчез, а я уселся в коридоре вагона на свой чемодан и стал терпеливо ждать.

Поезд то шел, то останавливался, то снова трогался и опять надолго замирал. Иногда сзади нарастал тяжелый гул, и мимо с лягганьем катились бесконечные вагоны. Нас обгоняли воинские поезда. При свете тусклых огней было видно, как проворно выскакивали и бежали с чайниками солдаты, и я смотрел на них, думал о том, что происходит там, куда их везут, дремал и слушал густой храп, несущийся из-за дверей плотно закрытых купе.

Утром, спотыкаясь о мои вещи, заспанные пассажиры оглядывали меня с презрительным недоумением – неудачников презирают даже в вагонах. Открылось, наконец, и то купе, в котором так сурово встретили меня вчера. Оттуда вышел сначала безусый прапорщик с унылым лицом, за ним красивый, с энергично закрученными усами поручик, а после них, горбясь и дергая ногами, вылез высокий старый капитан.

Он-то и крикнул вчера на меня так свирепо. Теперь же, с трудом пробравшись мимо, он кинул на меня быстрый взгляд, а возвращаясь назад, остановился,

задергался, стукнулся коленом о стенку и, сердито сказав: – а, черт! – участливо обратился ко мне:

– А вы так и проканителитесь без места целую ночь?

– И вот так всегда, – говорил он через полчаса, когда я уже сидел в очищенном для меня уголке, а он лежал, поднимая вверх то одну, то другую ногу. – Как сунется сразу новый человек, так сначала так бы ему, кажется, глотку и перервал. А обнюхаешься и ничего. Даже приятно.

Кроме трех офицеров в купе был еще молодой американец. Он сидел у окна прямо, как палка, и хотя не понимал ни слова по-русски, но чувствовал себя, по-видимому, превосходно. Безусый прапорщик ехал на войну. От него так и веяло покорной тоской. Энергичный поручик, сидя в ногах у капитана, говорил ему:

– Ну что, юноша? Все грустите и думаете, что вас убьют?

– Я это знаю, – с тихой улыбкой отвечал прапорщик.

– Пустяки! Вернетесь великолепнейшим образом домой и снова заживете с вашей женой. Не надо поддаваться мрачным мыслям.

– Я и не поддаюсь, – покорно ответил тот. – Я просто чувствую, что меня убьют. Ну, что ж... Это будет в роде платы за счастье, которое я получил.

Очевидно, они продолжали начатый раньше разговор. Лежавший капитан прислушался, повернул свое серое, с залысинами на лбу лицо и сказал:

– А ведь смотрите, вас и в самом деле убьют. У вас есть что-то в лице. У меня офицер в роте все говорил: – убьют, убьют, – и ведь ухлопали. Только высунулся из окопа, трах – шрапнелью и прямо, как решето. Пуль десять попало. Так у него было вот такое же лицо, как у вас.

Я посмотрел на капитана. Решительно этого не надо было говорить, так как прапорщик сразу стал еще грустнее. И в то же время было ясно, что капитан мог так говорить, потому что у него было что-то очень уж простое в глазах.

Но я не дослушал разговора. Бессонная ночь давала себя знать и у меня слипались глаза. Улучив момент, я взобрался наверх, вытянулся там и сразу заснул, а когда часа через два спустился вниз, то все было по-прежнему: американец смотрел в

окно, прапорщик сидел с тихим унынием на лице, энергичный поручик разливал чай, а капитан лежал на своем месте, поднимая вверх то одну, то другую ногу, и стонал.

– Выспались? – дружелюбно обратился он во мне и, охая, прибавил: – А у меня все трещины болят.

– Ну, берите же ваш стакан, капитан, – говорил ему энергичный поручик.

– О-хо-хо! – стонал тот. – Весь я пустой, весь я пустой!.. – Бережно спустив ноги, он сел, сказав: – И в самом деле, хоть водицей себя, что ли, налить? – потянулся к стакану и начал смеяться: протянутая рука запрыгала во все стороны, так что пришлось перехватить ее другой рукой.

– Вот, – проговорил он. – Одна прошла, а эта все пляшет. Все не может забыть, как я пальцами окоп себе рыл.

– Но нет, вы скажите мне, – глотнув чаю, огляделся он кругом. – Идиот я или нет? Вместо того, чтобы сидеть себе в Москве, у родных надо было тащиться чуть не за две тысячи верст! Неделя туда, неделя назад, дорога чуть не сто рублей, и все можно было устроить по почте. Не иначе, эта проклятая контузия вышибла у меня последний ум. Въехало вот точно дышлом в башку, сел на поезд и покатил.

– И знаете для чего? – обратился он прямо ко мне. – А для того, что остался у меня там старый чемодан – забыл его впопыхах – а в чемодане мундир. Так непременно стал он мне нужен. Теперь вот везу его и ругаю себя на чем свет стоит.

– Вы понимаете! – с настоящим отчаянием продолжал он. Ведь эти две недели я мог бы провести у своих. У меня племянница есть – играет на рояли, как Бог. Слушаю и плачу. Сколько бы я её послушаться мог! А сколько бы здоровья накопил! А мне больше месяца лечиться нельзя.

– Ну, капитан, – успокоительно заметил энергичный поручик, – полечитесь и побольше. Надо произвести основательный ремонт. У вас здорово-таки расхлябались все винты.

– Что вы, что вы! – испугался капитан. – Как можно! А рота-то как? У меня теперь вся рота новая – старых всего человек пятьдесят. Надо их, батюшка, узнать. Нет, нечего тут и говорить! Я и теперь уж еле здесь сижу. Телом здесь, а душой там. Нет, еще недельку, и в путь.

Он замахал руками, и руки опять принялись сами собой плясать. Сразу потухнув, капитан лег и жалобно проговорил:

– Весь пустой! И здоров весь, и цело все, а точно выпотрошили из меня все нутро. Вот жук иной

раз так на дороге лежит. По виду жук, как жук, а шевельнешь – одна кожурка. Так вот и я. О-хо-хо-хо-хо!.. – и безнадежно скрестил руки за головой.

– Вы были ранены, капитан? – спросил его я, но он только взглянул на меня и, не ответив, жалобно продолжал.

– Ночью спишь, спишь, и вдруг тебя начнет засовывать в мешок, так что заревешь от страха, как бык. Проснешься утром, видишь ясно, что остается тебе одно – кончать – больше никаких ходов, а дряблость такая, что пальцем не можешь пошевелить. Днем разойдешься, стрельнет тебе что-нибудь в башку, и сделаешь какую-нибудь чушь. Нет, плохо, плохо! Никуда, не годен человек.

– Куда, говорите, ранен? – вспомнил он мой вопрос. – Да никуда. То-то вот и горе мое, что совсем пустяки, а стал дрянь. Эх, если бы мне хоть руку или ногу оторвало! Счастливец бы был!

– А вы говорили, контузия?

– Ну, вот тоже контузия? Разве такие контузии бывают? Я, батюшка, видел, как по-настоящему контузит. Ехал человек верхом, а тут как ахнет, да вместе с лошадей его вверх. Лошадь вскочила и дрожит, как осиновый лист, а он шмяк! Да часа четыре без памяти. Опомнился потом, полопотал: – бе-бе-бе... – и опять без памяти. А у меня что? Сижу себе в окопе и говорю солдату: – Ну-ко, Семенов, дай, брат, сухаря. – Взял в рот, начал сосать, и вдруг вверх ногами! Только сухарем подавился. Ну, конечно, потом иногда в глазах темнота. Нет, контузия разве подбавила немножко, а главное, я думаю, оттого, что я пальцами себе окоп рыл.

– Это как?

– Да так, в землю уйти хотел. И понимаете, – продолжая, очевидно, какой-то прежний разговор, обратился он к энергичному поручику, – проснулся сегодня утром, лежу и думаю о том, как у меня гнусно сложилась жизнь – возраст уже тридцать семь, нет ни жены, ни детей, одна рота, да и ту не разберу, люблю, или нет, кажется, скорей не люблю. Захотел потом вспомнить: а ну-ко, где же это я землю пальцами рыл? – Вспоминал, вспоминал, так и не мог – все имена позабыл! Подумал потом: – Ну, хорошо, а что же, вообще, я помню? – И оказывается, ничего. Три месяца в походе, а только и осталось одно, что идем. Днем идем, ночью идем, и в солнце, и в дождь, и в холод, и в тепло – все идем. Идем и спим. И я сплю, и лошадь у меня спит, и солдаты спят – только грязь: чвак, чвак. И больше ничего. Ни атак, ни окопов, ни городов, ни деревень, ничего не помню. Все позабыл. Нет, еще помню одно. Си-

дим в окопе, вытаскиваю папироску, а я с собой их десять тысяч штук взял, да племянница мне портсигар вроде чемодана подарила – чуть не полтысячи влезает в него – так вытащу папироску, хочу закурить, взгляну кругом, и со всех сторон ко мне умильные морды – так и смотрят: дескать, угостит, или нет? Ну, черт с вами, сейчас же на двух по папироске и разошлешь. Вот это только и помню, а больше ничего.

– А как землю пальцами рыл, – снова обратился он прямо ко мне, – это помню. Точно выжгло во мне. Удивительно ясно помню. И деревню, и болото, и позицию – все помню. Понимаете, вот так деревня, а за деревней большущее болото, а за болотом австрийцы, и надо нам их вышибать. И, конечно, они ждут, что мы полезем напрямиком, а мы решаем их надуть. И вот, дается мне такая задача: пока наши будут делать обход, произвести с ротой фальшивую атаку во фронт. Ну, конечно, чего уж тут – прямо, стало быть, полный расстрел. И веду, понимаете, роту к деревне, проходим через гороховое поле, так вся рота давай горох рвать. Даже обидно стало – и сыты, только что обед съели, и сами знают, что на смерть идут, а все-таки надо в последний раз этой прелести пожрать. – Ребята, – говорю, – смотрите, плохо будет! – Ну, и конечно, сигнал к атаке, а у них животы схватило. Положим, и жутко было. Наша артиллерия сзади, австрийская спереди, над головой точно лешие воют, а как вышли из деревни да развернули цепь, так, понимаете, как пошло! Деревню австрийцы сейчас же зажгли – снаряд с одного боку, снаряд с другого, снаряд в середину – занялась она, как можжевелевый куст, а мы по этой иллюминации вперед. И тут, понимаете, точно ураган – пулеметы, ружейный огонь, шрапнель, снаряды – такая музыка, что нет никакой возможности, как бежали, так сразу же все на животы и только лопаты мелькают, да земля вверх летит. А рядом со мной тонюсенькое деревцо. Приткнулся я за ним – деревня горит, рота моя, болото, окопы – все, как на ладошке, а сверху так и сыплет. Обсыпает меня листьями и сучками, деревцо только встряхивается, как живое, солдатишки мои зарылись, как кроты, и лопатки вперед выставили, а я лежу на виду и в голове одно: – Сейчас убьет! – Как треснет вверху, так сейчас же: – Вот эта убьет! – А тут, понимаете, целыми букетами, целыми букетами, так что только вой в ушах, и помню уж одно: хочу уйти, как можно глубже в землю, рою ее пальцами и на голову сыплю. И что вы думаете – ведь вырыл-таки себе ямку, втиснулся в нее, и сверху шашкой прикрывался!

– А потом?

– А потом деревня догорела, пальба прекратилась, и я повел роту в соединенье с полком.

– А окопы взяли?

– Взяли, – равнодушно ответил капитан и уныло прибавил: – окопы-то взяли, а у меня тут, должно быть, и соскочило что-то с винта, а недели через три подбавило еще. Шли вот также в атаку, залегли, потом побежали и вдруг – трах! – точно палкой меня по ноге. Упал носом в грязь, перевернулся, хочу сесть и в то же время хлоп! – да в ту же ногу, только повыше, еще раз. Боже ты мой! – Ну, думаю, – сейчас еще выше и прямо в живот – И, понимаете, такой ужас, что хоть опять в землю уйти. На перевязочном черт знает что – чуть не истерика, и Бога, и черта клянчу, а на поверку вышло, что первая шрапнелька икру чуть-чуть пробила, а вторая так сама из брюк вытряхнулась – на излете уже была.

– У вас, капитан, – авторитетно вмешался энергичный поручик, – ранено не столько тело, сколько нервы, душа. Вы плохо питались, сильно устали и истощились. На этой почве все и произошло. Просто-напросто вам надо хорошенько отдохнуть.

– Не надо было мне уезжать оттуда! – яростно схватился капитан. – Вот в чем главная суть. Ведь как я молил: – ради Бога, оставьте вы меня здесь, какие же это раны! – Так нет. Вот так же, как вы: – Надо отдохнуть, надо отдохнуть! – Да нельзя, – говорю, – мне отдыхать. Я размякну совсем! – Ну, вот тебе и отдохнул! Там бы я тянулся, или к лешему ухлопало бы меня, а вылез из пекла, нюхнул другой жизни и скапутился совсем.

– Уж сказать, что ли, все? – приподнявшись на локоть, с отчаянием обратился он ко мне. – Ух! Презирайте меня! Понимаете, страх меня одолел! Даже не страх, а черт знает что. Как вот подумаю, что опять буду лежать и пальцами землю рыть, так точно в мешок меня головой и хоть сейчас же пулю себе в лоб. Болезнь, болезнь! Сам знаю, что болезнь, что какая-то там штука в нервах произошла, да разве мне легче от этого? Я понимаю, если бы мне руку или ногу отхватило, ну, тут уж лежи себе и кряхти, а как же я могу, весь целый, здесь сидеть! Да ведь рота-то моя там, ведь бои-то идут, ведь шрапнелью-то жарят в них! Да меня здесь стыд живьем заест! Нет, нечего тут. Я так и решил: поживу еще недельку, потом удеру и опять в окоп. А если еще что такое произойдет, так к черту! – прямо револьвер и в башку.

Впервые опубликовано – «День печати. Кличь».

Сборник на помощь жертвам войны. – М., 1915.

Ольга Смулова,
доктор исторических наук,
профессор КГТУ

ВЫСТАВКИ В ЖИЗНИ ИВАНА РОПЕТА

Несколько лет тому назад в костромских кругах вдруг стали часто упоминать имя Ивана Павловича Ропета, дотоле мало кому известного. Это было связано с находкой посреди чухломского леса чудотерема (бывшая деревня Асташево к тому времени успела зарастить), принадлежавшего крестьянину-отходнику Мартьяну Сазонову. Дом был построен, по всей видимости, по проекту архитектора И.П. Ропета. По крайней мере, аналог построенному дому можно найти в журнале «Мотивы русской архитектуры»¹.

Так сложилась судьба И.П. Ропета, что, с одной стороны, он рано проявил свой талант, причём, на европейском уровне, а, с другой стороны, из-за рано постигшей тяжёлой болезни жил как бы в тени. Поэтому некролог, опубликованный в журнале «Зодчий» за 1909 г, начинался так: «Мало, кто помнил о нём. Многие думали, что его нет в живых. Много лет он хворал и мало, где показывался»².

Иван Павлович Ропет родился в 1845 г. в Петергофе. Отец его, Николай Петров, был «из солдатских детей», служил на Петергофской бумажной фабрике старшим мастером, рано ушёл из жизни.

И.П. Ропет.

Мать – Михеева Любовь. В семье было шестеро детей: Григорий, Дмитрий, Екатерина, Аграфена, Иван и Фёдор³. Предпоследнему Ивану на момент смерти отца было всего два годика. Его взял на воспитание дядя. В благодарность за это Иван позднее принял его отчество – Павлович. При каких обстоятельствах он стал из Петрова Ропетом сказать трудно. В 1861 г. поступил в Академию художеств. В личном деле фонда Академии художеств сохранился отчёт Ивана о прохождении практики под руководством профессора архитектуры Императорской Академии художеств Николая Фёдоровича Брюлло, который впечатляет своей обстоятельностью. Объект, на котором он практиковался, –

дом кн. Львова на Большой Морской, т.е. в самом центре Северной Пальмиры⁴.

В 1876 г. он окончил Академию художеств. Ропет вошёл в число тех, кто был удостоен больших золотых медалей: по классу живописи – Илья Репин, Василий Поленов, Павел Ковалевский; по классу скульптуры – Иван Панфилов; по архитектуре – Альфред Парланд, Иван Стефаниц, Ульрих Урлауб⁵. К окончанию Академии, кроме выпускной медали, он уже имел: 2 серебряную за «проект здания Мирового съезда» (1864 г.); 2 серебряную и первую серебряную за проект русского скотного двора для Парижской всемирной выставки (1865 г.); 1 серебряную (1867 г.); 2 золотую (1869 г.); 1 золотую за программу «Проект православной церкви о 3-х приделах для кладбища» (1871 г.)⁶.

Удостоенные Большой золотой медали выпускники, становились пенсионерами Академии художеств, что давало им возможность в течение 6 лет совершенствоваться в мастерстве, путешествуя за границей. Ропет уехал за границу не сразу, а спустя несколько лет после окончания Академии художеств. Места, которые привлекли Ивана

Вид усадьбы Асташево Чухломского уезда. Нач. XX века.

Павловича, – Париж (Франция); Неаполь, Генуя (Италия); Каир (Египет)⁷.

Изучение зарубежной архитектуры не стало уединённым занятием. Удивительно, а может, напротив, и закономерно, что в этот европейско-египетский период, пребывая вдали от родины, Иван Павлович создал эскизы, затворённые на русской тематике. На протяжении 1875-1879 гг. эскизы Ивана Павловича регулярно публиковались в журнале «Мотивы русской архитектуры». Среди них – проекты международной выставки (Париж), загородных домов, сельских церквей, сельских школ и их внутреннего убранства, а также архитектурные сооружения инфраструктуры сельской усадьбы.

В 1876 г. был опубликован проект загородного дома, который воплотил спустя два десятилетия чухломский крестьянин–отходник, Сазонов Мартьян Созонтович. В 1879 г. – проект бани для

С.И. Мамонтова (сохранилась в Абрамцево).

Между тем всемирную известность Ропету принёс русский павильон на Всемирной выставке в Париже в 1878 г. «Взгляните, какая чудесная стройная масса воздвигнулась посредине, этот бревенчатый цветной дом, с высокою кровлею, увенчанною резным князьком, с заострённым широким громадным кокошником вверху, с маленькой открытой галереей над широким входом, завешанным русскими полотняными завесами, в русских узорах. И по сторонам центрального здания, направо и налево, целый маленький городок из разных построек: тут и башни, и длинные вдвинутые назад крытые переходы, и сквозные галерейки, и всходы, и лестницы, и бесконечное разнообразие окон, пилястр, резных орнаментов, фантастических птиц, стоящих в ряд и держащих в лапе веточку,

и разнообразных кокошников и кровель, наконец, повсюду богатая цветная резьба из узоров и цветов, широкие прелестные резные карнизы, висящие из-под кровель, словно богатые поднизи из бус на лбу у русской крестьянки, и полотенца, вывесившиеся из окон, словно передники сарафана. Ничто не повторяется, рядом стоят все разнообразные части и члены, полные несимметричной, но изящной красоты, выражения и стройности»¹⁰. Когда читаешь это описание В. Стасова, непроизвольно перед глазами возникают картины вольнослушателя Высшего художественного училища при Академии художеств, Ефима Васильевича Честнякова, модели русского мира, заложенные в архитектурном и живописном произведениях, удивительно совпадают.

Владимир Васильевич Стасов, сын известного архитектора, художественный критик, историк искусств, дал высочайшую оценку работы Ропета: «На нынешний раз благородная эта роль выпала на долю одного молодого русского художника, одного из самых талантливых, если только не самого талантливого нашего архитектора. Имя его – Ропет. Не было в печати европейской такой статьи об архитектуре на выставке, где бы ни было высказано, что русская постройка – оригинальна, талантлива, делает честь России, составляет украшение выставки. В одном из лучших изданий, специально посвящённых выставке, «L'Album

de l'exposition» Глюка, с превосходными гелиограммами, было даже прямо сказано: «Одна из самых интересных построек улицы Наций, та, что между всеми пользуется наибольшею любовью публики и всего дольше останавливает перед собою удивлённых зрителей – это бесспорно – живописный фасад, выстроенный из дерева России»¹¹. И это всё о работе пенсионера Академии художеств, которому было чуть более 30 лет.

Из зарубежной стажировки Иван Павлович возвратился досрочно, в 1880 г. «Преследуя изучение стилей Романской и Арабской архитектуры и ознакомившись со многими их памятниками во Франции, Италии и Египте – я бы желал употребить остающееся время моего пенсионерства на путешествие по России для изучения памятников Русского зодчества»¹². Однако по возвращении он тяжело заболел. Ему было 35 лет, когда его хватил нервный удар, и отнялись руки¹³.

В последующие десятилетия Ропет ещё не раз проектировал русские павильоны на Всемирных выставках: 1888 г. – Копенгаген, 1893 г. – Чикаго. Фасады чикагского павильона были полностью изготовлены в России, в разобранном виде привезены в Америку и вновь собраны на выставке. После закрытия выставки это сооружение подарили Русской православной миссии в США. Из него соорудили православную церковь в городе Стриторе в штате Иллинойс¹⁴. Таким образом,

Усадьба Асташево до реставрации. 1960-е годы.

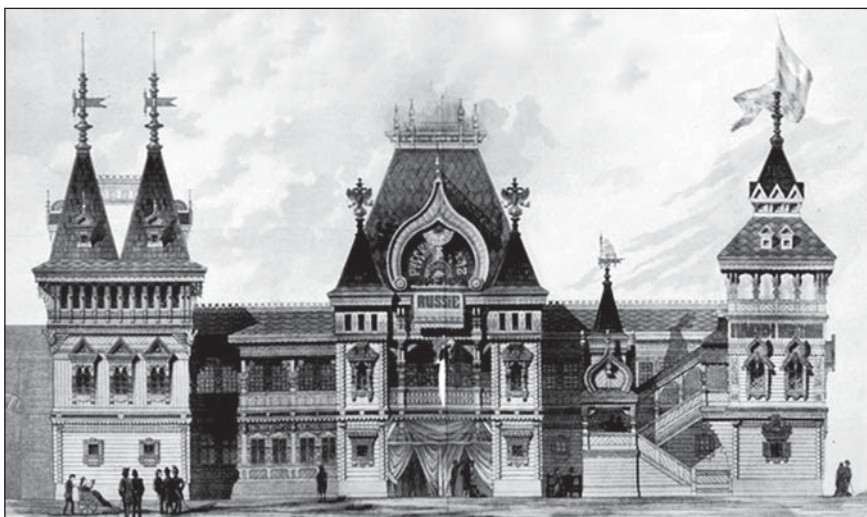
мы видим, что к моменту Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. Иван Павлович был не только известным архитектором, но и имел опыт возведения выставочных павильонов на Всемирных выставках, проходивших в Европе и США. Вклад Ропета в строительство нижегородского выставочного городка – павильон садоводства, плодоводства и огородничества.

Архитектура – была не единственным занятием Ропета. Он известен и своими графическими работами. По его проектам также было сооружено несколько надгробий, в частности, – В.В. Стасова (некрополь мастеров искусств, Александроневская Лавра)¹⁶, последняя его работа. «Глаза плохо видят, – говорил он скульптору Гинцбургу прошлой весной, – но не могу умереть, не сделав кое-чего для на-

шего Владимира Васильевича. Пусть это будет моей последней работой»¹⁷.

И.П. Ропет ушёл из жизни 12 декабря 1908 г. Незадолго до этого, 15 ноября, он обратился с просьбой вывести его из состава действительных членов Академии художеств: «Страдая долговременной хронической болезнью без всякой надежды на выздоровление, я решил выйти из числа действительных членов АХ, чтобы не занимать там напрасно места... прошу сделать распоряжение о перечислении меня в число, выбывших по болезни»¹⁸. По странной случайности, письмо это назначено было к докладу академическому собранию 15 декабря. Утром этого дня тело Ивана Павловича опустили в могилу¹⁹. 28 февраля 1909 г. в канцелярию Академии художеств поступило прошение вдовы, Екатерины Евдокимовны Ропет о назначении пенсии²⁰.

Русский отдел Всемирной выставки в Париже. Проект И.П. Ропета.

Пристав Новодеревенского участка Санкт-Петербурга 9 апреля 1909 г. сообщал, что вдова архитектора...состояния бедного, имущества, кроме необходимой обстановки, не имеет, одинокая, имеет от роду 60 лет, занимает квартиру в особняке, состоящую из 3 комнат и кухни. ...просительница существует на деньги, выручаемые от продажи вещей, которые продаёт постепенно после смерти мужа»²¹.

Прошло более ста лет с момента ухода из жизни Ивана Павловича Ропета. Временная дистанция позволяет по-новому взглянуть на национально-фольклорную линию в архитектуре, сформулированную А.М. Горностаевым и его блистательными учениками В.А. Гартманом, И.С. Богомоловым, Ф.С. Харламовым и др. И здесь, по мнению исследователей истории архитектуры, едва ли не центральное место принадлежало И.П. Ропету. Не случайно, что это направление стало называться по фамилии

Ивана Павловича. «Ропетовщина» – каким бы уничижительным смыслом не наделяли этот термин некоторые современники, заняла своё место в истории архитектуры.

Как нам кажется, признание костромским крестьянином Мартьяном Сазоновым, знавшим толк в дереве (по всей видимости, он был краснотеревщиком, работавшим в столице, а также не исключено, что и участвовал в реализации ропетовских проектов) творчества Ропета, есть лучшее подтверждение того, что характер его архитектурных сооружений был созвучен эстетическим предпочтениям русского человека.

Время не уберегло большую часть построек И.П. Ропета. Среди сохранившихся: баня в усадьбе «Абрамцево», народный дом в Барнауле. В этом контексте возрастает значение завершения реставрационных работ терема в Асташеве в Чухломском районе Костромской области.

Примечание

¹.Мотивы русской архитектуры/ Ежемесячн. альбом архитектурных рисунков. Издатель А. Рейнбот, 1876. – С. 41–42.

².Зодчий / Ежемесячн. архитект. и худ.-техн.журнал. 1909. № 3. 18 января. – С. 29.

³.РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 789. Оп.14. Д. 30. Л. 3.

⁴.Там же. Ф. 789. Оп.14. Д. 30. Л. 53 об.

⁵.Там же. Ф. 789. Оп.14. Д. 30. Л. 89.

⁶.Кондаков С.Н. Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764–1914. [Ч. 1-2]. СПб., Товарищество Р.Голике и А.Вильборг, [1914–1915]. Ч. 2. [Часть биографическая]. – С. 381.

⁷.РГИА. Ф. 789. Оп.14. Д. 30. Л. 89.

⁸.Мотивы русской архитектуры. 1876. – С. 41-42.

⁹.Там же. 1878. Л.32, 34–38.

¹⁰.В.В. Стасов. Наши итоги на Всемирной выставке// Стасов В.В. Избранные сочинения в 2 т. Т. 1. Обзоры, выставки, полемика. М., Л.: гос.изд. «Искусство», 1937. – С. 276–277.

¹¹.Там же. – С. 272.

¹².РГИА. Ф. 789. Оп.14. Д. 30. Л. 177 (от 6 октября 1880 г.).

¹³.Там же. Ф. 789. Оп.14. Д. 30. Л. 89.

¹⁴.Мир выставок – журнал профессионалов экспо-индустрии [Электронный ресурс]. Режим доступа: mirvistavok.ru

¹⁵.Кириченко Е.И. Архитектор И.П. Ропет //Архитектурное наследство. Вып. 20. М., 1972. – С. 85-93.

¹⁶.Гинцбург А.М. Кириков Б.М. Архитекторы-строители Санкт-Петербурга сер. XIX – н. XX в.: справочник. СПб., 1996. – С. 268.

¹⁷.Зодчий. 1909. № 3. – С. 30.

¹⁸.РГИА. Ф. 789. Оп.14. Д. 30. Л. 196.

¹⁹.Зодчий. 1909. № 3. – С. 30.

²⁰.РГИА. Ф. 789. Оп.14. Д. 30. Л. 201.

²¹.Там же. Л. 204 об.

Дмитрий Сидоров,
кандидат исторических наук,
ведущий специалист-эксперт
комитета по делам архивов Костромской области

ОТ МЕЖГУБЕРНСКИХ ДО ВСЕРОССИЙСКОЙ

Циркулярным предписанием Министерства внутренних дел от 25 августа 1836 года начальникам губерний направлялось «высочайшее его Императорского Величества повеление об учреждении во всех губерниях выставок изделий и образцов фабричной, заводской, ремесленной и всякого другого рода местной промышленности, равно инструментов, коими означенные изделия и замечательнейшие домашние работы производятся, и земледельческих орудий, которые по наибольшему усовершенствованию заслуживают внимания»¹.

Это же предписание указывало, что «Государь император изволил вместе с тем и цель сего повеления». Общая цель состояла «по возможности распространять на местах полезные сведения о состоянии и усовершенствовании заводской, мануфактурной, сельской и домашней промышленности, и тем возбуждать и поддерживать между всеми производящими похвальное соревнование к улучшению своих произведений и изделий». Особенная и не менее важная цель заключалась в

Здание кустарного отдела Всероссийской художественно-промышленной выставки в Нижнем Новгороде. 1896 год.

том, чтобы «при предстоящем путешествии Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Александра Николаевича представить вниманию в немногих образцах, соединенных в одном месте и в приличном порядке расположенных, все, что губерния имеет наиболее значительного..., а еще более произведения промышленности и искусств... будут тем самым любопытным и удовлетворительным отчетом в хозяйственном и до некоторой степени и в нравственном состоянии губернии»².

Губернии Европейской России «для соблюдения порядка в открытии выставок сельских произведений, по большому или меньшему сходству их между собою в сельскохозяйственном отношении» были разделены на 7 округов. Владимирская, Вологодская, Костромская, Тверская и Ярославская губернии составляли общий пятый округ.

В 1837 году наследник престола Александр Николаевич совершил большое путешествие по России и посетил 29 губерний Европейской России. При подготовке выставки

Костромской предводитель дворянства получил указания от губернатора «отдать распоряжение о приглашении хозяев и произведений губернии принять участие присылкой своих произведений». Он просил также направить уездным предводителям дворянства, чтобы «они пригласили господ дворян, занимающихся какой-либо отраслью сельского хозяйства к участию в означенной выставке»³.

В фонде «Костромской губернский предводитель дворянства» Государственного архива Костромской области сохранилось письмо Е. Готовцевой из с. Корякиново, датированное 24 апреля 1837 года, которая сообщала: «Имела честь получить..., на что принесу от занятий моих, кроме небольшого опыта улучшенного землеустройства – грездень ржи вазы (*один из кустовых сортов озимой ржи – Д.С.*) вышиной 3 аршина и образец несгораемой крыши, какая устроена у меня на хлебном амбаре. Рожь была 5 пудов получена из Санкт-Петербургского экономического общества, посеяна была в селе Нелидово Галичского уезда. Несгораемой крыши образец изобретен членом Московского общества сельского хозяйства Алексеем Михайловичем Малитиным»⁴.

На июль 1853 года, вторую половину сентября 1854 года были назначены выставки сельских произведений в г. Костроме для губерний Костромской, Ярославской,

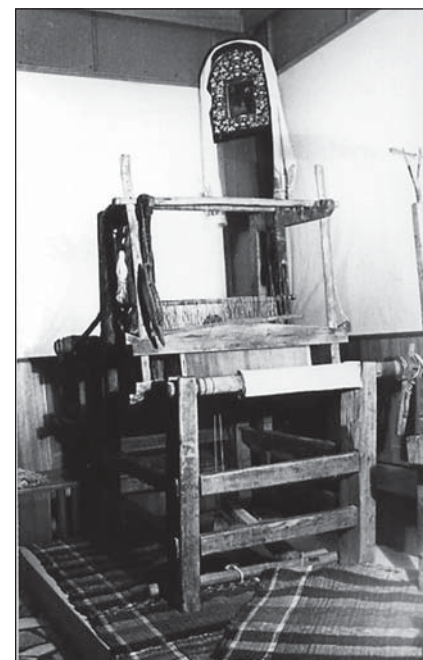
Владимирской, Тверской и Вологодской. В сентябре 1857 года прошла выставка сельских произведений в с. Молоково Бежецкого уезда Тверской губернии. В 1858 году состоялись выставки пряжи и полотна в Великом селе Ярославской губернии, сельских произведений в г. Кинешма Костромской губернии.

К сожалению, в Государственном архиве Костромской области не сохранилась более подробная информация об участии представителей Костромской губернии в этих выставках. Материалы о выставках содержатся в архивах Владимирской, Тверской, Ярославской областей⁵.

Мы можем лишь догадываться о том, как была представлена Костромская губерния на выставках, исходя из предписания Министерства внутренних дел 1836 года:

«Предметы выставки могут быть разделены на следующие четыре класса: Первый может заключать предметы царства ископаемых. Второй класс могут составлять предметы царства растительного. Третий – из класса животного: зверей, птиц, диких и домашних, рыб и насекомых. Четвертое отделение, едва ли не самое разнообразное и любопытное, может обнимать все предметы заводской, мануфактурной, фабричной и домашней промышленности. Сии четыре отделения объемяют все, что может иметь губерния в природе, искусствах и ремеслах»⁶.

Между тем, дворянство Костромской губернии не всегда с энтузиазмом относилось к подобным мероприятиям. Костромской губернатор огорчался на Костромского предводителя дворянства при подготовке выставки сельских произведений, учреждаемой Императорским вольным экономическим обществом в Санкт-Петербурге в 1850 году: «Указав пригласить в губернский комитет помещиков Михаила Матвеевича Поливанова, Федора Ильича Степанова, Демьяна и Семена Прокофьевича Дмитриевых..., помещики эти не только в Кострому не прибыли, но даже согласия в делах комитета не изъявили»⁷. Константин Карлович Бошняк отписывал губернатору, что М.М. Поливанов «не может позволить себе постоянного нахождения в го-

Часть экспозиции выставки «Лён в быту Молвитинских крестьян».

роде Костроме по настоящему положению дел специального размежевания, требующего постоянного и бдительного содействия размежевания дач Юрьевоцкого уезда»⁸.

Изначальная идея межгубернских, региональных выставок – «исполнение их при содействии местного дворянства, купечества и других сословий, без сомнения принесет честь уму и знанию вверенного их управлению края»⁹, не потеряла своей значимости.

В 1896 году состоялась Всероссийская выставка в Нижнем Новгороде, ставшая крупнейшей в истории Российской империи.

Еще в 1895 году, по сообщению Костромского губернатора Министру внутренних дел, в Костромском уезде, с целью поднятия кустарного ювелирно-металлического промысла, существующего в Красносельской волости, «земством возбуждено было ходатайство перед Правительством о субсидии для открытия при Красносельской земской школе класса технического рисования и приняты меры к привлечению красносельских кустарей к участию в предстоящей в 1896 году Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде»¹⁰.

В отчете за 1896 год губернатор не без гордости сообщал, что «изделия Красносельских кустарей были экспонированы на Всероссийской промышленной выставке в Нижнем Новгороде. Изделия

эти имели на выставке значительный успех и торговый оборот с этим товаром простирался до 10000 рублей». Затем такие же изделия были отправлены в Санкт-Петербург, для участия в открытом товариществом русского сельскохозяйственного комиссионерства «Работник» базаре кустарных изделий в Соляном городке, где «Красносельских изделий распродано в течение двух недель на 1750 рублей»¹¹. «Благодаря таким мерам ознакомления потребителей с предметами красносельского промысла – с одной стороны и понижению пробирной пошлины – с другой, в отчетном году наблюдалось заметное развитие выработки серебряных и бронзовых изделий в Красносельской волости...»¹².

Заметное развитие ювелирных изделий наблюдается и в настоящее время.

Примечания

¹ Ф. 122, оп. 1, д. 1253, л. 7

² Ф. 122, оп. 1, д. 1253, л. 7об. – 8.

³ Ф. 122, оп. 1, д. 2949, л. 5об.

⁴ Ф. 122, оп. 1, д. 1253, л. 12-13.

⁵ См. подробнее: Залевская Е.Н. Губернии Верхнего Поволжья на Всероссийских и региональных экономических выставках 1829-1861 гг. – Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Ярославль, 2010.

⁶ Ф. 122, оп. 1, д. 1253, л. 8 об.-9.

⁷ Ф. 122, оп. 1, д. 2357, л. 11-11об.

⁸ Ф. 122, оп. 1, д. 2357, л. 17-17об.

⁹ Ф. 122, оп. 1, д. 1253, л. 11об.

¹⁰ Обзор Костромской губернии за 1895 год. Приложение к всеподданнейшему отчету Костромского губернатора. – С. 5.

¹¹ Обзор Костромской губернии за 1896 год. Приложение к всеподданнейшему отчету Костромского губернатора. – С. 3.

¹² Там же. – С. 4.

Брошь «Медуза».
Изделие красносельских ювелиров-кустарей.

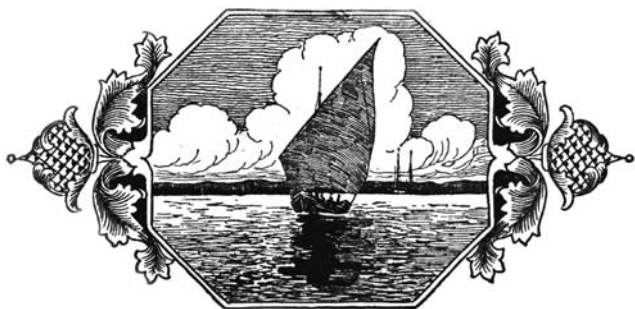

Подсвечник. Изделие красносельских ювелиров.

Пряничная доска и деревянный ковш из с. Молвитино.

Путешествие по Волге

Из писем к приятелю

Детство и юность писателя Василия Розанова прошли на волжских берегах, в Костроме и Нижнем Новгороде. «Всё на Волге мягко, широко, хорошо, – писал он в очерке «Русский Нил». Побывали в верхневолжских городах и драматург Александр Островский, и академики Григорий и Никанор Чернецовы, и писатель Александр Дюма. Страницы из их дневников и воспоминаний о путешествиях по Волге в «Губернском доме» уже публиковались.

Сегодня вниманию читателей предлагается путевой очерк **К.Д. Ушинского «Путешествие по Волге»**. Основой для написания его послужили впечатления от поездки автора летом 1860 года от Петербурга до Твери по железной дороге и далее до Нижнего Новгорода по Волге. Эта публикация появилась впервые во втором издании «Детского мира» в 1861 году, описание пути сделано в форме трех писем к приятелю.

Публикуется в сокращении.

От Петербурга до Твери. Письмо первое

<...> Рано утром мы приехали в Тверь, и городской извозчик перевез меня в город, отстоящий довольно далеко от станции железной дороги, в гостиницу, стоящую на берегу Волги. С большим нетерпением побежал я взглянуть на царицу европейских рек, которая на 1070 верст длинней Рейна и на 630 верст длинней Дуная. Пришел на набережную и увидел очень неширокую и очень неполноводную реку втрое уже и беднее водой нашей прекрасной Невы: ширина Волги у Твери не более 100 сажен. Тверь – чистенький городок, а множество очень старинных церквей и монастырей говорят красноречиво о древности бывшей столицы великого кня-

жества Тверского, соперничавшей когда-то с Великим Новгородом.

Множество тяжело нагруженных барок и 5–6 пароходов стояли у пристани. Мне сказали, что готовится целый караван барок для отправки в Петербург по Вышневолоцкой системе рек и каналов. Но я, к стыду моему, не заметил даже Тверцы, которая впадает в Волгу у самой Твери и вверх по которой идут барки до Вышневолоцкого канала, соединяющего Тверцу с рекой Метью, впадающей в Ильмень.

Через полчаса пароход наш уже отчалил и понесся – нельзя сказать, чтобы очень быстро – вниз по реке: «вниз по матушке по Волге». Пассажи-

ров было много; они не успели еще усесться, суетились, возились с вещами.

Волга не только не широка, но и не глубока; на ней множество мелей, на которые попасть неприятно. Волжские лоцманы, провожающие суда и пароходы по Волге, должны быть люди очень опытные и зоркие, должны хорошо знать фарватер Волги и быть на стороже каждую минуту, чтобы избежать бесчисленного числа скрывающихся под водой мелей, которые к тому же после весенних разливов, несущих песок, ил и карчи, очень часто меняют свое место и появляются там, где их еще в прошлом году не было. На пароходу я встретился с знакомым мне

почтенным стариком, купцом, барки которого ежегодно совершают путешествие из Саратова и Нижнего до Петербурга, и который приходит в восторг при одном имени Волги: не оттого ли, что она выстроила ему в Петербурге три громадные каменные дома?

– Не широка же ваша хваленая Волга, – сказал я купцу, с намерением вызвать его на беседу.

– Вы бы заехали еще повыше, к самому Иордану, – сказал он с маленькой досадой, – там можно, пожалуй, и перешагнуть через Волгу.

– Что это за Иордан? – спросил я, – конечно, это не знаменитая река Палестины?

– Иорданом называется, отвечал мне купец, родник, обделанный в колодезь, из которого берет начало свое Волга. Этот колодезь находится в Осташковском уезде Тверской губернии, при деревне, которую и зовут Волгино. Там Волга маленький ручеек – и только. Но через несколько же верст, благодаря множеству впадающих в нее ручейков, обилию болот и множеству больших и малых озер, которые она протекает, Волга становится очень порядочной рекой. Особенно много воды дает Волге озеро Селигер, из которого под Осташковым вытекает небольшая речка Селижаровка, впадающая в Волгу. Здесь уж Волга и в меженное время имеет сажень 20 в ширину. Когда же вольются в Волгу Вазуза с Гжатью, тогда она становится порядочной судоходной рекой, по которой ходят довольно большие барки <...>

Село Кимры Тверской губернии. Конец XIX века.

Набережная реки Волги и пристань. Тверь. Конец XIX века.

Город Калязин Тверской губернии. 1867 год.

От Твери до Нижнего. Письмо второе

<...> От Твери до Рыбинска я видел мало замечательного. Берега Волги, впрочем, довольно живописны и холмы появляются то на правой, то на левой ее стороне. Прибрежные села велики и красивы, во многих местах старинные каменные церкви. По всему видно, что здесь давно живут люди и живут недурно, благодаря кормилице-Волге. Одно из этих сел, Кимры, замечательно тем, что в нем и вокруг него, верст на 60, живут все сапожники, произведениями которых набиты наши гостиные дворы. Говорят, что в двенадцатом году кимряне успевали снабжать обувь всю нашу армию. И в других селах, почти в каждом, есть свой особенный промысел, переходящий наследственно от отцов к детям.

Наконец, мы у Ярославля. Какой это хорошенький, чистенький городок, когда смотришь на него с Волги! Над широкой рекой возвышается крутой берег, словно высокий крепостной вал. Шесть лоцин прорезывают берег. По этим лощинам, выложенным камнем, очень удобно подыматься в город: через них по набережной перекинута красивые мостики. С Волги из-за дерев бульвара, идущего по набережной, видна только передняя часть города с красивыми строениями, над которыми царят высокие колокольни пятидесяти двух церквей, по большей части очень старин-

Пристань в Ярославле. 1890 год.

ных. На крутом мысу, который образуется при впадении реки Которосли в Волгу, белеет в зелени деревьев красивое здание Демидовского лицея. На левом, луговом берегу Волги видна еще значительная часть Ярославля; говорят, что во время разлива по улицам этой части можно плавать на лодках. Пароход наш оставался у ярославской пристани более часа, и я воспользовался этим временем, чтобы побывать в городе, столь заманчивом издали. Улицы Ярославля красивы, но ни на улицах, ни на хорошеньком бульваре почти не видать людей; посреди огромной пустынной площади, которую окружают лицей и присутственные места, стоят старинный собор и сильно попорченный памятник основателю лицея, Демидову. Говорят однако, что Ярославль –

торговый и промышленный город, замечательный своими полотняными фабриками и обширной торговлей, но, тем не менее, он показался мне пустынным.

В устьях Которосли стояло множество судов. Которосль небольшая, но довольно доходная речка выходит в Ярославской же губернии из Ростовского озера (по-фински Неро). Богатые черноземом берега озера вызвали у жителей Ростова, – города очень древнего, построенного еще финнами, – особую промышленность, огородничество, которой ростовцы славятся во всей России. Ростовские огородники не только развозят далеко произведения своих огородов, сушеный сахарный горошек, бобы и проч., но снимают огороды в столицах и больших городах. Все петербургские огородники большей частью – ростовцы.

Есть предание, что город Ярославль основан великим князем Киевским Ярославом Мудрым, который будто бы на этом месте, где был тогда глухой лес, убил огромного медведя. Так это или нет – поверить трудно; но медведь попал в герб Ярославской губернии.

Ярославцы известны по всей России своей ловкостью, сметливостью, необыкновенными способностями к промышленности и торговле. Трудно найти в России трактир, где бы из-за прилавка не выглядывала веселая физио-

номия ярославца. В большей части петербургских и московских мелочных лавок и хозяин, и мальчик – ярославцы. Говорят также, что в Ярославле выделывают очень много иностранных вин из астраханского и кизлярского чихиря.

Скажу при этом случае и о других больших судах, встречавшихся мне на Волге: мокшаны, строящиеся на реке Мокше, более 20 сажений в длину и поднимают до 40 000 пудов груза; гусянки везут на себе до 30 000, суряки, приходящие из Суры, до 20 000, барки до 12 000, коломенки до 8000, досчаники до 1000. Рабочих на большом судне бывает более 100 человек; на небольших – от 4 до 10. Пять, шесть человек тащат по берегу за канат, привязанный к мачте, судно с грузом тысячи в четыре пудов. Разочти-ка, сколько нужно было бы лошадей, телег и людей, чтобы вести такой груз сухим путем, и по этому суди о благодеении, которое оказывает людям Волга и другие водные пути. Люди, взявшие на себя доставить судно, составляют артель. Главные лица в артели: лоцман, который должен хорошо знать Волгу, чтобы не посадить судно на мель; водолив, заведывающий хозяйством судна, и кашевар, которого выбирает артель для неприхотливой стряпни. Все эти суда, исключая машин, называются парусными, потому что при попутном ветре идут на парусах; но такой попутный и сильный ветер случается редко. Большею же ча-

Демидовский лицей на берегу Волги. Ярославль. Конец XIX века.

Перевозная пристань. Ярославль. 1880 год.

Набережная. Ярославль. 1880 год.

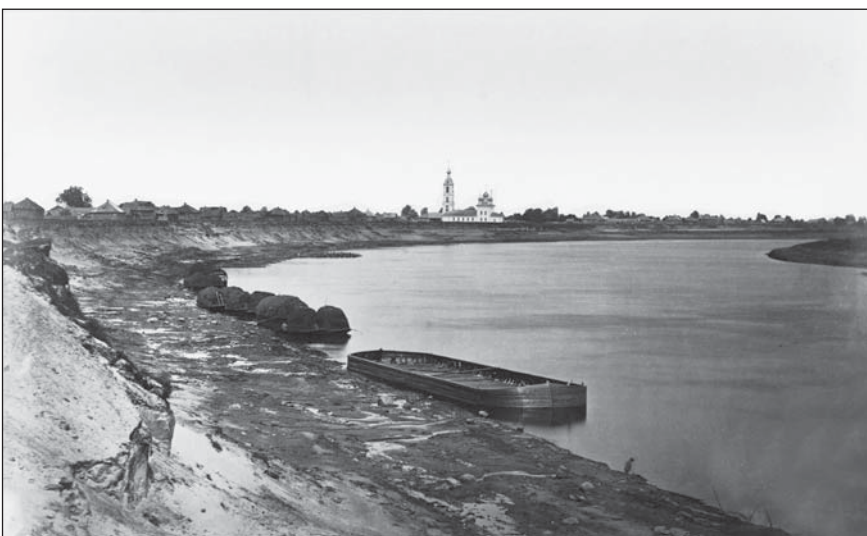

Город Углич Ярославской губернии. Конец XIX века.

Город Мышкин Ярославской губернии. Конец XIX века.

Город Молога Ярославской губернии. Конец XIX века.

стью суда тянутся бурлаками, иногда с помощью лошадей. Бурлаки, надев на себя лямку, привязанную к канату, тянут судно за мачту и тихо, тяжело, утешая себя грустными песнями, идут по берегу. Тяжела эта работа и неприбыльна: по большей части бурлак, дотащив судно от Саратова или Нижнего до Рыбинска, проест дорогой все свое небольшое жалованье и возвращается домой, за тысячи верст, пешком и без гроша в кармане. Странно, что все эти бурлаки большей частью из приволжских, низовых губерний, где земля так хороша и земли так много. Но эти люди любят бродячую жизнь, и охотно оставляют свои дома и поля. К счастью, впрочем, пароходы подрывают теперь сильно бурлацкий промысел, и скоро заставят, может быть, бурлаков сидеть дома и пахать землю. Грустно смотреть, как эти люди, оборванные, обожженные солнцем и ветром, грудью напирая на лямку, пробираясь по берегу, то песчаному, то каменистому, то обрывистому, то заросшему кустами. Одна партия сменяет другую, которая идет отдыхать на барку, и судно беспрестанно подвигается медленно, чуть заметно. Неужели эти люди, эти заросшие головы, эти черные груди, в которых также бьется человеческое сердце, неспособны ни к чему лучшему, кроме этой лошадиной работы, от которой в других странах даже и лошадей освободил теперь благодетельный пар?

<...> Понятно, как радуются бурлаки, когда сильный попут-

ный ветер надует громадные паруса судна, белые полотняные, иногда рогожные, и сам потащит судно вверх, освобождая бурлаков от труда. Подъезжая к Костроме, я видел прекрасную картину: десятки громадных судов, окрыленных белыми парусами, поднимались вверх по реке и казались издали какими-то чудовищными птицами; бурлаки спали на палубах, раскинувшись в самых живописных позах, другие горланили какую-то песню <...>

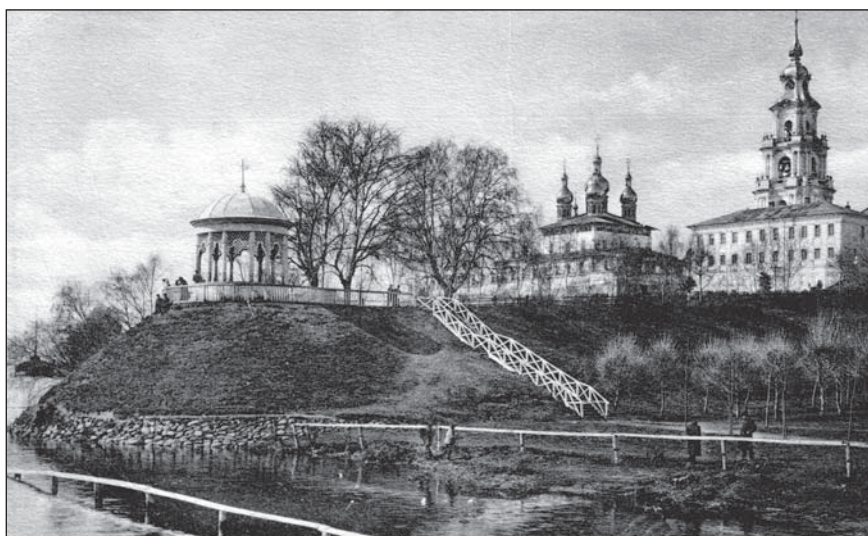
От Костромы до Нижнего Волга становится все красивее; громадные села, часто с несколькими каменными церквями, не в пример больше, богаче и промышленней многих уездных городов, виднеются на холмах, подымающихся то на правом, то на левом берегу Волги. Многие из этих сел славятся своими изделиями: так, в селе Святом выделяется отличное полотно и обрабатывается превосходный лен; села Сидоровское и Пожня работают различные крестьянские украшения – серьги, кольца и проч.; в Плесе выделяются хорошие топоры, расходящиеся отсюда далеко по России. Мы ночевали в Плесе. Это заштатный и очень древний город, расположенный на живописном гористом берегу. Здесь русские в 1540 году разбили татар, пробиравшихся к Костроме; здесь костромичи в 1612 году встретили Минина и Пожарского, шедших на освобождение Москвы. Здесь почти каждое село чем-нибудь да замечательно, или в историческом, или в промышленном отношении.

Кострома. Ипатьевский монастырь. Конец XIX века.

Кострома. Набережная. Конец XIX века.

Успенский собор и беседка на берегу Волги. Кострома. Конец XIX века.

Город Плѣс Костромской губернии. Конец XIX века.

Вообще надобно заметить, что приволжские города и села, а часто и целые округа сел и деревень дружно разделили между собой различные отрасли промышленности: в одном все занимаются тканьем полотна, в другом – тачают сапоги, в третьем – куют топоры; там целое село сбивает бочки, ушаты, ведра, а там все выделывают ножи; там топят сало, делают свечи, а там целые села занимаются постройкой судов; жители одной местности идут в извоз, жители другой – прирожденные бурлаки, жители третьей – лоцманы; а Волга с ее бесчисленными притоками соединяет все эти промышленные и ремесленные города и села в один громадный город, работающий на всю Россию.

По дороге от Костромы до Нижнего многие местности ознаменованы битвами или с татарами, или с поляками. Замечательны в этом отношении город Кинешма и находящаяся в верстах двадцати от

нее слобода Решма. Кинешма и Решма не хотели признать власти поляков и были разорены до тла. Видно вообще по всему, что в этой приволжской стороне жили истинно русские люди, которые лучше хотели умирать, чем признавать над собой ненавистную власть. Недалеко за Решмой впадает в Волгу судоходная река Унжа, берущая свое начало в лесах Вологодской губернии. По Унже сплавляют в Волгу большое количество строевого леса, барок, смолы и дегтя.

Против устья Унжи, на крутизнах гористого правого берега Волги, стоит старинный, теперь незамечательный и бедный город, Юрьевец-Поволжский, также разоренный сначала татарами, а потом поляками. Жители его занимаются постройкой судов. Судостроение вообще составляет главный промысел приволжских сел, недалеко от Нижнего. Посад Пучеж гораздо богаче города Юрьев-

ца. На границе Нижегородской губернии замечательно также село Катунка, в котором выделяются опойки. В огромном селе Городце, с его приселками, более семи тысяч жителей. Недалеке от него расположены, на горе Оползень, остатки валов старого Городца. На этой горе, по преданию, ночью будто бы горят огоньки на забытых могилах князей городецких. Про другую городецкую гору, Кириллову, один из пассажиров рассказал нам довольно поэтическое предание.

– Если, – говорил он, – мимо Кирилловой горы ранним утром проходит судно, на котором все люди благочестивы, то Кириллова гора раскрывается, и на нее выходят старые монахи, кланяются и просят свезти поклон братьям их, жигулевским старцам (Жигули, или Жигулевские горы, расположенные на правом берегу Волги, в Симбирской губернии). Подъезжая к Жигулям, стоит только крикнуть: «жигулевские братья, шлют вам поклон старцы Кирилловой горы», – тогда расступаются жигулевские горы, из них выходят старые монахи и кланяются до земли.

От Юрьевца-Поволжского Волга поворачивает почти прямо на юг и далее с каждым часом езды воздух заметно становится теплее и теплее, холмистые берега зеленее, цветистее, леса и рощи полнее, гуще и разнообразнее; хвойных деревьев видно менее, дуб и липа встречаются чаще и растут роскошней. Правый гористый берег Волги здесь иногда чрезвычайно живописен <...>

Нижний Новгород. Письмо третье

<...> Скоро увидели издали Нижний. Это было рано утром. Какой-то прозрачный пар стоял над Волгой, и сквозь него заблестели главы множества старинных церквей и верхушки крепостных башен. Скоро показался и весь город, стоящий на довольно высокой и крутой горе, у подошвы которой сливаются две большие реки – Волга и Ока; последняя показалась мне здесь немногим уже Волги. Целый лес мачт, дымящиеся трубы пароходов, множество пристаней, толпы народа, суетившегося на берегу, – все это придавало чрезвычайно оживленный вид Нижнему. Странно только, что у Нижнего почти не существует искусственной набережной, и что люди и лошади на пристани тонут в грязи.

По крутой, довольно неудобной дороге вывез меня извозчик на высокую гору, на которой расположен верхний город. Улицы в Нижнем показались мне такими же пустыми, как и в Ярославле. Плохая, грязная, но дорогая гостиница дала мне на время приют. Половой, впрочем, утешал меня, говоря, что во время ярмарки я за ту же самую комнату заплатил бы в пять раз дороже.

Переодевшись, поспешил я прежде всего в Нижегородский Кремль. Его древняя стена и многочисленные, красивые башни манили меня еще издали. С почтением взглянул я на старинный

Нижний Новгород. Мост через Волгу. Конец XIX века.

Спасо-Преображенский собор, существующий уже более 600 лет. Сколько великих исторических событий видел этот собор на своем веку! В склепе под собором, среди гробниц князей и епископов, стоит гробница простого человека, нижегородского мя-

сника, Козьмы Захаровича Минина-Сухорукого. Посетив здешнюю соборную усыпальницу, Петр Великий поклонился до земли гробнице Минина и сказал: «Здесь лежит избавитель России». Другие императоры и императрицы наши, бывавшие в Нижнем, не забы-

Нижний Новгород. Александровский сад. Конец XIX века.

вали также гробницы нижегородского мясника. На площади Кремля, теперь пустынной, совершилось великое событие, положившее начало победоносному выходу России из тяжкой години междуцарствия, – когда толпы поляков и шайки разбойников расхаживали по ней из конца в конец, города и села обливались кровью, пылали или уже лежали в развалинах, оставленные жителями; когда самое сердце России, Москва, была в руках наглых пришельцев; когда, наконец, русский народ еще существовал, но русского государства уже не было. В это безотрадное время великая и необычайно смелая мысль зародилась в уме простого нижегородского ремесленника. Он задумал спасти Россию ее собственными силами, любовью русского народа, не призывая на помощь никаких иностранцев. Нижегородцы знали Минина за честного, простодушного, умного человека; но подозревал ли кто-нибудь, что в этом простом человеке скрывается герой, имя которого переживет века? Когда Минин начал говорить о необходимости спасти отечество, то в его словах было столько силы, столько любви к родной стране, что они подействовали на слушавших, тем более, что все чувствовали то же, о чем Минин стал говорить громко. Сюда, на эту площадь, стекались нижегородцы толпами, принося все свое имущество на дело спасения отчизны; отсюда отправились они освобождать Москву. В память этого величайшего собы-

тия русской истории стоит теперь на кремлевской площади весьма небольшой и не очень красивый памятник; но такие события не нуждаются в величественных памятниках: никто их и без памятников не забудет.

Внизу, под горой, на которой стоит Кремль, расположен нижний город, показавшийся мне гораздо оживленнее верхнего. Устья Оки почти не видно за множеством судов. На другом, плоском берегу ее расположены ярмарочные здания, между которыми шевелилось множество народа, хотя знаменитая ярмарка еще не начиналась. Но какой очаровательный вид открывается вдаль, вниз и вверх по Волге и на ее луговую сторону, которой, кажется, и конца нет!

...Не знаю, долго ли бы я просидел так, если бы чья-то мощная рука не налегла мне на плечо. Я оглянулся: это был мой знакомый старик, пестербургский купец.

– Ну, что скажете вы теперь о матушке-Волге? – спросил он меня с улыбкой.

– Удивительно, превосходно! Чудная река! – отвечал я ему, – я сижу здесь уже целый час, и не могу решиться уйти.

– Это понятно: вы в первый раз видите Волгу в Нижнем. Я вырос и состарился на Волге, я проехал ее с верху до низу, и снизу вверх бесчисленное число раз; мало этого – что греха таить? былъ молодцу не укор, истоптал двоими ногами все берега Волги: а между тем, всякий раз, как бываю в Нижнем и взойду вот сюда, на стену, то смотрю, смотрю, – и не могу насмотреться, не могу

отвести глаз! А в разлив, когда затопит водой вот всю ту луговую сторону Волги, – это просто море. Недурно также взглянуть на ярмарочную площадь в июле и августе; тут, батюшка мой, тогда всякого народу и всякого товара, чего только душа пожелает. Не говоря уже о наших русских, которые съезжаются на Макарьевскую ярмарку из всех самых отдаленных губерний; чего только и кого здесь не бывает! И немцы-то из-за границы, и татары, и турки, греки, армяне, бухарцы, персияне, башкирцы, киргизы, калмыки. И всякий-то свой товар везет на Макарьевскую, и всякий с другим товаром уезжает. Какие тут миллионы ворочаются! Иной раз товару миллионов на 70 серебром навезут и миллионов на 50 продадут. Кроме того, на Макарьевской же многие торговцы сводят свои годовые, миллионные счета: долги платят, долги получают, товаром ли, деньгами ли.

– Почему Нижегородская ярмарка называется Макарьевской?

– Потому что в 1818 году эта ярмарка переведена в Нижний из Макарьева. Я сам еще ездил в Макарьев на ярмарку и привык называть ее по-прежнему.

– Мне бы хотелось знать, – сказал я, смотря вдаль на уходящую из глаз Волгу – какова-то Волга там, дальше?

– За Нижним она почти нигде уже версты не бывает; правый берег ее крут и высок, левый – низменный, ровный и называется луговым, или просто луговой, потому что

по нему стелются бесконечные и богатые луга. Как выходить Волге из Нижегородской губернии, тут впадают в нее две довольно большие реки: с левой стороны Ветлуга, с правой Сура. Ветлуга – это лыковая река: по ней каждое лето сплавляется множество лубья, лык, мочал, рогож.

– Неважный товар, – заметил я с улыбкой.

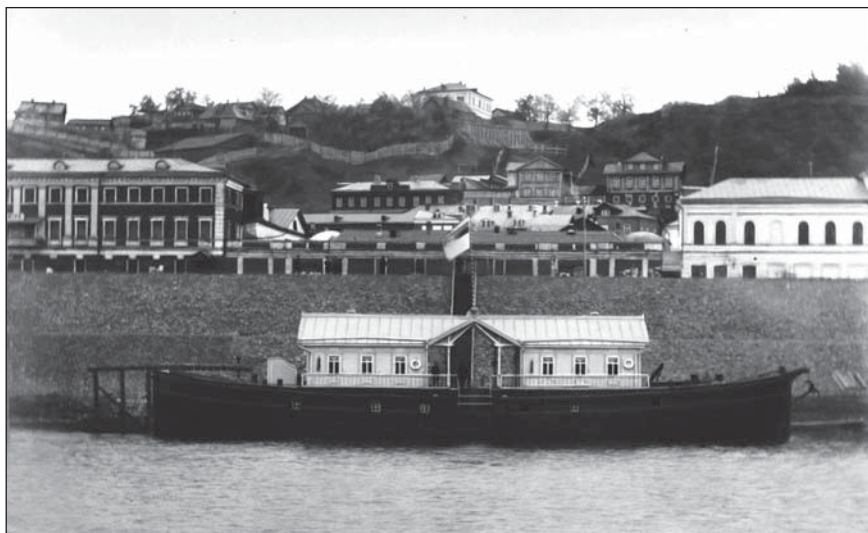
– Ну, не говорите. Товар, конечно, не дорогой, но много его надобно: на коробки, на рогожи, на лапти, и в иной год на Макарьевскую ярмарку привозят этого товару на полтора-два тысяч рублей серебром и более.

– Из чего же делают лыко?

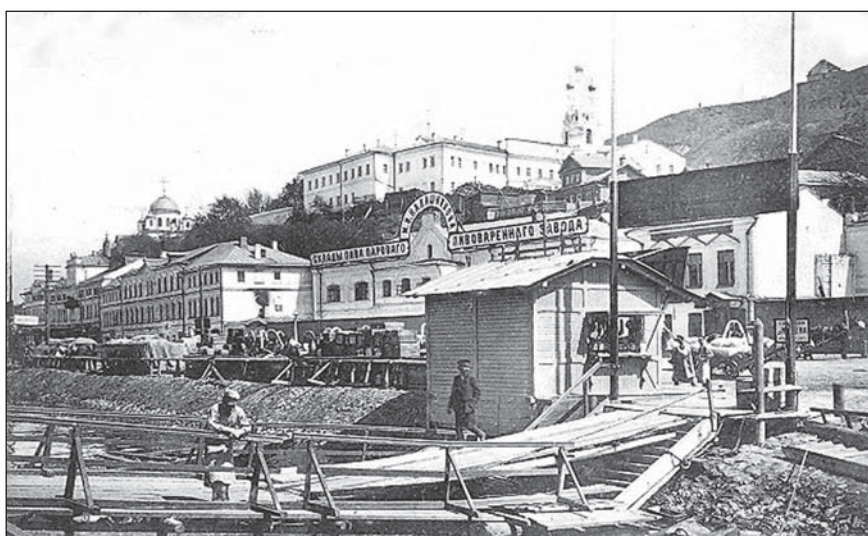
– Из луба молодых липовых деревьев; весной надрезывают на молодых липах кору, и она потом легко сдирается, а под ней лежит луб, из которого выходит и лыко, и лубье для коробок; мочало же делается из луба с веток; потом лыко мочат в воде, а к осени вынимают и сушат. Вот и все производство, а много людей живут этим нехитрым промыслом! По берегам Ветлуги целые леса лип, и на лыко идет только молодой лес, который скоро опять вырастает <...>

<...> Пора мне кончить к тебе письмо, а то, пожалуй, его и в пакет не упрячешь. Прощай, будь здоров, и при первой возможности поезжай сам взглянуть на Волгу.

*Публикация подготовлена
Т.А. СВЕШНИКОВОЙ.*

Казенная пристань. Нижний Новгород. Конец XIX века.

Благовещенская слобода. Нижний Новгород. Конец XIX века.

Макарьевский монастырь. Нижний Новгород. 1890 год.

Лариса Сизинцева,
кандидат культурологии,
доцент КГТУ

ШКОЛЬНЫЕ ЭКСКУРСИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Волга с конца XIX в. стала одним из самых бойких экскурсионных и туристских маршрутов. В 1896 г. все взгляды жителей Российской империи были прикованы к Нижнему Новгороду, где в тот год проходила XVI Всероссийская промышленная и художественная выставка. Школьные экскурсии в это время только набирали обороты, и невиданное зрелище привлекло внимание их организаторов.

Выставка была пропитана пафосом технического прогресса: в городе был пущен первый в России электрический трамвай, устроены фуникулёры («элеваторы»), на которых можно было подняться из нижней части города в верхнюю, выставочная территория общей площадью около 50 000 м² была освещена электричеством и прорезана круговой электрической дорогой. В павильонах выставки экспонировались первый русский автомобиль и радиоприемник, стальные сетчатые конструкции, в том числе уникальная ротонда Шухова и многие другие достижения отечественной науки и техники.

183 маршрута железнодорожного и водного транспорта были устроены до Нижнего Новгорода специально для посетителей выставки, проезд

Костромская мужская гимназия. Нач. XX века.

по ним оплачивался по льготным тарифам, а для рабочих и учащихся проезд на выставку был бесплатным, чем и воспользовались многие учебные заведения. За 125 дней проведения выставки её посетили чуть менее миллиона человек, причем рабочие, учащиеся и народные учителя посещали выставку бесплатно¹.

Для многих учебных заведений, как столичных, так и провинциальных, поездки на нижегородскую выставку стали первым опытом организации экскурсий по стране, тем более, что льготы не требовали дополнительных хлопот со стороны организаторов. Было общепризнанным, что

выставку нельзя осмотреть за один день, и группы учащихся осматривали её в течение недели. Некоторые совместили поездку на выставку с посещением других городов, в первую очередь тех, что находились на волжском пути группы. Выставка стала заметным импульсом в распространении поездок по России вообще и по Волге – в частности.

Первые сведения о дальнейшей поездке костромских гимназистов относятся к 1901 году: «2 июня, в 3 часа дня, воспитанники местной гимназии в числе 23 человек, во главе со своим преподавателем – руководителем экскурсии В.А. Андрониковым от-

правились вниз по Волге до Казани. По дороге они предполагают остановиться на 1-2 дня в Нижнем Новгороде для осмотра достопримечательностей города»². Все элементы дальней экскурсии, которые со временем будут нормой для школьных путешествий, присутствовали: «Во время пути устроитель поездки познакомит учеников с историческими, географическими и этнографическими данными, относящимися к местностям, лежащим на берегу Волги. В Нижнем Новгороде и в Казани молодым туристам будет предоставлено учебным начальством бесплатное помещение в местных гимназиях. Путешествие свое они совершат на пароходах Микашиной, любезно сделавшей большую скидку с провозной платы и предоставившей им всякие удобства»³.

Чуть позже та же газета сообщила о благополучном продолжении поездки, поскольку 5 июня из Нижнего вернулся сопровождавший их инспектор костромской гимназии. «Молодые путешественники, по его словам, вполне здоровы, веселы и увлечены своей поездкой. Они с восторгом рассказывали о своем путешествии до Нижнего и о том радушном приеме, который они встретили со стороны начальства дворянского института Императора Александра II, где они нашли себе приют во время своего пребывания в Нижнем Новгороде. Руководитель поездки В.А. Андроников с большой похвалой отзывается о неослабевающей

Здание Григоровской гимназии. Нач XX века.

заботливости агентов пароходства Микашиной, о доставлении всевозможных удобств экскурсантам, которым при отъезде в Казань опять были отведены отдельные каюты»⁴. На обратном пути путешественники предполагали «опять остановиться в Нижнем для того, чтобы оттуда съездить в Сормово, и вернуться в Кострому, вероятно, 12 числа»⁵, но найти сообщения о завершении поездки не удалось.

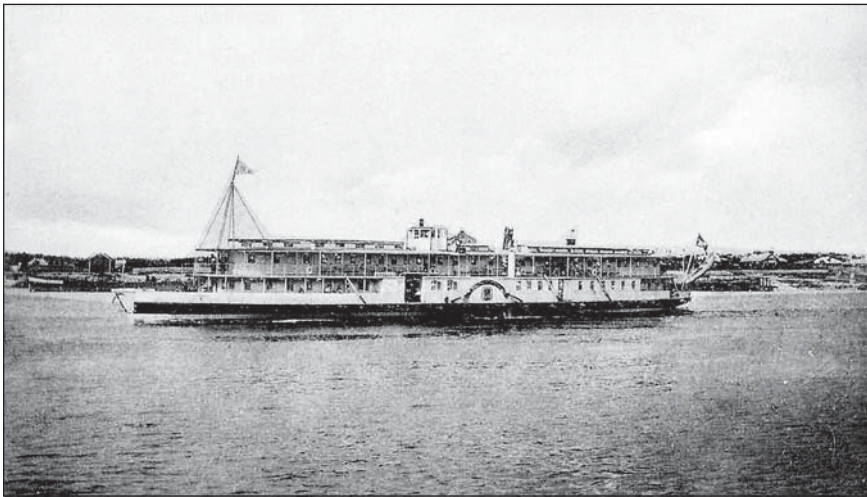
Однако почин был явно удачным, потому что в 1903 г. по их маршруту собираются отправиться уже и гимназистки: «Начальница Григоровской гимназии предложила воспитанницам совершить нынешним летом образовательную прогулку на пароходе вниз по Волге до г. Казани, с остановкою для осмотра более выдающихся попутных Волжских городов. Многие из воспитанниц изъявили свое желание, так как расход на проезд до Казани туда и обратно и за проживание не превышал 10 руб.»⁶.

Так же, как и о путешествиях костромских гимназистов, местные газеты поначалу регулярно сообщали о группах учащихся, посетивших город проездом.

Так, газета «Поволжский вестник» в 1908 г. сообщала подробности пребывания в Костроме 36-ти выпускниц Вологодского епархиального женского училища: «С пароходной пристани экскурсантки проследовали в женское епархиальное училище, где им был приготовлен ночлег.

Следующий день экскурсантки посвятили обзору Костромы: посетили кафедральный собор, при обозрении которого пользовались объяснениями прот. И.Я. Сырцова, памятник Сусанину, Ипатьевский монастырь, палаты царя Михаила Федоровича; здесь экскурсантки, руководимые о. игуменом Павлом, обозрели Троицкий собор и монастырскую ризницу. На обратном пути из монастыря экскурсантки, несмотря на крайнюю усталость, выра-

Пароход «Князь Василий Костромской» общества «Самолёт».

зили неперенное желание познакомиться с устройством и организацией фабрик, почему руководителями экскурсии и было получено разрешение на обозрение фабрики бр. Зотовых. Юные экскурсантки, из которых многие видели фабрики лишь впервые, очень заинтересовались льнопрядением и дальнейшей обработкой льняной пряжи.

Вернувшись около 3¹/₂ ч. дня в епархиальное училище, экскурсантки отобедали и затем около 7 ч. вечера отправились

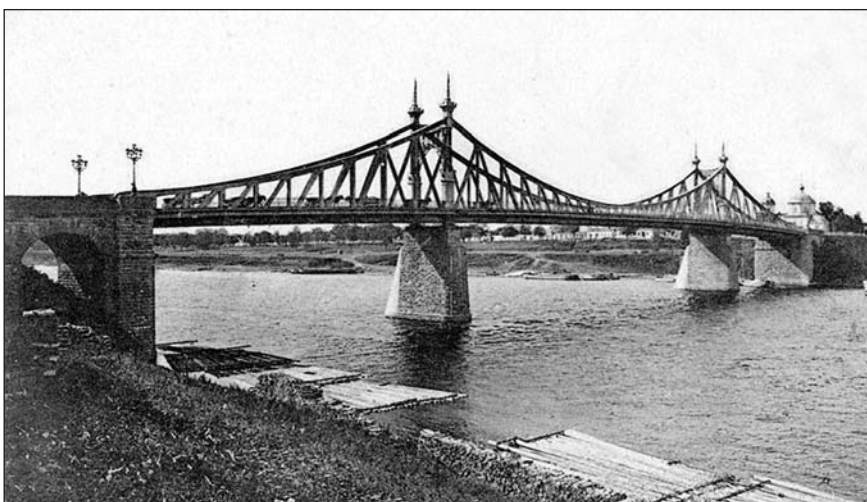
в Романовский археологический музей; здесь внимание экскурсанток наиболее было затронуто этнографическим отделом и предметами, добытыми при раскопках»⁷.

По мере развития экскурсионного движения число сообщений о подобных посещениях в периодической печати сокращалось. Начальники учебных заведений, обращавшихся к директору 1-й Костромской мужской гимназии, уже даже не просили показать город. Директор Кишиневской

2-й мужской гимназии имени наследника цесаревича Алексея Николаевича, воспитанники которого должны были остановиться в Костроме во время путешествия по Волге 29-30 июля 1914 г. «для осмотра памятников ее славного прошлого», писал: «я вынужден покорнейше просить Ваше Превосходительство не отказать мне и сопровождающим меня экскурсантам в разрешении провести одну ночь в здании вверенной Вам гимназии, хотя бы в самом тесном помещении. При этом я, конечно, далек от мысли о предоставлении мне и моим спутникам чего-либо, кроме помещения»⁸.

В фонде 2-й мужской гимназии, директор которой, А.Н. Рождественский, возглавлял Костромскую экскурсионную комиссию, сохранилось «Дело об ученических экскурсиях». В его составе – многочисленные запросы, поступающие на его имя из разных учебных заведений Российской империи, Санкт-Петербурга, Москвы, Рыбинска, Вятки, Нижнего Новгорода, Ревеля и других городов, Бессарабской, Таврической, Казанской, Полтавской и других губерний⁹. Документы дела относятся к 1911/12 учебному году. Возможно, такие же дела за другие учебные годы сгорели в пожаре Костромского архива в 1982 году.

Учебные заведения городов, лежащих на Волге, не только принимали гостей, но и сами отправляли своих питомцев в путешествие по великой реке. Так, летом 1913-го года воспитанники Нижегородского Дворянского

Тверь. Мост через Волгу. Открытка нач. XX века.

Института императора Александра II совершили экскурсию на Кавказ, значительная часть которой, от Нижнего до Царицына, проходила по Волге. В отчёте, предоставленном организаторами экскурсии в Московский учебный округ, условия путешествия описывались так: «Экскурсанты заняли на пароходе места в III классе, которые, по распоряжению администрации Пароходства, были отделены от остального помещения III класса брезентом. В течение дня экскурсантам было предоставлено право пользоваться общими помещениями I и II классов. В течение 4 дней поездки по Волге экскурсанты большую часть времени проводили на палубе парохода, любясь красотами великой русской реки»¹⁰.

В том же деле – подробный отчёт о деятельности Общества организации путешествий учеников Тверской гимназии за 1911-1912 г., которое к этому времени существовало уже десятый год. С Волги Общество начинало свою экскурсионную деятельность в 1903 году, пройдя по ней часть маршрута «Тверь – Кузнецово – Углич – Рыбинск – Ярославль – Ростов – Троицкая лавра – Москва – Тверь»¹¹. В 1907 г. гимназисты и их преподаватели проделали по Волге часть маршрута (до Астрахани) по пути на Кавказ.

Таким образом, можно сказать, что дальние ученические экскурсии начинались в 1890-х годах как экстраординарные события, которые освещались в местной периодике, подготовка их

Тверь. Мужская гимназия. Нач. XX века.

осуществлялась на уровне высокопоставленных чиновников губернии, пояснения на экскурсиях давались лучшими специалистами губернии. В середине 1910-х годов подобные путешествия стали нормой, их количество значительно увеличилось. Условия ночлега, предоставляемого местными учебными заведениями, были самыми скромными. Речь о найме помещения в гостиницах или других подобных заведениях не заходила. Питание в пути было более чем умеренным, его старались организовать либо на пароходах, где кампанией предоставлялась скидка, либо в самых дешевых предприятиях общественного питания (при условии предоставления скидок). Чаще всего довольствовались взятыми с собой или купленными в пути продуктами. Желательным (но не обязательным) условием пребывания в месте ночлега был самовар с кипятком и чайная посуда. Но всё же путешествия продолжали манить учащихся и учащихся, и Волга для

многих становилась дорогой от абстрактных знаний, полученных в классе, – к настоящей, не высушенной жизни.

Примечания

¹ Всероссийская выставка в Нижнем Новгороде (1896) [Электронный ресурс] // Википедия. – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

² Экскурсия гимназистов // Костромской листок. 1901. №61. 3 июня. С.2.

³ Там же.

⁴ Поездка гимназистов// Костромской листок. – 1901. -№63.-8 июня.- С.2.

⁵ Там же.

⁶ Предполагаемые образовательные прогулки //Костромской листок. – 1903. – №54. –11 мая. – С.2.

⁷ Поволжский вестник. 1908. №648. 1 июля, с.3.

⁸ ГАКО. Ф.429. Б/ш. Д.41. Л.99-99 об.

⁹ ГАКО. Ф. 430. Оп.1. Д. 43

¹⁰ Отчёт об экскурсии воспитанников Нижегородского Дворянского Института императора Александра II на Кавказ в течение летних каникул 1913-го года // ЦИАМ. ф.459 оп.3 д.6286. Л.3.

¹¹ Отчёт общества организации путешествий учеников Тверской гимназии за 1911-1912 г. (десятый год его существования). Экскурсия на Кавказ под руководством директора гимназии П.П. Чернышева. Тверь : типо-лит. Н.М. Родионова, 1912. 54 с. : ил.

Ольга Горохова,
кандидат исторических наук,
библиограф

ЧТЕНИЕ НА ВОДЕ

Какие, думаете, услуги, кроме буфета, предоставлялись пассажирам пароходов, плававших по рекам Костромской губернии в позапрошлом столетии?

Например, по Костроме.

Из «Материалов для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба»: «Истоки реки Костромы начинаются в Солигаличском уезде... В начале своего течения, пробираясь между каменистых гряд, а ниже через леса, р. Кострома в своем течении представляет непрерывный ряд излучин; ширина ея в начале не превышает 5 сажень, но приняв в себя р. Вексу, текущую из Чухломского озера, расширяется до 15 саж., далее, увеличиваясь все более и более от притоков, достигает в Буйском уезде, выше г. Буя, 30 саж., а ниже, по впадении в нея Вексы галичской и Кореги, 50 саж. ширины. Наконец в Костромском уезде ширина реки увеличивается до 150 саж. и не уменьшается нигде менее 100 сажень.

Глубина Костромы в начале, до г. Солигалича, не превышает 2 аршин; далее же значительно увеличивается, так что, за исключени-

ем отмелей, нигде нет менее 3 аршин глубины, а местами доходит до 5 саж. и более.

Поэтому судоходство по Костроме производится весною, в полную воду, от г. Солигалича, а от г. Буя в продолжение всей навигации»¹.

Историк российского речного судоходства писал: «Пионерская деятельность пароходства проявилась в 80 гг. на следующих мелких реках, впервые увидевших пассажирские или буксиропассажирские пароходы: а) на р. Костроме, где в начале десятилетия появился первый пароход «Буй», имевший случайные рейсы до г. Буя (место пересечения р. Костромы Северной жел. дорогой); затем сюда пришел Г.Г. Набатов, открывший срочно-буксирное движение пароходом «Веста» с легкой баржей, а в 1888 г., по приобретении еще двух пассажирских пароходов – «Ваня» и «Мария», установивший уже правильное пассажирское сообщение между Костромой и Буем»².

Судоходство по Костроме, уточним, производилось пароходами, которые принадлежали костромскому купцу первой гильдии, владельцу кожевенного завода, ткац-

кой фабрики и лесопилки и пароходовладельцу, городскому голове (1860-1862, 1871-1882) и потомственному почетному гражданину (1883) Григорию Галактионовичу Набатову (1815-1889)³, затем его внукам, потомственным почетным гражданам Григорию Александровичу (1867-1913) и Александру Александровичу (1873-1909) Набатовым⁴ и носили имена остальных внуков основателя пароходства – «Ваня» (1888, 40 лошадиных сил), «Мария» (1888, 30 л.с.), «Саша» (1890, 15 л.с.) и «Коля» (1890, 15 л.с.)⁵.

Об этих первопроходцах Костромы в начале прошлого столетия упомянул и другой замечательный знаток отечественного речного судоходства: «Костромская паровая флотилия состоит всего из 4 пароходов: «Коля» и «Ваня» принадлежат г. Набатову, «Георгий Победоносец» имеет двух хозяев и «Мария» одного. Главным воротилою пароходства состоит г. Набатов – костромской агент «Общества по Волге». Около «волжской пристани» и ютятся костромские пароходы, причаливают к ней и отчаливают. Здесь же помещается касса паро-

ходства и вывешены широковещательные объявления, расписывающие удобства и прелести костромского пароходства...»⁶

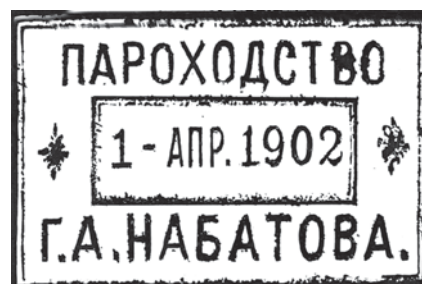
Пассажиров которого ожидало, между тем, приятное открытие: «За одно только следует похвалить г. Набатова: не знаю, как на других пароходах, а на «Коле» есть маленькая библиотека, с отделом даже детских книг. Это – симпатичное новшество, которого не знают пароходы наших «проселочных рек», да и на Волге оно встречается далеко не на всех пароходах»⁷.

В Костроме с тех пор утекло слишком много воды, чтобы эти набатовские библиотечки могли уцелеть, но отдельные их книги все же сохранились в Костромской областной универсальной научной библиотеке.

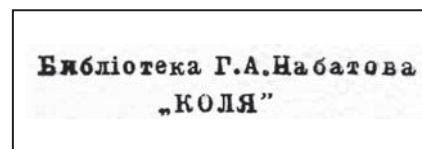
Они устанавливаются по прямоугольным штемпелям размерами 60×42 и 41×28 миллиметров с надписью «Пароходство Г.А. Набатова», причем некоторые из этих книг имеют еще и прямоугольный штемпель размерами 62×9 миллиметров с надписью «Библиотека Г.А. Набатова «Коля», а также тиснение на переплетах в виде литер «Г.Н.»

По нескольким книгам, разумеется, невозможно судить о составе и объеме этих библиотек, но поскольку частные библиотеки в подборе книг были не так

зарегламентированы, как остальные, набатовские пароходные библиотеки, по видимому, удовлетворяли всем вкусам и содержали как русскую («Сочинения» в трех томах Ивана Петровича Мятлева, «Велик Бог Земли Русской! и другие рассказы» Павла Ивановича Якушкина), так и зарубежную (Аларкон П.-А. Повести и рассказы П. Аларкона / перевод с испанского М.В. Ватсон; Жорж Санд «Орас: роман Жоржа Занде»; Феликс Гра «Марсельцы. Повесть из времен французской революции») классику, биографическую (Буланже П.-А. Жизнь и учение Конфуция / со статьей Л.Н. Толстого «Изложение китайского учения»; Ингрэм Д.Х. Царь из дома Давида / перевод с английского Е.М.), этнографическую (Наживин И.Ф. Убогая Русь), краеведческую (Ломан Д.Н. Достопримечательности Санкт-Петербурга: чтения для народа), страноведческую (Вейлерзе Г. Япония наших дней. Социологические этюды), популярную медицинскую (Похитонова М.К. Красота женщины, ее совершенствование и сохранение путем гигиены. С портр. автора и со многими красивыми головками, виньетками и пр.) и бульварную (Басанин М. [Лашеева Л.А.] Новоселковское кладбище: роман) литературу, художественные альбомы (Верещагин В.В. 1812. Пожар Москвы. – Каза-

«Пароходство Г.А. Набатова»
Кн. штемпель, прямоуг.,
41×28 мм.

«Библиотека Г.А. Набатова
«Коля». Кн. штемпель,
прямоуг., 62×9 мм.

ки. – Великая армия. – Маршалы. – Наполеон I)⁸ и пр.

Библиофилом, уступившим Костромскому обществу взаимопомощи лиц, занятых частным трудом, 644 тома книг и 31 том журналов для общественной библиотеки, открывшейся 18 марта 1907 года⁹, являлся младший из братьев Александр Александрович Набатов, а его старший брат Григорий Александрович Набатов был коллекционером предметов искусства и действительным членом Костромской губернской ученой архивной комиссии (25.11.1901), в 1901 году пожертвовавший ей 123 гравюры¹⁰, и Костромского научного общества по изучению местного края с его открытия¹¹.

Сведений о библиотеках других пароходств и пароходов на «проселочных реках», по выражению Оглоблина,

действительно, нет, хотя каталоги книг и книжных знаков волжских пароходств и пароходов имеются¹².

В апреле 1890 года проплывший по Каме от Нижнего Новгорода до Перми на пароходе «Пермь – Нижний» Антон Павлович Чехов сообщил родным: «На пароходе библиотека, и я видел, как прокурор читал мои «В сумерках»¹³.

В июне 1907 года по Волге на пароходе «Князь Юрий Суздальский», построенном в 1897 году на бельгийском заводе «Коккериль» и принадлежавшем волжскому обществу «Самолет»¹⁴, проплыл и Василий Васильевич Розанов.

О новых пароходах общества «Самолёт» сообщалось: «В самом деле, ожидания публики сбылись, и пароходы эти, по своим удобствам и водворившимся на них порядкам, не оставляют желать ничего лучшего, как об этом единодушно заявляется всеми местными газетами... Тип новых пароходов общества «Самолёт» может быть признан незаменимым для Волги».

И действительно, прекрасная конструкция новых судов, соответствующая уровням реки и небольшая осадка корпуса, легкость хода, манёвренность и подвижность, роскошная обстановка и обилие удобств для пассажиров делали их лучшими пароходами Волги. На

судах имелись прекрасные столовые, салоны для отдыха с пианино и книгами для чтения...»¹⁵

Розанов свое плавание от Рыбинска до Астрахани описал, как известно, в очерке под названием «Русский Нил», опубликованном в журнале «Русское слово», с которого он взял предоплату, однако с пароходства взять то же самое не получилось, поэтому на пароходе он сразу же занялся поиском недостатков.

Во-первых, колористических: «Совершенно одинаково садиться на пароход «Самолета», или «По Волге», или «Братьев Каменских». Все они теперь так называемой американской системы, которая дивила и чаровала лет тридцать назад взор волжан первыми пароходами этой системы: «Император Александр II», «Колорадо» и «Бенардаки». Теперь этих пароходов нет, но все таковы же: только «самолетские» некрасивого розового цвета, «По Волге» – белого (очень красивого) и, кажется, других обществ – тоже белого»¹⁶.

Во-вторых, конструктивных: «На ночь в каюте, прекрасной, благоустроенной, пытаюсь запереть окно, выдвинув его из-за жалюзи, которое весь день прекрасно затеняло каюту. Ушиб руку, ссадил палец и должен был вызвать звонком слугу, который наконец и справился: наложил крючок на петлю.

«Так просто?» – удивитесь вы. Но что же делать: крючок привинчен к движущейся деревянной раме так низко, что не может свободно вращаться вокруг своей оси, а упирается кончиком в подоконник. Окно (в задвигающейся раме) было в течение дня открыто, и предательский крючок уже наставился, так сказать, «упрямым лбом» в подоконник. Его следовало бы спичкой или гвоздиком предварительно приподнять и затем выдвинуть раму. Но, не ожидая западни в таком месте, я просто сильно дернул раму из пазов. Тогда «упрямый лобик» крючка плотно уткнулся в подоконник. Рассмотрев дело, я уже пытаюсь приподнять крючок спичкою. Не тут-то было: он «плотно уперся», спичка ломается, а он в том же положении. Дергаю – не поддается. Тогда, чтобы расслабить крючок в его «упорстве», я чувствую, что раму надо еще дальше задвинуть внутрь пазов. Тогда все ослабнет, и я подыму крючок за «носик» спичкою. Но рама уже до края задвинута, и дальше подвинуть невозможно. А потому невозможно и ослабить упершегося крючка, а следовательно, и приподнять его, а с тем вместе и закрыть все окно! Я до того поражен глупостью и чепухой всего этого дела, что стал сильнее и сильнее дергать раму, думая, что она хоть сколько-нибудь приподнимется в пазу,

крючок сделает оборот около оси и все дело кончено. Ничего не вышло, и я с болящей рукою зову слугу, который, рванув раму мужицкою силою, действительно заставил ее подняться на тот нужный миллиметр или два миллиметра, которые дали крючку повернуться около оси, и рама выдвинулась!»¹⁷

В кают-компании, наконец, он с неудовольствием обнаружил мебель и рояль и, наоборот, в библиотеке не обнаружил раритетов: «В этой же столовой шкаф с книгами – крошечная пароходная читальня. Опять – как умна мысль! Но каково ее выполнение? «Рим» Э. Золя и еще несколько его же романов; Гончаров, Достоевский и несколько беллетристов из более новых. Почему «Рим» и зачем вообще Золя на Волге? Я пересмотрел заголовки всех книг: ни одной нет, относящейся до Волги. Это до того странно, до того неумно, что растериваешься. Между тем, строя огромный пароход, ставя на нем рояль, мебелируя его великолепной (совершенно ненужной) мебелью, что стоило поставить в книжный шкаф «Волгу» Виктора Рагозина – огромное и дорогое (рублей 16) издание со множеством карт и объяснительных рисунков, вышедшее лет двадцать назад и, вероятно, именно по серьезным своим качествам не нашедшее ни рынка, ни читателей. Нет даже кратких

путеводителей по Волге – ничего! Нет описания хотя бы какого-нибудь приволжского города! Между тем у нас есть «Географический словарь Российской Империи» – многотомное издание академика Семенова, где есть исчерпывающие, хотя и сжатые, научные, не художественные описания решительно всякого местечка в России, и в том числе, конечно, Волги и всех не только городов, но и сел по ее берегам! Конечно, этому «Словарю» первое место на волжских пароходах. Есть целая литература о Нижегородской ярмарке, о движении товаров по Волге, о гидрографических свойствах и русла и течения Волги, но из этого ничего нет, ни одного листка в «читальнях» волжских пароходов. Наконец, если уж брать «развлекающую» беллетристику, то отчего было не взять «В лесах» и «На горах» Печерского, это великолепное и единственное в своем роде художественное воспроизведение быта раскольников по верхней (лесной) Волге и по нижней (гористой) Волге! В составлении читальни выразилось глубокое неуважение пароходных компаний к своим пассажирам, которое на самом деле свидетельствует только о глубоком невежестве самих этих компаний»¹⁸.

Вывод очевиден: для счастливого плавания В.В. Розанов выбрал не ту реку.

Примечания

¹ Крживоблоцкий Я.С. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Костромская губерния.- СПб., 1861.- С. 57-60.

² Шубин И.А. Волга и волжское судоходство.- М., 1927.- С. 564.

³ Карпова Т.М., Резепин П.П. Градоначальники Костромы. 1785-2003: От городского головы до главы самоуправления / Авт.-сост.: Т.М. Карпова, П.П. Резепин.- Кострома, 2003.- С. 70-73.

⁴ Резепин П.П. Костромское купечество от А до Я: Набатовы // Костромской предприниматель.- Кострома, 2004.- № 13.- С. 11.

⁵ Шубин И.А. Волга и волжское судоходство.- М., 1927.- С. 612, 648.

⁶ Оглоблин Н.Н. На реке Костроме // Русское судоходство.- СПб., 1909.- № 3.- С. 111.

⁷ Там же.- С. 113.

⁸ КОУНБ. № Ц17892.1; № 17893.1; № 17894.1; № Ц17895.1; № 17896.1; № 17898.1; № Ц17900.1; № 17901.1; № 19598.1; № 19600.1; № 19601.1; № 19602.1; № 19603.1.

⁹ Костромское общество взаимопомощи лиц, занятых частным трудом. Отчет за 1907 год.- Кострома, 1908.- С. 36.

¹⁰ Костромская губернская ученая архивная комиссия. Отчет о деятельности ... за 1901 год // Костромские губернские ведомости.- Кострома, 1902.- № 89-90.

¹¹ Костромское научное общество по изучению местного края. Отчет о деятельности ... за 1912 год.- Кострома, 1913.- С. 17.

¹² Каталог библиотек пароходов Т-ва «Ф. и Г. Бр. Каменские и Н. Мешков».- Нижний Новгород, [1915] и др.

¹³ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т.- М., 1976.- Т. 4.- С. 71.

¹⁴ Цыбин В.М. Пароход на Волге.- Саратов, 1996.- С. 79.

¹⁵ Там же.- С. 75-76.

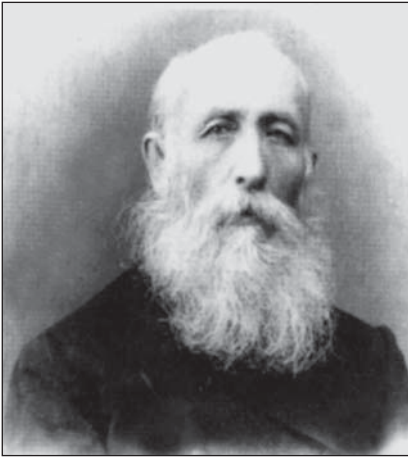
¹⁶ Розанов В.В. Русский Нил // Новый мир.- М., 1989.- № 7.- С. 197.

¹⁷ Там же.- С. 198-199.

¹⁸ Там же.- С. 198.

«Он капуста не торгует, красну девицу целует»

Собиратель и хранитель народных песен **Фёдор Никанорович Лаговский** родился в 1850 году на погосте Троице-Чудца Галичского уезда Костромской губернии в семье дьякона. Образование первой ступени он получил в Галичском духовном училище, и, благодаря музыкальным способностям и хорошему голосу, был взят в архиерейский хор. Затем учился в Костромской духовной семинарии и Петербургском университете. Много лет собирал и записывал устное народное творчество в Костромской, Ярославской, Нижегородской губерниях. В фондах Костромской областной научной библиотеки хранится сборник этих записей, часть из которых мы и представляем вниманию читателя.

Месни беседные Костромской губернии Галичского уезда

1.
Зайка белинькой,
Зайка серинькой,
Ушки долгинькие,
Ножки коротинькие.
Зайка в сторону скочил,
Хмелю, солоду купил;
А в другую-то скочил,
Тут река глубока,
Река тиновата,
Река рябиновата.
Где рябинушка часта,
Целуй девицу в уста.

2.
Я капустоньку садила,
Приговаривала,
Вот лелю, спо-лелю,
Приговаривала:
«Уродись, моя капуста,
И бела, и вила,
Ты бела, и вила,
И со тыном ровна,
С огородом наровни».
Уж я, вышедши на улицу,
Расхвасталаса,
Я расхвасталаса,

Разбахвалилася:
«Кому надобно капусты,
Приходите торговать,
А я буду продавать».
Што негде взялся детинка,
Точно ягодка-малинка;
Он повыдернул тычинку,
Зашел к девице в садок,
Бог на помочь подает:
«Те Бог на помочь, девица,
Капустоньку продавать!»
Он капусты не торгует,
Красну девицу целует,
Он капустки не купил,
Красну девку полюбил,
Возле себя становил,
Правой ручкой наложил,
Левой к сердцу прижимал,
Обрадушкой называл:
«Ты, обрадушка моя,
Чем обрадуешь миня?»

«Я обрадую тебя,
Пойду замуж за тебя,
За удала молодца».

3.
Утушка молодая,
Серая, полевая!
Где ты была-побывала,
Где ночку ночевала?
«Я на речке под мосточком,
Под крутым бережочком.
Я сама собой ходила,
За собой детей водила,
Сама себе говорила:
«Ах, ути, ути!
Стаду некуда уйти:
Нет ни лесу, ни воды,
Ни осоки, ни травы».

Месни игровые

1.
По-за городу гуляет
Царевич-королевич,
Он невест выбирает,
Царевич-королевич.
Ты взойди, сударь, во город,
Ты взойди, сударь, во новой,
Царевич-королевич,
Встань здесь, подоприса,
Царевич-королевич.
Низешенько поклониса,
Царевич-королевич,
Милешенько поцелуйса,
Царевич-королевич.

2.
Уж ты, зимушка-зима,
Зима лютая была,
Зима лютая была,
Заморозила миня;
Заваяло, заваяло
Все дорожки и пути,
Все дорожки и пути,
Нельзя к милому
(милой мне) пройти,
Стелю, стелю постелюшку,
Стелю пуховую,
Ково очень я люблю,
Тово поцелую.

Месни ходовые

Ярославской губернии Пошехонского уезда

1.

Я ходила и гуляла
В зеленом садочке,
Я щипала и рвала
Поспелые вишни,
Подводила милова
Под свои под мысли:
Штобы в карты не играл,
Табак не курил,
Во кабак бы не ходил,
Сладкой водки не пил.
Экой парень молодой!
Все ты лицемеришь;
Я люблю тебя душой,
Только ты не веришь.

2.

Во саду ли, во садочке,
Много комарочков.
Я сама тому дивилась,
Што много родилось.
Нельзя девице хорошей
По саду ходити,
Што по садику ходити,
Цветиков порвати.
Прилетал средь тёмной ночи
Голубок с голубкой
И спускался голубчик
На мой теремочик.

Месни игровые

1.

Ельник да березник,
Стой, не раздражайся,
Лёли, лёли, лёли, лёли!
Стой, не раздражайся,
Хоровод гуляй,
Гуляй не расходися.
В этом хороводе
Девица гуляла, *(Повторяется 2 раза)*
Танцы заводила, *(Повторяется 2 раза)*
Ленту обронила.
– Тятинька, пройди,
Ленточку найди.
Тятинька прошол,
Ленты не нашол,
– Маминька, пройди,
Ленточку найди.
Маминька прошла,
Ленты не нашла,
– Милинькой, пройди,
Ленточку найди.
Милинькой прошол,
Ленточку нашол.
– Милая моя!
Ленточка твоя,
Ленточка твоя,
Целовать тебя.

2.

Ужь я, маминька, неженат хожу,
Не женат хожу, холост гуляю.
Позволь, маминька, мне жениться?
– Ты женись, женись, моё дитятко,
Ты ступай-сходи в хоровод к девкам.
Ты бери, бери да кая лучше всех.
Это лучше всех – дочь дворянская.
– Дочь дворянская шла – не кланялась
Мне-то, молодцу, не понравилась:
– Я вам в полюшке не работница,
Вашей маминьке не заменящица,
Тебе молодцу, не советчица.
(Повтор, первые шесть строк)
Это лучше всех – дочь купецкая.
– Дочь купецкая шла, не кланялась,
Мне-то, молодцу, не понравилась:
– Я вам в полюшке не работница,
Вашей маминьке не заменящица,
Тебе, молодцу, не советчица.
(Повтор, первые шесть строк)
Это лучше всех – дочь крестьянская.
– Дочь крестьянская шла и кланялась.
И мне, молодцу, да понравилась:
– Я во полюшке вам работница,
Вашей маминьке я заменящица,
Тебе, молодцу, я советчица.

Песни беседные

Нижегородской губернии и уезда

1

Как на молодце цепочка горит,
Горит, горит, перегарывает, 2
Мальчик деушку выманивает:
– Ты, девица, сойди с терема,
Красавица, сойди с висока;
Сойди с терема тихохонько,
На дворе у нас чистёхонько,–
Башмачки не топчутся,
Чулки белы не мараются.
Подойди, радость, близёшинько,
Поцелуй меня милёшинько.

65.

Не сокол летит по улице,
Ходит молодец по горнице.
Ох, ты ли, молодец,
Ох, ты ли, удалец!
*(Припев повторяется
после каждых двух стихов)*
Выбирай себе подружину,
Выбирай себе молодинькую;
Ты возьми её за ручиньку,
Ты возьми её за правую,
Проведи её по горнице,
Проведи её по новою.
Распростишься ты с подружинькой,
Распростишься ты с молодинькой:
– Ты прощай, прощай, подружка моя,
Ты прощай, прощай, молодинькая.

Жидовые ↔ девице

3.

Я по бережку похаживала,
Я по крутому погуливала,
Чернобыль-травку заламывала,
Гусей серых заганивала:
– Тега, тега, вы, гуси мои, домой!
Чай вы, гусиньки, наплавалися,
А я, бедная, наплакалася,
Наплакалась, нарыдалась молода, –
Давно с милым не видалася она.

Шол навстречу ей детинка молодой,
Стал он с деушкой заигривати,
Разны шуточки зашучивати,
На резвы ножки наступывати,
За бело лицо похватывати.

– Не хватай, парень, за белое лицо:
Моё личинько разгарчивоё,
Моя маминька догадливая,—
Приду домой, догадается она:
– С чево, дочка, разгорелось лицо?
Али с пива, али с зелена вина,
Али с водочки анисовья?

*Песни записаны Ф.Н. Лаговским
в 1872–1874 годах в Костромской,
Нижегородской, Ярославской губерниях.*

*Примечание.
Публикуется в орфографии оригинала.*

*Ф.Н. Лаговский. Народные песни. Вып. II.
Отдельный оттиск из Трудов Костромского
научного общества. XXIX. – Кострома, 1923.*

Краткий список литературы, посвященный великой русской реке Волге, составлен на базе фондов Костромской областной универсальной научной библиотеки и не претендует на исчерпывающую полноту.

В нем представлены описания волжских городов, в том числе Твери, Ярославля, Нижнего Новгорода и Костромы, различные путеводители, исторические очерки, каталоги торгово-промышленных и художественных выставок, прошедших в городах Казани и Нижнем Новгороде и другие издания. Порядок расположения материала в списке – хронологический.

*Н.Ф. БАСОВА,
зав. сектором краеведения
областной научной библиотеки*

Волга //Справочный энциклопедический словарь /под ред. А. Старчевского. Спб., 1854. Т. 3. В и Г. С. 280–282.

Путеводитель по Ярославской губернии, составленный под руководством начальника Ярославской губернии А.П. Бутурлина <...> Ярославль: Тип. Г. Фалька, 1859. 379 с.

Волга //Курс промышленной экономики и коммерческой географии в связи с торгово-промышленной статистикой России и других стран / сост. А.П. Субботин. СПб., 1878. С. 82–84.

Рагозин В. Волга от Оки до Камы. Т. 1–3. СПб: Изд. придворного кн. магазина Г. Шмицдорф, 1880–1881.

Т. 1. [От истока до Оки]. 1880. [4]; IV; 388; VIII с.

Т.2. [От Оки до Камы]. 1881 [12]; 440 с.

Т. 3. [От Оки до Камы: о народах по средней Волге. Ист. очерк].1881. [8]; 496 с.

Лендер Н. Волга. Очерки и картины, с картою Поволжья. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1889. 260; 34 с.

Всероссийская художественно-промышленная выставка 1896 года в Нижнем Новгороде. СПб.: Книгоизд-во Германа Гоппе, 1896. 202 с.: ил.

Всероссийская выставка 1896 г. в Нижнем Новгороде: путеводитель. Город. Ярмарка. Выставка. СПб.: Тип. А. С. Суворина, [1896]. [179–222 с.]

Спутник по реке Волге и ее притокам Каме и Оке с картами Волги, Камы и Оки, видами и планами Волжских, Камских и Окских городов. Саратов: Типо-Литография П.С. Феокритова, 1903. 30; 112; 44 с.: ил.; 66 карт, 13 планов.

Лендер Н. Волжский спутник. Очерки Поволжья и справочный указатель с картою Поволжья. 5-е изд. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1904. IV; 276 с.

Критский П.А. Наш край. Ярославская губерния – опыт родиноведения. Ярославль: Изд. Ярослав. губ. земства, 1907. 242 с.: ил.

Альбом международной выставки мелкой промышленности, профессионального об-

разования, сельского хозяйства с отделами крупной промышленности и противопожарного дела в Казани 1909. СПб.: Т-во Р. Голике [1909?]. 167; IV с.

Спутник экскурсанта № 5. Города, объединенные подвигом избрания Дома Романовых на царство: Кострома – Ярославль – Ростов Великий / под общ. ред. С.И. Гинтовта. М.: Издание Центр. экскурсион. комис. при Москов. учеб. округе, 1913. 120 с.: ил.

Торгов А.Я. Деловой спутник по Северному краю и Верхнему Поволжью. 4-е изд. Ярославль: Типо-литография Н.Х. Николаевой, 1913. 623 с.: ил.

Белов Е. Казань. Нижний Новгород. Кострома. М.: Т-во «Образование», 1913. 82 с.: ил. (Культурные сокровища России. Вып. 4.)

Верхнее Поволжье от Ярославля до Нижнего Новгорода и волжское судоходство /под ред. Н.Н. Бехтерева. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1913. 88 с.: ил.

Спутник-указатель по городам Поволжья Ярославлю, Костроме, Н.-Новгороду, Ниж. Ярмарке, Казани, Владимиру и др.: путеводитель, торгово-промышленная, адресная и справочная книга с планами /под ред. П.Е. Навоева. СПб: Первая женская тип. «Печатного станка», 1914. XXII; 15; 38; 96 с.: ил.

Шубин И. А. Волга и Волжское судоходство. (История, развитие и современное состояние судоходства и судостроения). М.: Транспечать НКПС, 1927. 1002 с.: ил.

Феденко И.И. Волга. М.: Изд-во М-ва речного флота СССР, 1947. 274 с: ил.

Кублицкий Г. Великая речная держава: материалы к истории отечественного речного транспорта. 2-е изд., перераб. М.: Изд-во М-ва речного флота СССР, 1952. 335 с.: ил.

Магдалинский А. На Волге. Воспоминания старого капитана. [Кн. 1] [Ярославль]: Ярослав. кн. изд-во, 1953. 116 с.: ил.

Волга магистраль пяти морей. М.: Речиздат, 1953. 488 с.: ил.

Волга. Кама, Ока. Дон: путеводитель. М.: Речной транспорт, 1955. 462 с.: ил.

Фоменко Я. От стен Кремля. М.: Москов. рабочий, 1957. 244 с.

Кублицкая Р.Н., Кублицкий Г.И. На Волгу!: Путеводитель по Волге, Каме, Оке, Дону, Волго-Балту. [М.:«Речной транспорт»,1962.] 395 с.: ил.

Кублицкий Г. Волга, Волга <...> М.: Детгиз, 1962. 222 с.: ил.

Нейгольдберг В.Я. Речной транспорт СССР в годы Великой Отечественной войны /под ред. С.М. Румянцева. М.: Транспорт, 1965. 256 с.: ил.

Клыков А.А. Волга. 2 –е изд. М.: Просвещение, 1965. 118 с.: ил.

Прянишников В.С., Введенский С.Ф. По Волге: путеводитель. М.: Сов. Россия, 1966. 220 с.: ил.

Носик Б.М. По Руси Ярославской. М.: Мысль, 1968. 236 с.: ил.

Ушинский К.Д. Поездки по России /сост., вступит. ст. и примеч. А.Н. Иванова. Ярославль: Верх.-Волж. кн. Изд-во, 1969. 144 с.

Волга и ее жизнь. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. 350 с.: ил.

Горцев В.И., Соловьев Ю.Л. Природные достопримечательности Поволжья. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1979. 40 с.

Половинкин В. Река и берег: очерки. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1982. 318 с.: ил.

Путешествия на теплоходе: плановые маршруты по рекам СССР /сост. Я.А. Каганов. М.: Профиздат, 1983. 176 с.: ил.

Горбаневский М.В., Дукельский В.Ю. По городам и весям «Золотого кольца». М.: Мысль, 1983. 190 с.: ил.

Палькин Н. О. Волга! М.: Мол. гвардия, 1985. 288 с.: ил.

Плечко Л.А. Старинные водные пути. М.: Физкультура и спорт, 1985. 104 с.: ил.

Козлов П.И., Маров В. Ф. Ярославль: площади, улицы, памятники истории и культуры. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1985. 127 с: ил.

Курдин В.А, Саратов В.Ф. Речной транспорт в 1946–1985 годах /под ред. М.Н. Чеботарева. М.: Транспорт, 1987. 544 с.

СУДОХОДНЫЙ ДОРОЖНИК

Уроженцы Костромской губернии братья-академики Григорий и Никанор Чернецовы совершили плавание по Волге от истока до устья ещё в 1838 году, однако средств на публикацию интереснейших заметок и рисунков не нашли, и их рукописные «Воспоминания из путешествия по Волге», хранившиеся в библиотеке Эрмитажа, увидели свет спустя целый век в Москве. В 1854 году в Санкт-Петербурге Главным управлением путей сообщения и публичных зданий был издан «Судоходный дорожник Европейской России», где в части первой «Волга» шло описание не только губернских и уездных городов, но и примечательных на судоходном пути мест и сооружений, а также перечисление прибрежных населённых пунктов, протоков, мелей, переправ, пристаней и гидротехнических сооружений. Можно сказать, это был первый путеводитель по Волге.

СТАРЕЙШИЕ ГОРОДА

В Перечне исторических городов России указаны годы основания старейших русских городов. Для примера можно взять по четыре первых по возрасту города из каждой верхневолжской области. Тверская: Тверь (1136), Бежецк (1137), Торжок (1139), Зубцов (1216). Ярославская: Ростов (862), Ярославль (1010), Рыбинск (1071), Углич (1148). Костромская: Кострома (1152), Галич (1159), Нерехта (1214), Солигалич (1335). Нижегородская: Городец (1152), Нижний Новгород (1221), Большое Мурашкино (1377), Балахна (1401). Как видим, самой «пожилой» областью является Ярославская, а самой «молодой» – Нижегородская.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ГЕРБЫ

На историческом гербе Твери была изображена на золотом престоле, на зелёной подушке золотая корона; на гербе Ярославля – медведь с золотой секирой; на гербе Костромы – золотая галера с десятью золотыми гребцами; на гербе Нижнего Новгорода – олень с золотой над ним короной. Символика каждого герба была связана с определёнными историческими событиями. Былое политическое значение Тверского княжества, убийство Ярославом Мудрым медведицы при основании города, посещение императрицей Екатериной Второй Костромы на галере «Тверь», поход Ивана Грозного на Казань, когда мясо нижегородского оленя укрепляло воинов. Золото же в геральдике – символ высшей ценности, богатства, величия, постоянства, прочности, силы, великодушия... Историческая символика перешла и в современные гербы.

«ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ»

Первая в России газета с таким названием вышла в Ярославле в 1860 году. Отцом-основателем «Ярославских епархиальных ведомостей» был архиепископ Нил, а программу, утверждённую Синодом (теперь бы назвали проектом), ему передал епископ Херсонский Иннокентий. В 1864 году увидели свет «Нижегородские епархиальные ведомости», в 1877 – «Тверские епархиальные ведомости», в 1885 – «Костромские епархиальные ведомости». В советское время эти газеты не выходили, а в постсоветское были возрождены.

*Всем, посетившим «Твернский дом», —
сердечное спасибо!*

